

**Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет социологии**

**Социологический институт Российской академии наук
Социологическое общество им. М.М. Ковалевского**

**ЖУРНАЛ
СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**

**2013. Том XVI
№ 3 (68)**

**THE JOURNAL
OF SOCIOLOGY
AND SOCIAL
ANTHROPOLOGY**

**2013. Volume XVI
No 3 (68)**

Журнал основан в 1998 году

**Санкт-Петербург
2013**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Козловский, д.филос.н., профессор,
главный соредактор, СПбГУ

Х.-П. Блоссфельд, доктор социологии, про-
фессор, главный соредактор (Бамберг, Гер-
мания)

А.В. Дука, к.пол.н., с.н.с., зам. главного ре-
дактора, СИРАН

А.О. Бороноев, д.филос.н., профессор, СПбГУ

Р.Г. Браславский, к.соц.н., с.н.с. СИРАН

И.И. Елисеева, д.э.н., проф., чл.-корр. РАН,
СИРАН

Н.Г. Скворцов, д.соц.н., профессор, СПбГУ

А.В. Тавровский, асс., ответственный
секретарь, СПбГУ

Секретарь редакции А.С. Наумова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)

М. Буравой (Беркли, США)

Ю.В. Веселов (С.-Петербург, Россия)

В.В. Волков (С.-Петербург, Россия)

Д.П. Гавра (С.-Петербург, Россия)

И.А. Григорьева (С.-Петербург, Россия)

А. Дайксель (Гамбург, Германия)

И.Ф. Десятко (Москва, Россия)

Д.В. Иванов (С.-Петербург, Россия)

В.И. Ильин (С.-Петербург, Россия)

Ю.Л. Качанов (Москва, Россия)

С. Кларк (Уорвик, Великобритания)

А.А. Клёцин (С.-Петербург, Россия)

Н.Е. Копосов (С.-Петербург, Россия)

Н.Н. Крадин (Владивосток, Россия)

В.Ф. Левичева (Москва, Россия)

Н.Е. Покровский (Москва, Россия)

В.Е. Семенов (С.-Петербург, Россия)

Л.Г. Титаренко (Минск, Белоруссия)

В.Г. Федотова (Москва, Россия)

Ю. Фельдхофф (Билефельд, Германия)

Х. Шрадер (Магдебург, Германия)

Т.Б. Щепанская (С.-Петербург, Россия)

Х. Харбах (Билефельд, Германия)

М.Б. Хомяков (Екатеринбург, Россия)

Е.Р. Ярская-Смирнова (Саратов, Россия)

EDITOR

V. Kozlovskiy, Dr. Prof., St. Petersburg

H.-P. Blossfeld, Dr. Prof. (Bamberg,
Germany)

EXECUTIVE BOARD

A. Duka, Dr., St. Petersburg

A. Boronoev, Dr., Prof., St. Petersburg

R. Braslavskiy, Dr., St. Petersburg

I. Eliseeva, Dr., Prof., Corr. Member of the
RAS, St. Petersburg

N. Skvortsov, Dr., Prof., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Tavrovsky, St. Petersburg

Secretary A. Naumova

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg)

M. Burawoy (Berkeley, USA)

Y. Veselov (St. Petersburg)

V. Volkov (St. Petersburg)

D. Gavra (St. Petersburg)

I. Grigoryeva (St. Petersburg)

A. Daichsel (Hamburg, Germany)

I. Deviatko (Moscow)

D.V. Ivanov (St. Petersburg)

V. Ilyin (St. Petersburg)

Y. Kachanov (Moscow)

S. Clarke (Warwick, Great Britain)

A. Kleozin (St. Petersburg)

N. Koposov (St. Petersburg)

N.N. Kradin (Vladivostok, Russia)

V. Levicheva (Moscow)

N. Pokrovsky (Moscow)

V. Semeonov (St. Petersburg)

L. Titarenko (Minsk, Belarus)

V. Fedotova (Moscow)

J. Feldhoff (Bielefeld, Germany)

H. Schrader (Magdeburg, Germany)

T. Schepanskaja (St. Petersburg)

H. Harbach (Bielefeld, Germany)

M. Khomyakov (Ekaterinburg, Russia)

E. Jarskaja-Smirnova (Saratov)

СОДЕРЖАНИЕ

Истоки российской социологии: А.С. Лаппо-Данилевский

<i>Козловский В.В.</i> От методологии истории к исторической метасоциологии: уроки А.С. Лаппо-Данилевского	5
<i>Малинов А.В.</i> А.С. Лаппо-Данилевский — первый председатель русского социологического общества им. М.М. Ковалевского	8
<i>Малинов А.В.</i> «Рассадник насущных знаний» (деятельность А.С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук)	17
<i>Ростовцев Е.А.</i> А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации	29
<i>Лаппо-Данилевский А.С.</i> Методология истории. Введение	44
<i>Лаппо-Данилевский А.С.</i> Об Институте социальных наук. Записка комиссии Российской Академии Наук.	59

Социология социальных проблем

<i>Гольбрайх В.Б.</i> Экологический конфликт в местной прессе.	63
<i>Кольцова О.Ю., Ясавеев И.Г.</i> Конструирование проблемы полицейского насилия в российской блогосфере: риторика, лейтмотивы и стили	81

Социология города

<i>Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В.</i> Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан	101
<i>Тыканова Е.В.</i> Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа)	112
<i>Карпов Ю.В.</i> Капиталистическая реконструкция исторического центра Саратова: эволюция властного дискурса	124

Социология девиантности

<i>Шипунова Т.В.</i> Продвижение девиантных образцов поведения как (а)социальных проектов в виртуальной коммуникативной среде	138
<i>Дмитриева А.В.</i> «Стилизация» биографических траекторий через потребление наркотиков	154

Социология гендера и сексуальности

<i>Мозжегоров С.В.</i> Стратегии гомосексуального раскрытия в личностных нарративах российских геев и лесбиянок.	172
<i>Гольман Е.А.</i> О реальных и воображаемых женских телах: проблема соотношения тела и гендера	188

Научная жизнь

Международная научная конференция «Понимание общественно-исторического развития и современности: методология социальных наук»	206
--	-----

Новые книги по социальным наукам

<i>Сорокина Н.В., Алипов Д.В.</i> Средство передвижения и статусной мобильности: машина в социокультурной перспективе.	
Кононенко Р.В. Автомобильность в России. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. — 156 с.	210

Abstracts	216
----------------------------	-----

CONTENTS

History of Russian Sociology: A. Lappo-Danilevsky

<i>Kozlovskiy V.</i> From a Methodology of History to a Historical Metasociology: A. Lappo-Danilevsky's Lessons	5
<i>Malinov A.</i> A. Lappo-Danilevsky, the First Chairman of M. Kovalevsky Russian Sociological Society	8
<i>Malinov A.</i> «A Disseminator of Vital Knowledge» (A. Lappo-Danilevsky's activities for the organization of the Institute of Social Sciences).	17
<i>Rostovtsev E.</i> A. Lappo-Danilevsky in St. Petersburg University Corporation	29
<i>Lappo-Danilevsky A.</i> Methodology of History. Introduction.	44
<i>Lappo-Danilevsky A.</i> On the Institute of Social Sciences. A Note by the Commission of the Russian Academy of Sciences	59

Sociology of Social Problems

<i>Golbraykh V.</i> Environmental Conflicts in the Local Media	63
<i>Koltsova O., Yasaveyev I.</i> Constructing the Police Violence Problem in the Russian Blogsphere: Rhetoric, Motifs and Claims-Making Styles	81

Urban Studies

<i>Pryamikova E., Vandyshev M., Veselkova N.</i> Les Lieux de Mémoire and Symbolic Capital of Territories in Mental Maps of Town-Dwellers	101
<i>Tykanova E.</i> The Influence of Urban Political Regimes on City Space Contestation (the Case of St. Petersburg and Paris)	112
<i>Karpov Yu.</i> The Capitalist Reconstruction of Saratov's Historic Center: Evolution of the Power Discourse	124

Sociology of Deviance

<i>Shipunova T.</i> Promotion of Deviant Behavior Patterns as (A)Social Projects in a Virtual Communicative Environment	138
<i>Dmitrieva A.</i> "Stylization" of Biographical Trajectories through Drug Consumption	154

Sociology of Gender and Sexuality

<i>Mozzhegorov S.</i> Strategies of Homosexual Coming out in Personal Narratives of Russian Sexual Minorities	172
<i>Golman E.</i> On Real and Imaginary Female Bodies: Comparing the Body and Gender	188

News / Information

International Scientific Conference "Understanding Socio-Historical Development and Modernity: A Methodology for Social Sciences".	206
---	-----

New Books on Social Sciences and Humanities

<i>Sorokina N., Alipov D.</i> The Means of Transport and Status Mobility: the Car in the Socio-Cultural Perspective Kononenko R. Automobility in Russia. Moscow: Variant; CSPGS, 2011. — 156 p.	210
---	-----

Abstracts	216
----------------------------	-----

ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

В.В. Козловский

ОТ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТАСОЦИОЛОГИИ: УРОКИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО*

Статья является введением к публикации материалов академика Российской академии наук Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), соединившего в себе творческие интуиции историка, социального философа, социолога. Его вклад в развитие социальных и гуманитарных наук в России в начале XX в. состоял прежде всего в развитии археографии, методологии истории и социологии. Он был инициатором создания и первым председателем Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916), а также активным сторонником создания Института социальных наук (1918).

Ключевые слова: методология истории, историческая метасоциология, номотетический и идиографический подход.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) занимает уникальное место в российской академической и общественно-научной традиции. Исследователями справедливо подчеркиваются его заслуги в создании основ научной методологии исторической науки в России. Он был одним из русских энциклопедистов, отстаивавших идею интеграции исторического, социального и гуманитарного знания. Его разработки в области исторической науки отчетливо демонстрируют высокий потенциал осуществленного им синтеза методологии познания истории, общества и культуры. Общий настрой многих русских ученых рубежа XIX–XX вв. состоял в поиске ответов на вопросы о теоретическом постижении исторического процесса. Следует отметить, в частности, социологически выстроенные труды современника Лаппо-Данилевского Н.И. Кареева по философии истории, теории исторического познания, историологии.

* Текст подготовлен при поддержке гранта РГНФ № 10-03-00840а.

Козловский Владимир Вячеславович — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий сектором истории российской социологии Социологического института РАН (vvk_soc@mail.ru)

150-летняя годовщина со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского служит поводом для внимательного прочтения базовых положений его методологии истории и в то же время символизирует необходимость обращения к глубинным вопросам понимания истории, ее источниковедческой и документальной обоснованности, археографии в общественно-культурном контексте. В данном номере мы публикуем «Введение. Принципы и методы исторической науки» из одной из самых значимых посмертно изданных немногочисленных работ А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» (1923). В этой книге ярко представлен компендиум его макросоциологического подхода к методологии истории, познанию и пониманию истории. Он детально разбирает основные концептуальные построения, относящиеся к методологии истории, дает им взвешенную оценку. Например, он подмечает и достаточно аргументировано показывает замену популярного в то время исторического материализма, в его формулировке, материалистических основ социалистического понимания истории, на использование принципов трансцендентально-идеалистического истолкования истории.

Что же представляется наиболее значимым в научных изысканиях и размышлениях А.С. Лаппо-Данилевского для современных исследований многомерного исторического процесса? Можно выделить несколько предложенных им положений, достаточно актуальных на сегодняшний день.

Во-первых, это требование А.С. Лаппо-Данилевского исходить из надежных критически проверенных источников как первейшего условия любого анализа исторической реальности. Во-вторых, обоснование принципа соответствия документов реальному времени и контексту их происхождения, что особенно ценно для достижения требования эмпирической достоверности источников. В-третьих, отстаивание многомерности научного изучения действительности, представленного как конструированием общих законов (номотетический подход), так и построением индивидуально-процесса ее развития (идиографический подход).

Особенно важно, что ученый разделяет два понимания науки по типу знания: научно-обобщенное и систематически объединенное знание, доставляемое, например, социологией и историей. Симптоматично его признание социологии как более общей науки об обществе, чем история. Однако обе направлены на раскрытие единства и разнообразия социальной и культурной жизни.

Он твердо стоит на почве различения гносеологического и реалистического построения исторического знания во избежание недоразумений в понимании задач и методов исторической науки. Присущий ему своеобразный методологический универсализм существенно расширяет возможности социогуманитарного познания. Поэтому не случайно

А.С. Лаппо-Данилевский объединяет в себе творческие интуиции историка, социального философа, социолога. Его отличал высокий уровень казалось бы отвлеченного методологического анализа исторического процесса. При этом он в социологическом ключе рассматривал историю крестьянства в России (см. например: Крестьянский строй: сборник статей / изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого при участии ред. газ. «Право». — С.-Петербург: Беседа, 1905. Т. 1: сборник статей А.А. Корнилова, А.С. Лаппо-Данилевского, В.И. Семевского и И.М. Страховского. — 1905. — 456 с.).

Свой академический статус Лаппо-Данилевский продуктивно использовал не только в рамках Российской академии наук на различных публичных аренах в весьма непростое военное время. В практическом плане он четко понимал острую необходимость интегрального развития социальных наук, о чем свидетельствуют публикуемые в номере документы о проекте создания Института социальных наук. Он был одним из инициаторов учреждения в 1916 г. и первым председателем Русского социологического общества имени Максима Максимовича Ковалевского. Продолжателем традиций первого организованного сообщества социальных ученых и общественных деятелей в настоящее время является воссозданное в 1996 г. Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. Можно только поражаться его многим инициативам в археографии, начинаниям в сфере исторических исследований, социальных наук.

Было бы не совсем точно называть А.С. Лаппо-Данилевского представителем классической исторической социологии. Его трудно назвать социологом в чистом виде. Поэтому точнее определить его как зачинателя исторической метасоциологии. Признавая огромную роль социологии в обобщающем познании законов или типов социального взаимодействия, строения и развития общества, он отстаивал необходимость индивидуализирующей точки зрения на научное историческое постижение действительности. История, по общепринятому среди историков мнению, образует индивидуальные понятия. Он стремится преодолеть искусственные расхождения между различными пониманиями действительности в рамках исторической науки. Основой его методологии истории является критическое рассмотрение двух линий исторического изучения действительности. Первая состоит в развитии номотетического знания, которое явно недостаточно для этой цели, а вторая в развитии идиографического знания, которое становится научным только в случае, если оно пользуется, по его слову, первым и «умеет приноровить его к установлению исторического значения индивидуального». Таким образом, А.С. Лаппо-Данилевский старается обойти крайности в современной ему методологии истории и начинает создавать основы исторической метасоциологии.

**А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ — ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РУССКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ИМ. М.М. КОВАЛЕВСКОГО***

В статье рассматривается история создания Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского и описываются первые два года его существования, когда председателем общества был академик А.С. Лаппо-Данилевский. На основе архива А.С. Лаппо-Данилевского приводятся программы первых заседаний общества и переписка председателя общества с членами президиума общества.

Ключевые слова: *Русское социологическое общество, А.С. Лаппо-Данилевский, история русской социологии.*

27 января исполнилось 150 лет со дня рождения академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863—1919). Его научная и административная деятельность неоднократно освещались в исследовательской литературе, в том числе и в опубликованных в последние годы монографиях (Малинов, Погодин 2001; Ростовцев 2004; Трапш 2006). С именем Лаппо-Данилевского связано и становление социологии как науки в России, институционализация этой новой научной дисциплины.

Социологические взгляды Лаппо-Данилевского, в отличие от его исторической и методологической концепции, изучены еще далеко не полностью. Можно указать лишь отдельные публикации на эту тему (Малинов, Погодин 1999: 33—47; Dmitriev 2010: 599—627). В то же время деятельность по организации социологической науки занимала важное место в работе ученого в последние годы его жизни. Во втором десятилетии XX в. окончательно сформировался и более широкий теоретический подход Лаппо-Данилевского к проблемам историографии, что позволило ему, опираясь на историю, перейти к формулированию обобщающей науки о социальных явлениях, теоретическому обществензнанию, отождествляемому им с новой в то время дисциплиной — социологией. Бли-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 10-03-00840а.

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета (a.v.malinov@gmail.com)

жайшим образом к занятиям социологией Лаппо-Данилевский пришел благодаря своим работам по философии истории, точнее, по исторической гносеологии или, как чаще было принято называть эту отрасль философско-исторического знания, — методологии истории. Опубликованные в конце жизни работы ученого позволяют отнести его к одним из первых отечественных социологов. В историко-социологической литературе Лаппо-Данилевский, как правило, упоминается в качестве представителя неокантианского направления.

Однако едва ли не большее значение для российской социологии имела деятельность Лаппо-Данилевского в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского и его работа по организации Института социальных наук в Петрограде. Архив ученого позволяет прояснить его участие в этих структурах. Материалы из архива Лаппо-Данилевского частично опубликованы (Социологическое общество... 2001: 74–78; Долгова 2011: 135–143). Устав Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского также был переиздан (Устав Русского Социологического общества... 1993: 147–150; Социологическое общество... 2001: 19–25) и вместе со списком первого состава его членов размещен на сайте современного Социологического общества им. М.М. Ковалевского. Машинописный оригинал устава Социологического общества, утвержденный петроградским губернатором и изданный отдельной брошюрой в 1916 г., был подписан помимо Лаппо-Данилевского профессором Психоневрологического института Сергеем Константиновичем Гогелем, профессором Санкт-Петербургского университета Николаем Ивановичем Кареевым, членом Государственной Думы Евграфом Петровичем Ковалевским и профессором Павлом Исаевичем Люблинским (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87: 3 об.). В машинописный экземпляр первых членов Социологического общества карандашом рукой Лаппо-Данилевского были вписаны С.А. Острогорский и Б.Ф. Вериги (Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее — СПбФА РАН). Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87: 10).

История создания Социологического общества такова. С предложением основать такое общество в Санкт-Петербурге К.М. Тахтрёв обратился к М.М. Ковалевскому в 1906 г. Вот как сам К.М. Тахтарёв об этом вспоминал: «К мысли об учреждении в России социологического Общества относился весьма недоверчиво даже и сам Максим Максимович Ковалевский, несмотря на то, что изо всех выдающихся представителей русской общественной науки он наиболее близко подошел к социологии. <...> М.М. Ковалевский еще в 1906 году, когда я предлагал ему основать в Петрограде социологическое общество, добродушно улыбался в ответ, указывая на недостаточность сил и неблагоприятность условий для осуществления для осуществления подобной “несвоевременной” мысли.

Несколько позже, когда русская общественная жизнь снова вошла в свою обычную колею, после исторических событий 1906—6 и 7 годов, мысль об основании в Петрограде социологического общества стала встречать несколько иное к себе отношение. И, если не ошибаюсь, в 1912 г. в кружке близких М.М. Ковалевскому лиц окончательно сложилось решение основать в Петрограде социологическое общество. Это решение тогда же было приведено в исполнение. При участии М.М. Ковалевского, Е.В. Де-Роберти, Н.И. Кареева и ряде других лиц, было созвано учредительное собрание. Однако, деятельность этого общества, насколько помню, и ограничилась этим и еще другим собранием, на котором читался доклад Де-Роберти» (Тахтарёв 1919: 14—15). 24 марта 1916 г., т. е. на следующий день после смерти М.М. Ковалевского, К.М. Тахтарёв предложил ученикам покойного П.А. Сорокину и Я.М. Магазинеру основать в память скончавшегося ученого социологическое общество. Вечером 26 марта 1916 г. после «величественных похорон М.М. Ковалевского», на квартире Я.М. Магазинера прошло первое собрание «молодых социологов» (Н.Д. Кондратьев, П.И. Люблинский, Я.М. Магазинер, С.И. Солнцев, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарёв), на котором было решено обратиться «ко всем представителям общественнознания, которые находились в этот момент в Петрограде <...> основать русское социологическое общество» (Тахтарёв 1919: 16). Через несколько дней на квартире П.И. Люблинского (Лермонтовский проспект, д. 17) состоялось новое собрание, на котором помимо «молодых социологов» присутствовали А.А. Кауфман, Н.И. Кареев, Е.П. Ковалевский и С.К. Гогель. Здесь же было принято решение создавать общество как самостоятельную структуру, а не организовывать его в рамках какого-нибудь учреждения (университета, Психоневрологического института и т. п.). Третье собрание, наиболее многочисленное, на котором был принят устав общества, прошло тогда же, весной 1916 г., уже на квартире Е.П. Ковалевского.

Спустя полгода после утверждения устава (17 мая 1916 г.) состоялось первое официальное (учредительное) собрание Социологического общества. Собрание прошло в воскресенье 13 ноября 1916 г. в 20.00 в здании Курсов П.Ф. Лесгафта по адресу: Английский проспект, д. 32. Председательствовал Е.П. Ковалевский, секретарем был Н.Д. Кондратьев. Началось собрание с речи Н.И. Кареева, посвященной памяти М.М. Ковалевского, затем обсуждались организационные вопросы, главным образом избрание комитета президиума общества. Первым председателем Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского был избран А.С. Лаппо-Данилевский. Следующее заседание состоялось 11 декабря 1916 г.

Депутат Государственной Думы и один из учредителей Социологического общества Е.П. Ковалевский (родственник М.М. Ковалевского)

пожертвовал обществу «облигации Петроградского Губернского Кредитного Общества в одну тысячу руб. номинальной стоимости». Е.П. Ковалевский служил в Ученом комитете Министерства народного просвещения, был председателем комиссии по народному образованию в III и IV Государственной Думе, являлся автором закона о всеобщем образовании (1912 г.). Комитет общества принял решение разместить полученный капитал «в качестве неприкосновенного на хранение в один из петроградских банков» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87: 35).

Перед председателем и комитетом президиума стояла задача организовать содержательную работу общества, определить порядок и тематику докладов. Среди членов комитета не было единого мнения по этому вопросу. С.К. Гогель, например, предлагал не касаться пока общих вопросов, а доклады посвятить частным социологическим проблемам. На этом он настаивал в одном из писем к Лаппо-Данилевскому.

«Глубокоуважаемый
Александр Сергеевич,

вернувшись домой и обдумывая нашу сегодняшнюю беседу, я пришел к заключению, что единственным исходом из тех противоречий, в которых мы застряли может быть следующее.

1. Объяснить в первом же общем собрании от имени Комитета, что мы не имеем возможным начинать нашу деятельность с общих понятий и положений по следующим причинам. Во первых, потому что общепризнанных положений не имеется даже по основным вопросам о содержании, о методе и т. д., наоборот все это составляет предмет споров ... Во вторых, потому что у нас нет ученого социолога или хотя бы ученого всецело посвятившего себя социологии, поэтому и дать вступительное обозрение всех течений в науке едва ли кто-либо взял бы на себя (Кареев в последнем издании своего Введения все таки отсылает к давно минувшим временам).

2. Поэтому Комитет предлагает идти если не индуктивным, то подготовительным путем ряда докладов на темы о том, что каждая из соприкасающихся наук дала социологии. Попутно в прениях несомненно выясниться, к каким выводам на основные вопросы содержания и метода склоняется общество» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87: 33, 33 об., 34, 34 об.).

С.К. Гогель предлагал первый доклад сделать самому Лаппо-Данилевскому о значении истории для социологии. Затем были предложены кандидатуры докладчиков: В.А. Вагнера «со стороны биологии, А.А. Кауфмана — политической экономии, А.Ф. Лазурского — психологии» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87: 34 об.). Свой доклад С.К. Гогель планировал посвятить вопросу о социальной патологии (преступления, проституция, самоубийство, бродяжничество).

Комитет президиума дважды собирался для решения этих вопросов и далеко не сразу пришел к компромиссному решению. Излагая итог дискуссий, П.А. Сорокин писал Лаппо-Данилевскому 27 января 1917 г.: «Решение Комитета о плане работ:

1) не выработать общей систематич[еской] программы.

2) Принять систему отдельных докладов.

3) Признать в начальный период деятельности Об-ва более желательными доклады общего характера, а потом уже более специального:

а) первым докладом поставить доклад о современном состоянии социологии б) далее ряд докладов на тему: что дали специальн[ые] науки социологии и что дала она первым с) затем желательны доклады по основн[ым] социологич[еским] проблемам и наравне с ними доклады по вопросам специальн[ых] наук, имеющие социологич[еский] интерес» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87: 27). И уже на ближайшем заседании социологического общества 1 февраля 1917 г. были заслушаны доклад М.И. Кулишера «К вопросу о причинах Германо-Европейской войны» и сообщение П.А. Сорокина «Современное состояние социологии во Франции». Сообщение П.А. Сорокина значится и в повестке следующего заседания социологического общества 5 марта 1917 г. В этот же день с докладом «Социальность и ее значение в эволюционном процессе» выступил В.М. Бехтерев.

Круг вопросов, решение которых требовало участия Лаппо-Данилевского, был достаточно широк: ведение протокола, общие вопросы, издание журнала, выписка иностранных журналов, объявление в иностранных журналах о новом обществе, формирование ревизионной комиссии, избрание новых членов, как русских, так и иностранных, размер членских взносов и способ их взимания, распределение занятий комитета, оплата помещения, в котором проходили заседания (Курсы П.Ф. Лесгафта), избрание почетных членов, организация печатных изданий и лекций, распределение порядка докладов и утверждение их тематики, решение вопроса о том, нужны ли предварительные тезисы докладов, регистрация общества.

Особое значение имел вопрос о собственном печатном органе Социологического общества. Перспективы основания специализированного издания по социологии вызывали сомнения у многих членов комитета. Желая их развеять, В.А. Вагнер писал Лаппо-Данилевскому 11 декабря 1916 г.: «Не имея возможности присутствовать на сегодняшнем заседании, позволяю себе еще раз вернуться к вопросу о журнале, организация которого, по моему мнению, является делом и необходимым и неотложным.

Против этого предложения были высказаны собственно два соображения:

- 1) Отсутствие средств;
- 2) Недостаток сил для поддержки журнала.

Что касается первого из них, то я полагаю, что если издание "Новых идей в социологии" окупалось, то нет основания думать, что журнал Социологического Общества не найдет издателя. Во всяком случае нет основания утверждать последнее, не сделав попытки такового найти.

Что же касается до недостатка сил, то это обстоятельство обязывает нас лишь к тому, чтобы на первых порах использовать силы западно-европейских и Американских ученых и их журналы. С этого начинали и начинают не только наши ученые общества, но даже их отделения.

Во всяком случае я совершенно убежден в том, что именно у нас в России, где, по целому ряду причин интерес к Социологии запоздал, иметь свой постоянный орган печати, возле которого могли бы объединяться имеющиеся силы и необходимо, и неотложно.

На последнем я настаиваю потому, что для организации журнала по Социологии нужна большая предварительная работа: необходимо теперь же озаботиться приобретением для нашего издания зарубежных журналов по социологии; нужно теперь же редакторам отделов снестись с сотрудниками зарубежных журналов и учеными соответствующих организаций. Кстати! Не сочли бы Вы возможным предложить общему собранию избрать в члены нашего Общества тех социологов Западной Европы, которые могли бы быть полезны в нашем деле. Все это требует и труда и времени, которого у нас так мало, что откладывать осуществление журнала "до более благоприятного времени" — уже по одному этому не желательно. Таковы соображения, которые я счел своим долгом изложить Вам, глубокоуважаемый Александр Сергеевич в дополнение к протоколу предшествующего заседания, прежде чем похоронить журнал на многие годы, а с ним вместе, по моему мнению, если не похоронить самое Общество, то обречь его на весьма тусклое прозябание» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87: 32, 32 об.).

Политические события почти на полтора года прервали деятельность Социологического общества. Инициатором ее возобновления выступил К.М. Тахтарёв. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. он направил письмо Лаппо-Данилевскому.

«Многоуважаемый
Александр Сергеевич,

Обращаюсь к Вам, как к Председателю нашего Социологического Общества и председательствующему члену его Совета, которому не может быть безразлична дальнейшая судьба Общества и который не может оставаться безучастным к ней.

Мне кажется, что становится необходимым вывести наше Социологическое Общество из его настоящего состояния временного небытия, которое воистину смерти подобно.

Я прекрасно понимаю, как трудно сейчас работать, как тяжелы теперь условия для научной деятельности, как неблагоприятны они для нашего умственного общения.

Однако, с другой стороны, нет никакого сомнения в том, что никогда еще не требовалась социологическая работа в такой сильной степени, как сейчас. Переживаемые события имеют столь же мировое, сколь и социологическое значение. Эта война и производимые ею общественные потрясения колеблют современное общество в самой его основе и требуют настойчиво от социологов самой деятельной работы научной мысли для освещения, как самой войны, так и всех тех неизбежных последствий, которые вытекают из нее с немолимой силой логики событий. Одни лишь социологи могут должным образом ответить на многие из тех вопросов, которые ставит происходящая война народам и связанные с нею бедствия. И я не на момент не сомневаюсь в том, что окончание войны должно будет совпасть с началом мощного развития социологии и социологических обществ.

А если это так, то и наше русское социологическое общество должно возобновить свою жизнь и деятельность и начать немедленно же готовиться к новой работе социологической мысли.

Вот почему я предлагаю Вам и в Вашем лице Социологическому Обществу возобновить его необходимую деятельность. При этом, само собою разумеется, я не считаю возможным ограничиваться одним лишь словесным предложением и добрым пожеланием. Нет, в дополнение к нему я предлагаю Вам и Обществу самого себя в качестве инициатора его первого собрания и его первого докладчика. Я предлагаю сделать сообщение о задачах социологии и, если Вы и остальные члены Совета Общества, найдете предлагаемую мною тему вполне подходящей для первого собрания Общества и возобновления его деятельности, то я буду готов представить соответствующий доклад в самый короткий срок» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87: 21, 21 об., 22, 22 об.).

В 1918 г. заседания Социологического общества проходили уже в главном здании Петроградского университета. В конце осени после долгого перерыва состоялось новое собрание, на котором с речами, посвященными памяти умерших членов Социологического общества (И.В. Лучицкого, А.Ф. Лазурского, Ф.К. Волкова), выступили Н.И. Кареев, И.И. Лапшин, Л.Я. Штеренберг и А.С. Лаппо-Данилевский. В этот же день К.М. Тахтарев сделал сообщение о введении преподавания

социологии в высших и средних учебных заведениях и постановке преподавания социологии в США, а на заседании 28 декабря 1918 г. он же выступил с докладом о системе социологии.

За работой Русского социологического общества, комиссий Академии наук, руководимых им, и создаваемых научных учреждений Лаппо-Данилевский следил до своей неожиданной смерти. Навестивший его в Военно-медицинской академии 6 февраля 1919 г. П.А. Сорокин вспоминал: «На прошлой неделе, когда я посещал его, он выглядел живым скелетом. Слабо улыбаясь, он рассказал, что несколькими днями ранее, по дороге в академию, упал и слегка повредил ногу. Три дня спустя я навестил его в больнице, где ему сделали хирургическую операцию. Лежа в больничной койке, этот умирающий человек читал “Феноменологию духа” Гегеля. “Никогда не было времени внимательно протудировать ее, — прошептал он. — Начну сейчас”. На следующий день он скончался (Сорокин 1991: 145).

«Многие видные русские биологи, психологи, историки, политологи и другие ученые, — подводил П.А. Сорокин краткий итог деятельности Социологического общества, — стали членами общества. К сожалению, революция, смерть председателя и другие факторы прервали деятельность общества в самом его начале. В 1920 г. оно стало работать “на нелегальном положении”, но после преследований, заключений в тюрьмы и смерти многих членов общества оно окончательно прекратило свое существование» (Сорокин 2000: 31).

Следующее собрание прошло уже после смерти Лаппо-Данилевского. 11 марта 1919 г. Председателем Русского социологического общества был избран Н.И. Кареев.

Литература

Долгова Е.А. Документы Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923 гг.) // Социологические исследования (СОЦИС). 2011. № 6.

Малинов А.В., Погодин С.Н. Социология в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 4.

Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: Искусство-СПб., 2001.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИ, 2004.

Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шипас», 1991.

Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000.

Социологическое общество им. М.М. Ковалевского / Сост. А.О. Бороньев, В.В. Козловский, Е.Г. Капустина. СПб: ООО изд-во «Скифия», 2001.

Истоки российской социологии: А.С. Лаппо-Данилевский

Тахтарёв К.М. Русское Социологическое Общество имени М.М. Ковалевского // Социо-библиографический вестник. 1919. № 4—6.

Транш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2006.

Устав Русского Социологического общества им. М.М. Ковалевского // Социологические исследования (СОЦИС).1993. № 8.

Dmitriev A. National Science and Cultural Importations: Aleksandr Lappo-Danilevskij, the First Pitirim Sorokin and Mihail Grusevskij, between History and Sociology // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51. No 4.

**«РАССАДНИК НАСУЩНЫХ ЗНАНИЙ»
(ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК)***

В статье рассматривается деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук в Петрограде в 1918 г. Приводятся сохранившиеся в архиве заметки самого А.С. Лаппо-Данилевского, а также выписки из протокола заседания комиссии Академии наук о необходимости создания социологического института.

Ключевые слова: социология, институционализация науки, Академия наук, А.С. Лаппо-Данилевский.

Значение академика А.С. Лаппо-Данилевского (1863—1919) в истории российской социологии определяется не только его председательством в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского. Александр Сергеевич прекрасно понимал необходимость создания и системы социологического образования. На заседаниях Социологического общества делались доклады, оно даже могло бы устроить публичные лекции популярного характера, но не решало вопроса о подготовке профессиональных социологов, о систематическом преподавании социологии. С этой целью осенью 1917 г. Лаппо-Данилевский стал предпринимать шаги по организации Социологического института. В его архиве сохранилась рукописная «Записка о преподавании социологии», датированная 28 сентября 1917 г.

«Социологические проблемы, — писал он, — давно уже обратили внимание мыслителей и ученых, например, Аристотеля, Бэкона, Вико, Тюрго и других; но социология выделилась в качестве особой научной дисциплины лишь со времени Конта и его последователей. Входить в рассмотрение добытых ими результатов было бы здесь излишним. Достаточно отметить, что, несмотря на труды многих из них, социология все еще вызывает возражения; они высказываются с различных точек зрения: социально-философской, социально-научной и исторической; но эти воззрения малоубедительны. В самом деле, рассмотрение соци-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 10-03-00840а.

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета (a.v.malinov@gmail.com)

альных явлений с социально-философской точки зрения должного, а не сущего, выдвинутой, например, Штаммлером, не исключает возможности изучать их с точки зрения сущего, а не должного, положим, органической, материалистической, психологической и т. п.; взгляд на социологию, как на простую и довольно неопределенную “совокупность моральных и политических наук”, высказанный [нрзб.], страдает односторонностью, ибо не принимает во внимание основной задачи социологии, которая состоит в выяснении природы социального явления вообще, а не в компиляции “моральных” и политических знаний, обусловливаемых понятием о таком явлении; наконец, смешение социологии с историей, при наличии которой, по словам Фюстель де Куланжа, социология становится излишней, не оправдывается тем пониманием истории, в силу которого она преимущественно занимается изучением индивидуального исторического процесса. Итак, главные возражения против социологии едва ли могут подорвать ее самостоятельное научное значение.

Современное понимание ее содержания устанавливается, однако, с различных точек зрения, которые можно назвать гносеологической и феноменологической. С гносеологической точки зрения Зиммель рассуждал, например, о составляющих предмет социологии “чистых формах обобществления”. С феноменологической точки зрения многие подходили к разрешению ее проблем в разных смыслах, например: в органическом — Спенсер и Вормс; в социально-материалистическом — Маркс и Энгельс; в социально-психологическом — Тард и Дюркгейм, соответственно настаивавшие на социально-психическом взаимодействии между индивидуумами или на том принуждении социальном, под давлением которого каждый из них действует и т. п. Легко заметить также, что и по объему своему социология охватывает такие предметы, которые вполне заслуживают внимания, хотя и не входят в пределы изучения других социальных и политических наук: социология подвергает исследованию самые элементарные явления социальной жизни, например, разговор жестами, звуками или словами; простейшие социальные отношения в обществах животных и детей, а также «диких»; первобытные семейные и обрядовые учреждения с их пережитками в цивилизованных обществах и т. п.; вместе с тем социология находится в связи с этнографией и этнологией, знакомство с которыми может быть полезно и юристу, и политику. Следовательно, и по содержанию, и по объему своему социология представляется наукой, которой едва ли желательно пренебрегать при выработке систематического плана социальных и политических знаний.

Впрочем, как бы ни оценивать их, нельзя не считаться с самим фактом существования социологии: в пользу его свидетельствуют многие

учреждения и предприятия, имеющие в виду разработку социологии. Припомним, например, основание международного Социологического института в Париже и Социологического института Сольвэ в Брюсселе, а также различных Социологических обществ во Франции, Бельгии, Италии, Америке и Англии, Австрии и Германии, России и т. д.; появление социологических журналов или повременных изданий в большинстве тех же стран, преимущественно с девяностых годов прошлого века; устройство социологических конгрессов, печатающих свои труды, вроде, например, известных “Annales” международного Социологического института и т. д.; учреждение особых более или менее устойчивых кафедр социологии в университетах или других школах, например, в Бордо, Монпелье и Париже; в Брюсселе; в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне и Кэмбридже (Mass.); в Лондоне; в Генуе и Палермо и т. п.; или чтение особых социологических курсов в Берлине, Лейпциге и Киле; в Турине и Риме; в Копенгагене; в Гельсингфорсе и Петрограде и т. д. Факты подобного рода свидетельствуют в пользу развития социологии, особенно в демократических странах, и ее будущего развития.

На основании всего вышеизложенного можно придти к заключению, что преподавание социологии желательно ввести в качестве общеобразовательного курса в круг тех предметов, которые будут изучаться в “Институте социальных и политических наук”» (Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее — СПбФА РАН) Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 321: 1, 1 об., 2, 2 об.).

В черновом варианте «Записки» Лаппо-Данилевского была приведена более подробная история вопроса. Он, в частности, писал: «Наряду с таким движением, особенно заметным в демократических странах, стало складываться и другое, более близкое к политике: оно возникло под влиянием стремления подготовить широко и специально образованных общественных и политических деятелей, нужных для отправления разнообразных функций государственного управления. После франко-прусской войны Франция особенно остро почувствовала потребность в таком рассаднике знаний: по инициативе Э. Бутли в Париже была учреждена “Вольная школа политических наук”, учебный план которой был построен на прочной исторической основе и выдвигал изучение государственных и экономических наук; полагая, что все они должны преподаваться в историческом духе, основатель школы настаивал, кроме того, и на моральном значении истории: она является “школой нравственности, она учит умеренности и терпению; она питает благородные страсти; она изоцряет ум видом постоянно изменяющихся фактов; она закаляет волю от соприкосновения с сильными характерами”»; вместе с тем она имеет и чисто практическое приложение в государственной жизни: она знакомит политического деятеля не с отвлеченны-

ми существами, а с реальными людьми. Впрочем, кроме общей секции, на которой история получила столь видную роль, школа предполагает и более специальный круг образования на остальных четырех ее секциях: административной и дипломатической, “экономической и финансовой”, а также “экономической и социальной”. Пример Франции вызвал подражание и соревнование других стран: помимо основанной в Париже “Вольной школы социальных наук”, с девяностых годов прошлого века аналогичные учреждения возникли, например, в Лондоне (London School of Economics and Political science), в Брюсселе (École des sciences sociales) и т. п.* В России в эпоху великих реформ также появился план, довольно сходный с тем, какой Э. Бутли осуществил со столь блестящим успехом: исходя из мысли, что “университеты — лучшие школы для политического просвещения”, Д.И. Каченовский предлагал, еще за несколько лет до Э. Бутли, образовать на наших юридических факультетах особый “административный или политический разряд”, во главе которого должны стоять “история, общественная экономика и статистика” и которое давало бы знания об “устройстве и охране общественного порядка внутренними мерами”, о финансовой или экономической деятельности и, наконец, о дипломатии; несмотря на то, что сам автор проекта ожидал “громальной пользы” от его осуществления и что он встретил сочувствие в университетских сферах, план его не был приведен в исполнение, и, взамен общедоступных отделений политических наук при университетах, продолжали действовать прежние специальные и привилегированные высшие учебные заведения, предназначенные к тому, чтобы готовить молодых людей к “важным частям службы государственной”.

До самого последнего времени, однако, собственно научное исследование социальных проблем все еще не получило достаточно прочной и независимой от учебных заведений организации. Правда, французская “Академия моральных и политических наук”, оконченная в 1832 году, уже много сделала для их разработки, а вслед

* Само собой разумеется, что при многих университетах, в особенности германских, давно уже существуют «семинарии государственоведения», например, известный семинарий, организованный проф. Г. Шмоллером в Берлине; к ним иногда довольно близко подходят и другие учреждения подобного рода: широко поставленный проф. Лампрехтом «Seminar für Kult — und Universalgeschichte» при Лейпцигском университете, например, также включает в круг своих занятий психологию, этику, политику, народоведение, историю первобытной культуры и т. п.; но такие семинарии все же преследуют несколько иные цели, чем специальные высшие школы социальных наук. (*Прим. А. С. Лаппо-Данилевского*).

за нею появились и другие учреждения подобного рода, например, “Академия моральных и политических наук”, основанная в Мадриде при содействии испанского правительства, еще позднее — Американская “Академия политических и социальных наук” в Филадельфии и т. п.; но более организованные учреждения, специально приспособленные к производству коллективных и единоличных работ, касающихся социальных проблем, стали возникать лишь на наших глазах: в самом начале настоящего столетия, благодаря щедрому пожертвованию Э. Сольвэ, при Брюссельском университете образован был, например, особый Социологический институт, который, согласно желанию его основателя, должен, в расширенном объеме, продолжать изучать ту “связь, какая существует между экономическими факторами, получающими преобладание в эволюции народов, и фактами физиологическими и физическими, управляющим человеком и природой”, не упуская из виду, однако, содействия успешному развитию других социальных наук; почти одновременно известный институт Карнеги в Вашингтоне организовал, в своем составе, особое “отделение народного хозяйства и социологии”, в круг ведения которого входят самые разнообразные стороны экономической и социальной жизни Соединенных штатов, рассматриваемые преимущественно с исторической, а не чисто догматической точки зрения.

Таким образом, научное исследование социальных проблем начинает получать, преимущественно, благодаря частному почину, свою самостоятельную организацию, отличную от преподавания социальных наук в высших специальных школах: в настоящее время она, действительно, стоит на очереди и, в виду сложности предстоящей ей задачи, нуждается в государственной помо[щи]» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 68: 3–8.). На этом черновик обрывается.

Уже в следующем году Лаппо-Данилевский непосредственно приступил к реализации своего плана по созданию Социологического института, который помимо научных выполнял бы и образовательные функции. По поручению фактически возглавляемого им Отделения филологии и истории Академии наук была создана под его же председательством комиссия для рассмотрения вопроса об учреждении в рамках Академии наук Социологического института. Заседание комиссии состоялось в 29 мая 1918 г. На нем присутствовали Ф.И. Успенский, М.А. Дьяконов, Д.Д. Гримм, М.Я. Пергамент, И.А. Ивановский, В.М. Гессен, А.Э. Нольде и В.В. Степанов. Председательствующий Лаппо-Данилевский «доложил Комиссии записку прив.-доц. В.В. Степанова по вопросу об учреждении при Академии Наук “Института Социологии”» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 9) и огласил соответствующее постановление II отделения АН о создании настоящей комиссии.

«Председатель наметил следующий порядок рассмотрения вопроса:

- 1) Разрешение принципиального вопроса о желательности Института Социологии и о том, должно ли быть проектируемо учреждение исключительно научным или высшим учебным заведением.
- 2) Составление устава, сметы и штатов.
- 3) Вопрос о помещении.
- 4) Вопрос о библиотеке» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 9).

Затем выступил статистик В.В. Степанов. «В своей записке, думается мне, — отмечено в стенограмме заседания, — я достаточно ясно охарактеризовал задачи проектируемого Института и старался возможно полнее доказать необходимость его учреждения. Я могу лишь вновь повторить, что и создание научного учреждения, объективно изучающего вопросы общественной жизни, и организация высшего учебного заведения, имеющего специальность насаждения знаний из области государственных наук, весьма важно. Но по условиям времени на первую очередь следует поставить создание научного учреждения. Социология, экономические и государственные науки и науки права в деятельности Академии занимают весьма скромное место. Жизнь и государственные интересы требуют большого внимания и создание специального научного учреждения, работающего в области этих наук, ответит насущной потребности и скорее может найти поддержку в правящих сферах, чем организация высшего учебного заведения.

Вместе с тем я нахожу, что создание высшей школы государственных наук типа проектированного профессорами Александровского Лицея было бы и важно и также отвечало бы потребностям государства.

Я мог бы в дополнение к своей записке предложить вниманию комиссии свой проект схемы распределения наук по отделам Института, но позволю себе это сделать тогда, когда принципиальный вопрос об институте будет так или иначе разрешен» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 9—9 об.).

После В.В. Степанова выступили профессора Александровского лицея. Юрист-международник А.Е. Нольде изложил историю вопроса о преобразовании Александровского Лицея и о современном положении этого вопроса. Декан юридического факультета Высших женских курсов М.Я. Пергамент передал председателю все материалы по преобразованию Лицея, сохранившиеся у него как у председателя образованной для этого комиссии.

Профессор юридического факультета Петербургского университета и Александровского лицея В.М. Гессен отметил, что «в записке В.В. Степанова указывается, что подходящим для института Социологии зданием является здание Лицея, на которое имеется много претендентов и между прочим Микробиологический институт. Я думаю, что эта пре-

тензия не основательна, так как помещение это слишком обширно. Было бы не экономичной затратой государственных средств и состояния. Необходимо сохранить это здание для удовлетворения более широких задач. Целесообразным использованием, мне кажется, было бы отведение этого здания под учреждение, имеющее научные и учебные цели. Эти цели должны быть совмещены. Лично я думаю, что наиболее важным было бы учреждение Высшего учебного заведения типа, выработанного Советом профессоров Лицея, т. е. высшая школа государственных наук. Но надо конечно учитывать современные условия и понимания, поэтому я не возражаю против учреждения Института Социологии по форме, но по существу считал бы необходимым остаться на почве указанных предположений о реорганизации Лицея.

Выработать план для нового учреждения очень сложно, тем более, что ясности в том, какие именно науки должны входить в круг и задачи Института Социологии [нет].

Я находил бы необходимым теперь же возбудить вопрос о сохранении здания Лицея для Института Социологии, как учреждения преследующего научные цели» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 9 об.).

В ответ Лаппо-Данилевский указал: «Содержание науки социологии еще не является общепринятым. Оно не достаточно выяснено. Несомненно, что экономические науки должны составлять особую группу. Я бы считал, что в составе проектируемого научного учреждения должен быть организован особый отдел социологии, к которому были бы отнесены, например, следующие науки: антропология, антропогеография, психология, этнография, этнология, социология в узком смысле (теория и методология). В России нет такого учебного учреждения и высшего учебного заведения, где бы полностью была бы объединена вся эта группа наук» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 10).

Вслед за председателем слово взял профессор государственного права И.А. Ивановский. «В записке В.В. Степанова и его объяснении указывается на желательность организации Института Социологии, как научного учреждения и Высшей школы, подразделенных на несколько отделов. Я нахожу, что создание научного учреждения такого типа, как указывается в записке, безусловно необходимо. Мир переживает небывалые катастрофические явления. Все изменяется, все приводится в хаотическое состояние, из которого имеется в виду создать что-то новое. Установить новый порядок. Делается колоссальный социологический опыт. Если бы в задачу входило лишь обратить современное внимание на происходящее, зарегистрировать все, что возможно подвергнуть этому объективному изучению — то и это уже представляло бы широкое поле для деятельности проектируемого института и вполне оправдывало

бы его учреждение. Замечу кстати, что Юридический факультет Петроградского Университета дал поручение нескольким приват-доцентам собрать материал, относящийся к возникновению массы отдельных государств, на которые распалась Россия, а прив.-доц. В.В. Степанову поручил собрать печатный материал, относящийся к революции, имеющийся в Петрограде, и получить таковой путем письменных сношений с лицами и учреждениями. Мысль факультета была собрать этот материал в специальном кабинете.

Но даже такое, на первый взгляд важное дело, является крупинкой по сравнению с общим изменением социального строя в России.

Назревают новые изменения и в области экономической, и в области политической.

Этот колоссальный опыт, небывалый в мировой истории, не может пройти мимо внимания ученого мира.

Непререкаемая необходимость настоятельно требует озаботиться созданием такого научного учреждения, которое имело бы своей задачей наблюдение происходящего и вело бы своего рода летопись.

Работа предстоит самая сложная, но и благодарная.

Академией Наук ставятся определенные проблемы то экономического, то иного характера. Необходимо их объединить и выполнение труда возложить на одно учреждение. Поэтому я высказываюсь в пользу создания такого учреждения и именно в связи с Академией Наук.

Рядом с этими задачами могут быть поставлены и другие, почти совпадающие с первой задачей. Я говорю об учебных задачах и останавливаю внимание Комиссии на той же записке профессоров Лицея, о которой здесь уже не раз упоминалось.

В.В. Степанов в своей записке резче и ярче подчеркнул те отделы учебного плана, необходимость которых выдвигается на очередь жизнью, в перечень предметов включены все, имеющиеся в плане Высшей школы Государственных наук, прибавлены лишь некоторые предметы, как я убедился из разговоров В.В. [Степанова] со мной, предшествовавшей подачи им записки в Академию Наук.

Однако и я со своей стороны также выдвигаю на первый план создание учреждения с научными целями, в задачу которого входило бы изучение вопросов социального, экономического, политического (государственного) и правового порядка.

Надо искать пути, по которым идти дальше, какими можно устранить образовавшиеся дефекты и какими можно придти к должному порядку.

Проектируемое учреждение, по моему мнению, явится одним из рассадников насущно необходимых знаний, а в государстве, которое находится в столь неприглядном положении, как Россия, знания должны

черпаться в авторитетном объективном учреждении, каковым является Академия Наук и состоящие при ней учреждения.

Что касается названия проектируемого учреждения, то я предложил бы назвать его “Институтом Социальных Наук”» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 10–10 об.).

Следующим выступил историк академик М.А. Дьяконов: «Слушая речь В.М. Гессена, я несколько колебался и смущался вопросом о создании Института, преследующего научные и учебные цели. Мне казалось, что не было ли практичнее ходатайствовать сначала об институте, как научном учреждении, а затем уже обсуждать вопрос о высшем учебном заведении. Но теперь я нахожу возможным соединение задач, проводя последнюю задачу сначала в форме открытия различного рода курсов, а потом может быть и постоянного высшего учебного заведения.

Лучше было бы вопрос об учебном заведении не ставить в первую очередь, а лишь указать на возможность открытия при Институте Курсов. Я думаю, что в Академии решение вопроса об Институте, как научном учреждении, не встретило бы тех возражений, какие возможны в том случае, если будет идти речь и о научном учреждении и об учебном заведении.

К сказанному я должен еще дополнить, что Академия Наук, заслушав обращение Народных Комиссаров с предложением образовать Комиссию по решению целого ряда экономических вопросов, отказалась от образования этих комиссий в виду отсутствия в ее составе достаточного количества специалистов, так как она располагает только одной кафедрой по экономическим наукам. Но на это последовал ответ, что в составе Академии Наук имеется Комиссия по изучению производительных сил страны, после чего Академия вынуждена была сообщить, что государство может располагать ее содействием в пределах трудов Комиссии по изучению производительных сил России.

Так как обращения такого рода весьма разнообразны, то может быть было бы целесообразно объединить исполнение этих поручений в одном учреждении.

Это могло бы служить еще одним из мотивов к созданию проектируемого научного учреждения» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11).

Правовед и бывший ректор Петербургского университета Д.Д. Grimm отметил, что следует различать вопрос ходатайства об институте от вопроса о признании недостаточными сил Академии, в составе которой, возможно, необходимо было установить новый разряд.

Академик-византист Ф.И. Успенский присоединился к мнению И.А. Ивановского, заметив, что более подробную программу можно было бы представить позднее.

Затем снова слово взял В.М. Гессен. «Мне кажется, — начал он, — что между двумя точками зрения не такая уже пропасть, чтобы нельзя было их согласовать. Можно поставить задачей Института изучение научных проблем и прибавить к этому чтение лекций двоякого типа:

1) Сообщения о выводах, являющихся результатом научного исследования, т. е. говорить о новых достижениях для лиц, получивших надлежащую подготовку.

2) Читать популярные лекции о состоянии той или другой отрасли знания для более широких масс слушателей.

На первых порах чтение этих лекций может не иметь характера учебного заведения, но будет служить целям распространения знаний.

В этом случае не придется заботиться о полноте и систематичности лекций, а будет выполняться весьма важная общественная работа» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11 об.).

А.Э. Нольде указал на необходимость создания библиотеки нового научного учреждения, предложив положить в ее основу расформировываемую библиотеку министерства финансов, а также библиотеки ряда других структур. По его словам, в научном институте могли бы читаться лекции как для магистрантов, так и более популярного характера.

С мнением В.М. Гессена согласился М.Я. Пергамент, подчеркнув, что «сколько бы ни было создано учебных заведений, их все будет мало» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11 об.), а для проектируемого института первостепенную важность имеет именно чтение популярных лекций.

Схожую мысль высказал и М.А. Дьяконов, напомнив, что «сама Академия Наук давала свой актовъ зал под популярные лекции» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11 об.). Для чтения популярных лекций И.А. Ивановский предложил привлекать не только академиков, но и русских и иностранных ученых.

Итог дискуссии подвел Лаппо-Данилевский. «Я полагаю, — констатировал он, — что вопрос достаточно выяснен и можно было бы формулировать результаты наших суждений:

1) Большинство, по-видимому, считает возможным назвать Институт — “Институтом Социальных Наук”.

2) Задачи могут быть определены таким образом: Институт учреждается для разработки социальных проблем, [в особенности тех — вписано чернилами], которые выдвигаются современной реформой и революцией.

3) Организация работ может определяться теми задачами, которые будут намечены.

4) Необходимо в составе Института создать кабинеты для отдельных групп наук.

5) Во главе каждой группы может стать один ученый, который ведаёт делами группы.

6) Необходимо устройство кабинетов, напр[имер] этнографии, статистики и т. д.

7) Существующие имеющие быть образованными при Академии Наук Комиссии для пользы дела могут быть связаны хотя бы помещением с проектируемым Институтом.

8) В Институте могли бы вестись занятия с магистрантами и с лицами, серьезно работающими в той или иной научной области.

9) Желательно объединение в смысле помещения с Институтом Социальных Наук различных ученых обществ, соответствующих по своим задачам с задачами Института.

10) Желательно принять меры к обеспечению книгами библиотеки проектируемого Института.

11) Желательно устраивать при Институте Курсы для более подготовленных слушателей, на которых сообщались бы сведения о результатах работ лиц, работающих в Институте и популярные для более широкого круга слушателей, приглашая для чтения лекций русских и иностранных ученых.

12) Организацию Высшего Учебного заведения признать возможной в будущем, но не непосредственно при Академии, а при Институте Социальных Наук» (СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 68: 11 об.—12).

В решении комиссии особо подчеркивалось, что при выработке устава Института следует иметь в виду пункт об организации курсов, лекций, сообщений и т. д. Комиссия также предложила выступить с ходатайством о предоставлении для Института социальных наук здания Александровского лицея.

В составе Института было решено сформировать четыре отдела, организацию которых и составление программы их деятельности возложить на И.А. Ивановского и В.М. Гессена (отдел Государственных наук), М.Я. Пергамента (отдел Права), в отдел Социологии пригласить Н.И. Кареева.

Составление записки об учреждении Института социальных наук для заседания Академии наук 5 июня 1918 г. было поручено Лаппо-Данилевскому, А.Э. Нольде и В.В. Степанову.

Записка «Об Институте Социальных Наук», подготовленная Комиссией, была зачитана Лаппо-Данилевским 5 (18) июня 1918 г. на экстренном общем собрании Российской Академии наук и опубликована в «Протоколах заседаний общего собрания Российской академии наук» (Об Институте Социальных Наук... 1918: 108—110). В конце записки указаны имена председателя комиссии А.С. Лаппо-Данилевского и секретаря А.Э. Нольде.

«Для А.С. Лаппо-Данилевского, — считает Е.А. Ростовцев, — реализация идеи организации Института социальных наук была важна не только для решения задачи сохранения российской научной культуры в годы потрясений, но и потому, что давала возможность утверждать его методологические идеи. Однако, как заметил С.Ф. Ольденбург, предложение А.С. Лаппо-Данилевского не было поддержано “комиссариатом”» (Ростовцев 2004: 198). В протоколе общего собрания Академии наук отмечалось, что Непременный Секретарь «во исполнение постановления Отделения ИФ (IX 225) ... лично выяснял в Совете Народных Комиссаров вопрос о возможности создания Института Социальных наук, но что пока никакого определенного ответа он не получил» (Протоколы... 1919: 91).

Литература

Об Институте Социальных Наук. Записка Комиссии Российской Академии Наук // III-е приложение к протоколу заседания IX экстраординарного Общего Собрания Российской Академии Наук 18 (5) июня 1918 года (к § 138).

Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии наук за 1918 г. Пг., 1919.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИ, 2004.

**А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ
В ПЕТЕРБУРГСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОРПОРАЦИИ***

В статье рассматриваются роль и место А.С. Лаппо-Данилевского в академической корпорации Петербургского (Петроградского) университета на рубеже XIX–XX вв. Автор исследует причины обособленного положения ученого в преподавательской среде, реконструирует ход его основных научных проектов как в контексте научных идей А.С. Лаппо-Данилевского, так и в рамках корпоративного уклада историко-филологического факультета. Автор показывает, что А.С. Лаппо-Данилевскому, по существу, удалось создать академическое пространство, параллельное официальному, в котором ученый реализовывал собственную научно-исследовательскую программу.

Ключевые слова: *А.С. Лаппо-Данилевский, Санкт-Петербургский университет, российская историография, университетский вопрос, антропология науки.*

Литература, посвященная изучению творчества Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, обширна (Ростовцев 2004: 225–294; Трапш 2006; Корзун 2011), однако о его месте в составе университетской преподавательской корпорации сказано еще недостаточно, несмотря на то, что ученый заслуженно считается одним из наиболее выдающихся университетов конца XIX в. (Ростовцев 2003: 47–66). Актуален, например, вопрос о том, почему ученый, получивший европейскую известность, создавший собственную научную школу, почти до конца жизни оставался «младшим преподавателем», т. е. в роли своеобразного аутсайдера корпорации? Обращаясь к заявленной теме, необходимо остановиться на нескольких ключевых сюжетах — основных сферах научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в университете, составе и специфике университетской корпорации Петербурга рубежа XIX–XX вв., научно-организаторской деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в университете.

* Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Биографический словарь историков Петербургского университета (XVIII–XX вв.)», грант РГНФ12-01-00191 (руководитель д.и.н. А.Ю. Дворниченко).

Ростовцев Евгений Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до XX в. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (rostovtsev@hotbox.ru)

«Храм науки» Лаппо-Данилевского

Как известно, сфера научных интересов А.С. Лаппо-Данилевского была разнообразна: русская и всеобщая история, археология, философия, социология. Историк А.С. Лаппо-Данилевский известен, прежде всего, как специалист в области русской истории XVII–XVIII вв. (библиографию работ А.С. Лаппо-Данилевского см.: Малинов, Погодин 2001: 262–283), основатель школы дипломатики русских частных актов (Лаппо-Данилевский 1920; 2007), выдающийся археограф (в частности, автор классических «Правил издания грамот Коллегии экономии» ([Лаппо-Данилевский] 1922) и создатель классических трудов по методологии истории (включая теорию истории и методологию источниковедения) (Лаппо-Данилевский 1910; 1913; 1917; 1918: 239–260; 1919а: 445–477; 1919б: 651–678; 1919в: 843–872; 1919г: 1059–1088; 1919д: 1291–1296; 1923; 1909; 2006; 2010). Сверхзадачей, которую пытался решить А.С. Лаппо-Данилевский, было создание научного аппарата истории как «строгой науки», что обусловило, с одной стороны, его обращение к философским основаниям исторического знания, а с другой, тщательную регламентацию всех аспектов методики и техники исторического исследования. После некоторых колебаний к началу 1900-х гг. А.С. Лаппо-Данилевский примкнул к неокантианскому направлению русской историографии. В то же время основные конструкты неокантианской теории истории (абсолютные, общепризнанные ценности, «историческое целое» и т. п.) использовались им инструментально в целях создания аппарата для исследования общественного сознания определенной исторической эпохи, в котором он видел основу для построения и объяснения исторического процесса. Теоретические установки А.С. Лаппо-Данилевского предопределили и выбор ученым (со второй половины 1890-х гг.) основного предмета исследования — XVIII в., — эпохи, когда, по его мнению, в России происходило становление нового «исторического типа», связанное со сменой ориентиров и ценностей общественного сознания под влиянием «европейских идей». В этом контексте следует рассматривать и исследования А.С. Лаппо-Данилевского, посвященные изучению роли государства в отечественной истории, — в частности, пожалуй, наиболее известный труд ученого «Идея государства и главные моменты ее развития в России» (1914) (Лаппо-Данилевский 1914: 5–38). Темой же так и не защищенной (и пока полностью не опубликованной) докторской диссертации является «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» (Лаппо-Данилевский 1990; 2003), в которой автор основное внимание уделяет проникновению идей западной цивилизации в Россию. Историческая концепция А.С. Лаппо-Данилевского исходила из тех же теоретических установок: всемирный исторический

процесс ученый рассматривал как систематическое (историческое) целое, в котором происходит сближение «исторических рядов» — различных линий общественного развития (в том числе сближение России и Европы) по мере наиболее полной реализации в нем абсолютных ценностей. Отражением этого процесса, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, служило постепенное торжество «идеи личности» в общественном мировоззрении различных народов и государств. Таким образом, А.С. Лаппо-Данилевский дал одно из наиболее системных обоснований хода русского и мирового исторического процесса в российской либеральной историографии. Между тем неокантианский подход А.С. Лаппо-Данилевского к теории истории в корне отличался от подходов московской исторической школы, основанной на позитивистских традициях, отсюда критическое восприятие им теоретических построений и схем русской истории, разработанных ее крупнейшими представителями (С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским, П.Н. Милюковым) (Ростовцев 2004: 93–101). Теоретические подходы А.С. Лаппо-Данилевского нашли отражение в его историографических штудиях — историография рассматривалась с точки зрения истории «народного самосознания» и «истории идей» и в этой связи в контексте истории науки в целом. Современный ученому период развития исторической науки определялся как время «борьбы между научно-механическим и научно-идеалистическим направлением в истории», где А.С. Лаппо-Данилевский, очевидно, выступал на стороне последнего (Малинов, Погодин 2001: 100–150).

Следует подчеркнуть, что научно-методологическая система А.С. Лаппо-Данилевского отражала не только его стремление к созданию истории как «строгой науки», но и общий тренд российской гуманитаристики начала XX в., связанный с поиском методологических оснований для «единой науки» о человеке. В мире высоких культурных ценностей, в котором, по замечанию современника, жил А.С. Лаппо-Данилевский (Пресняков 1922: 44–45), университет представлялся ученому храмом науки, возвышавшимся над общественными и партийными интересами. Отсюда категорическое неприятие А.С. Лаппо-Данилевским использования университета в качестве площадки для «освободительного движения», целям которого он как человек либеральных политических убеждений, несомненно, сочувствовал (Романов 1920: 185). Хотя, в отличие от многих своих коллег, А.С. Лаппо-Данилевский не оставил публицистических сочинений по университетскому вопросу, можно предположить, что ему был близок «гумбольдтовский идеал» университета — учреждения в академическом смысле автономного от государства и независимого от утилитарных интересов общества.

**Место в корпорации: студент, магистрант
и «младший преподаватель»**

Петербургский университет рубежа XIX–XX вв. — признанный в Европе научный центр, важное место подготовки интеллектуальной и политической элиты империи. Как показано в литературе, столичный университет играл особую роль не только в образовательной сфере, но и в социально-политической жизни страны (см., напр.: 275 лет... 1999; Ростовцев 2009а: 75–121; 2009б: 205–370). В университет А.С. Лаппо-Данилевский поступает в 1882 г. Среди его преподавателей — известные ученые: М.И. Владиславлев, В.Г. Васильевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Кареев, О.Ф. Миллер, П.В. Никитин, И.В. Помяловский, Ф.Ф. Соколов, И.Е. Троицкий и др. Формальное научное руководство над студентом, а затем магистрантом А.С. Лаппо-Данилевским вел ординарный профессор по кафедре русской истории Е.Е. Замысловский.

Темы первых сочинений А.С. Лаппо-Данилевского разнообразны и свидетельствуют о широте интересов начинающего ученого: «История развития государственных форм правления в важнейших государствах древней Греции» (1882), «Краткий обзор нравственного состояния Римского народа в первые времена империи. Лукреций и содержание его поэмы» (1882), «Очерк по всеобщей истории. Возвышение Австрийского дома» (1882), «Разбор II и III-й главы соч. Ф. де Куланджа» (1883) и др. (Лаппо-Данилевский [Студенческие сочинения]: 1–113). Наиболее крупным трудом, созданным А.С. Лаппо-Данилевским в студенческие годы, стало обозрение «Скифских древностей», которое вскоре было напечатано Императорским русским археологическим обществом в своих «Записках» и вышло отдельным изданием (Лаппо-Данилевский 1887). Разумеется, в студенческие годы А.С. Лаппо-Данилевский обращается и к занятиям русской историей, которые стали основной сферой его научной работы. Среди студенческих работ А.С. Лаппо-Данилевского, посвященных русской истории, следует назвать: «Несколько сведений, сообщенных иностранными писателями о Северо-западной России и отношения ее к Западу» (1883), «Из старинных сношений России с Западной Европой» (1884), «Дворники Московского государства за XVII столетие» (1885), «Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича» (1885), «Литовские и казацкие воровские шайки в первое десятилетие царя Михаила» (1886), «Разбой и разбойники первой половины XVII столетия в Московском государстве» (1886) (Ростовцев 2003: 52–53). Таким образом, в центре внимания А.С. Лаппо-Данилевского с самого начала присутствуют две основные темы: «изучение московского государственного строя» (Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский 1915: 408) и изучение процесса иностранного влияния на русскую культуру в XVI–XVIII вв.

А.С. Лаппо-Данилевский задержал предоставление кандидатской диссертации «Скифские древности», а потому кандидатская степень ему была присвоена уже по окончании университета решением Совета факультета 20 сентября 1886 г. Уже на следующем заседании Совета (4 октября) по предложению Е.Е. Замысловского А.С. Лаппо-Данилевский был единогласно избран «оставленным при университете» (Протоколы заседания Совета...: 15 об., 17 об.). Темой его магистерской диссертации становится «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований» (1890), в центре внимания которой — как раз исследование механизма российской государственной машины (Лаппо-Данилевский 1890). После защиты диссертации в мае 1890 г. А.С. Лаппо-Данилевский избирается приват-доцентом по кафедре русской истории. Однако следующий шаг в университетской карьере ученый сделал нескоро — внештатным экстраординарным профессором факультета А.С. Лаппо-Данилевский был избран только в 1918 г., уже будучи европейски известным ученым и лидером научной школы (Ростовцев 2004: 88).

9 мая 1890 г. состоялся магистерский диспут А.С. Лаппо-Данилевского. Его оппонентами стали профессор Н.И. Кареев и приват-доцент С.Ф. Платонов. Н.И. Кареев, по существу, ограничился похвалой, а его возражения носили формальный характер. С.Ф. Платонов же, в целом дав положительную оценку труду А.С. Лаппо-Данилевского, выразил и свое несогласие с теоретизированностью его подхода к историческому знанию. По всей видимости, именно в это время, в начале 1890-х гг., А.С. Лаппо-Данилевский постепенно стал отдаляться от Кружка русских историков, в котором господствовал С.Ф. Платонов (который, кстати, в октябре 1890 г. был утвержден профессором по кафедре русской истории).

Для понимания места А.С. Лаппо-Данилевского в петербургской университетской корпорации прежде всего необходимо напомнить институциональные особенности ее устройства, связанные с положениями университетского устава 1884 г. (Устав 1893: 985–1026). Основной структурной единицей преподавательской корпорации был факультет, который возглавлял профессорский совет, принимавший все основные решения, касавшиеся факультетской жизни (выборы преподавателей, «оставление» при университете, распределение учебных курсов, присвоение ученых степеней и т. п.). Надо учитывать, что количество профессоров факультета до 1917 г. было неизменно и определялось штатным расписанием: для историко-филологического факультета оно составляло максимум (при полном штате) 17 человек (12 ординарных и 5 экстраординарных профессоров). Между тем количество студентов и объем преподавательской нагрузки за время действия этого штатного

расписания вырос весьма значительно. Если в 1884 г. число студентов факультета составляло 263 человека, то в 1915 г. — уже 795. В условиях предметной системы, введенной в 1906 г., когда студент был обязан прослушать определенное количество часов в год, основной объем аудиторных занятий, таким образом, приходился не на профессоров, а на т. н. «младших преподавателей», прежде всего приват-доцентов, которые при этом не имели никаких прав в принятии факультетских решений. Разумеется, наиболее значимой для университетского преподавания группой приват-доцентов были те, кто по постановлению факультета читал «обязательные курсы». К их числу с 1906 г. относился и А.С. Лаппо-Данилевский. В частности, он читал обязательный курс «Методологии истории» для исторического отделения историко-филологического факультета университета. Вообще за почти 30 лет преподавательской деятельности А.С. Лаппо-Данилевский вел занятия по очень широкому кругу тем; главными были курсы «История русского общества в XVIII столетии», «Главнейшие направления в русской историографии XVIII—XIX вв.», «Дипломатика частных актов Московского периода» (Шилов, Андреев 1920: 42—43). В автобиографии А.С. Лаппо-Данилевский отмечает, что из семинаров по этим предметам вышло несколько молодых ученых и преподавателей (Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский 1915: 407).

Положение «младшего преподавателя» для А.С. Лаппо-Данилевского, избранного в 1899 г. в Академию наук, было болезненным не только в связи с тем, что не давало формального голоса в принятии решений корпорации, но и потому, что фактически закрывало возможность успешного развития университетской карьеры для его учеников, ни один из которых не был оставлен в университете со стипендией. В литературе существуют высказывания о том, что А.С. Лаппо-Данилевский занимал приват-доцентскую должность ввиду отсутствия докторской степени. Между тем многие его коллеги по факультету долгие годы успешно занимали профессорские кафедры, оставаясь магистрами (Ф.Ф. Соколов, А.И. Введенский, И.М. Гревс, И.Д. Андреев, Ф.А. Браун и др.), а другие, будучи докторами (И.И. Лапшин, А.И. Малеин, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Н.П. Лихачев и др.), оставались приват-доцентами. В этом контексте, с нашей точки зрения, более значимым обстоятельством для успеха кандидата на занятие профессорской кафедры было отношение к нему действующей профессорской коллегии, его связь с корпоративной и научной средой факультета.

В историографии, начиная с трудов А.Е. Преснякова, в качестве основной причины «приват-доцентского» статуса академика в университете указывалось, что в среде историков Петербургского университета А.С. Лаппо-Данилевский занимал обособленное положение.

«Теоретическое» направление его научных занятий шло вразрез с факультетскими традициями, в частности, с доминирующей в области истории России школой С.Ф. Платонова. Действительно, соперничество с С.Ф. Платоновым серьезно влияло на университетские занятия А.С. Лаппо-Данилевского, — в частности, он вынужден был корректировать планы своих учебных занятий, сообразуясь с темами курсов, объявляемых профессором (Ростовцев 1999: 128–165). Верно и то, что на историческом отделении факультета источниковедческое начало явно превалировало над философским. Вступительная лекция А.С. Лаппо-Данилевского в университете под названием «Какое теоретическое значение имеет историческое изучение социального строя всякого общества и древнерусского общества в частности» (состоялась 18 сентября 1890 г.) в этом отношении диссонировала с направлением факультета (А.С. Лаппо-Данилевский — М.А. Дьяконову 1890: 37). «В занятиях своих, — пишет А.Е. Пресняков, — он шел своими путями, подчиняясь внутренней последовательности собственной мысли и тем, кем стал, обязан самому себе, упорному кабинетному труду» (Пресняков 1922: 22). Молодой приват-доцент признавался, что испытывает недостаток общения: «К университетскому миру я мало имею отношение в самом университете, да и вне его. Удивительная разобщенность замечается не только между старыми и молодыми, но и между последними», — писал А.С. Лаппо-Данилевский (А.С. Лаппо-Данилевский — М.С. Гревс 1890: 22 — 22 об.). Примечательно замечание, сделанное им в начале 1891 г.: «В нашем официальном ученом мире об идеалах и философии почти не с кем говорить... Очень иногда чувствуется недостаток в человеке, с которым можно было бы поговорить о некоторых специальных вопросах по теории обществоведения» (А.С. Лаппо-Данилевский — М.С. Гревс 1891: 32 об. — 33).

Однако сводить проблему обособленности А.С. Лаппо-Данилевского на факультете к противостоянию с С.Ф. Платоновым или «теоретизированности» его научных штудий неверно. В литературе обоснованно закрепилась точка зрения о том, что А.С. Лаппо-Данилевский был представителем теоретического направления петербургской школы и в какой-то степени дал теоретическое обоснование ее источниковедческим штудиям; сам ученый в письме жене с гордостью приводил слова К.Н. Бестужева-Рюмина: «Бестужев[-Рюмин], у которого я был недавно, говорит, что мое “призвание” состоит в том, чтобы дать историкам теоретическое построение нашей науки. Никогда он не высказывался так определенно на мой счет, а это приятно» (А.С. Лаппо-Данилевский — Е.Д. Лаппо-Данилевской 1893: 23 об.). Не только К.Н. Бестужев-Рюмин, но и Е.Е. Замысловский, В.Г. Васильевский, А.Ф. Бычков и другие представители старшего поколения школы благоволили

к А.С. Лаппо-Данилевскому и способствовали его академической карьере. Показательно, однако, что у академика сложились напряженные отношения с новым поколением петербургских историков, в том числе с, казалось бы, идейно близкими членами корпорации, например, М.И. Ростовцевым (Дневник...: 87–87 об.). И лишь отчасти причиной этого служил непростой характер ученого. С нашей точки зрения, одним из обстоятельств, способствовавших «обособленности» А.С. Лаппо-Данилевского, была его научно-организаторская деятельность, в которой А.С. Лаппо-Данилевский действовал последовательно и абсолютно самостоятельно.

Научные проекты А.С. Лаппо-Данилевского в Петербургском университете

Некоторые черты научно-организаторской деятельности А.С. Лаппо-Данилевского ярко проявились уже в студенческие годы. Поступив в университет, он сразу же активно включился в деятельность образованного по инициативе А.Ф. Гейдена в 1881 г. «Студенческого Научно-Литературного Общества», став не только одним из его формальных лидеров, но и постаравшись придать ему определенное научное направление. Напомним, что Общество возглавлялось профессором О.Ф. Миллером, а его активными членами были С.Ф. Платонов, И.М. Гревс, С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский, Н.М. Дружинин, Д.И. Шаховской, Н.Д. Чечулин, Е.Ф. Шмурло и другие в будущем знаменитые ученые (Гревс 1920: 44–81; 1918: 82). На одном из первых заседаний Общества, в котором он принял участие, А.С. Лаппо-Данилевский выступил с речью программного характера, посвященной задачам студенческого объединения: «Позвольте мне, господа, сказать Вам насколько слов о том общем деле, которое соединяет нас сегодня и, надеюсь, долго будет соединять нас». Общая цель собравшихся, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, — товарищеское единение на научной почве. Смысл этой идеи разъясняется через этическое должествование: «Я должен мыслить правильно, а потому и должен стремиться к научному мышлению. Но идея долга, хотя бы и научного долга, крепнет в общественной атмосфере, взаимно усматривая друг в друге так же этически-научное настроение, каждый гораздо сильнее испытывает его». Далее А.С. Лаппо-Данилевский отмечал: «Методически правильная научная мысль, конечно, будет обращаться и к обсуждению самых разнообразных тем; в научном мировоззрении должны будут найти себе место и те из них, которые ближайшим образом касаются студенческой жизни; в широком научном освещении они конечно потеряют свой исключительный интерес, но выиграют в понимании». В 1885 г. А.С. Лаппо-Данилевский был зачинателем и руководителем (секретарем) «Научного отдела» Обще-

ства (Материалы студенческого...: 4, 13), а значит, координатором его научной деятельности, поскольку, согласно уставу Общества, в обязанности научного отдела входила вся организация занятий (Устав Студенческого...: 6). В его записях сохранился план Общества по трем секциям: 1) естественнонаучной, 2) исторических наук, 3) литературы (Материалы студенческого...: 4). И.М. Гревс вспоминал, что А.С. Лаппо-Данилевский был основателем специального исторического кружка в его недрах, в среде которого и начал свои беседы по методологии истории (Гревс 1918: 83). Члены Научного отдела также ежемесячно обязаны были давать отзывы о новых книгах и сообщать «научные новости» по своей специальности. В обязанности Научного отдела входило предварительное рецензирование студенческих рефератов, читаемых в Общем собрании Общества, а на секретаре лежала обязанность составления общей программы занятий (Материалы студенческого...: 3 об. — 4 об.).

Деятельность Общества была прервана по политическим мотивам в 1887 г. (Шаховской 1992: 283) — одним из активных его членов был Александр Ульянов. Участники же общества на долгое время попадают в круг лиц, находящихся на подозрении у политической полиции. Впрочем, что касается А.С. Лаппо-Данилевского и многих других членов «Научного отдела», то эта группа студентов всегда решительно разграничивала вопросы науки и политики.

Те же принципы А.С. Лаппо-Данилевский проводил и в другой научной организации — «Историческом обществе при Санкт-Петербургском Университете», образованном в 1889 г., куда вошли вчерашние студенты вместе со своими преподавателями и научными наставниками. Согласно уставу, цели Общества сводились к трем пунктам: исследование всех областей русской и всеобщей истории, разработка вопросов теории истории, разработка вопросов преподавания истории. При формальном учреждении Общества произошел описанный в литературе конфликт между его основным организатором профессором Н.И. Кареевым и Кружком русских историков во главе с С.Ф. Платоновым, которые желали провести на место председателя В.Г. Васильевского, пользовавшегося в петербургской университетской корпорации абсолютным авторитетом. В конце концов В.Г. Васильевский от избрания отказался, и последовал разрыв между С.Ф. Платоновым, «русскими историками» и Н.И. Кареевым. Интересно, однако, что А.С. Лаппо-Данилевский, ранее входивший в кружок русских историков, в этом деле оказался на стороне Н.И. Кареева. Когда со второй попытки Н.И. Кареев все-таки был избран председателем Общества, А.С. Лаппо-Данилевский стал секретарем Общества, а с 1903 г. был бессменным председателем его русской секции. Важно, что Общество продолжало работу и после увольнения из университета в 1899 г. по политическим мотивам его председа-

теля Н.И. Кареева. Общество издавало свой печатный орган, бывший своеобразной альтернативой официальным «Запискам факультета» — «Историческое обозрение» (см.: Слонимский 1974: 22–41; Погодин 1997: 180–182; Ростовцев 1999: 132–136; Демина 1986: 253; Ростовцев 2000: 106–108). Отметим, что один из томов «Обозрения» был посвящен 25-летию юбилею научно-педагогической деятельности А.С. Лаппо-Данилевского (Сборник статей... 1916).

В этом научном объединении, как и в Студенческом научно-литературном обществе, для А.С. Лаппо-Данилевского было важным проведение своих методологических принципов, оценка докладов и научных текстов с позиций строгой научности. Среди приглашенных А.С. Лаппо-Данилевским к участию в работе секции русской истории в Историческом обществе были А.А. Шахматов, Я.Л. Барсков, Б.Д. Греков, М.А. Дьяконов, А.А. Кауфман, В.А. Мякотин, Н.П. Павлов-Сильванский, М.А. Полиевктов, М.Д. Приселков, А.Е. Пресняков, С.Л. Пташицкий, С.В. Рождественский, Е.В. Тарле, Е.Ф. Шмурло и др. (Краткий обзор... 1915: 206–212; Протоколы... 1890–1915).

Одновременно с работой секретарем в Историческом обществе при Университете А.С. Лаппо-Данилевский вел активную работу по воссозданию более открытого научного общества (по типу закрытого Научно-литературного общества), отвечающего задачам научного познания и преподавания в широком смысле, а именно общефакультетского студенческого научного общества (Гревс 1918: 88). Возникновение общества, именовавшегося «Беседы по проблемам факультетского преподавания», произошло еще весной 1894 г. Продолжались «Беседы» на протяжении 10 лет — до 1904 г. — и проводились обычно один-два раза в месяц. По сохранившимся архивным материалам (Проект правил...: 5–5 об.) мы можем воссоздать ход этих занятий. Председательствовал и руководил собраниями и прениями А.С. Лаппо-Данилевский. Вместе с тем он старался придать организации бесед элемент самоуправления. Поэтому с ноября 1894 г. ежегодно проходили выборы Комитета по устройству «Бесед», определявшие кандидатов от курсов и отделений. Комитет (или «помощники», как они официально назывались) принимал активное участие в выработке тем будущих заседаний, обсуждении предполагаемых рефератов, составлении заключения о прочитанных докладах (Материалы «Бесед...»: 39). Направленность тем докладов была весьма разнообразной, соответствующей широкой ориентации историко-филологического факультета, — по психологии, истории, славяноведению, философии, педагогике. С научными сообщениями выступали люди, очень далекие друг от друга в профессиональном плане, например, преподаватели В.Г. Васильевский и Н.М. Коркунов, студенты М.Д. Приселков и М.А. Полиевктов, с необычным для него фило-

софским докладом выступил в ноябре 1895 г. А.Е. Пресняков. «Беседы» многократно посещали преподаватели: А.И. Введенский, И.М. Гревс, Н.М. Коркунов, В.Г. Васильевский, Г.В. Форстен, А.И. Соболевский, С.Л. Пташицкий, С.Ф. Ольденбург, В.И. Гессен и др. На этом фоне показательно отсутствие в числе посетителей «Бесед» заведующего кафедрой, а затем и ставшего деканом факультета (с 1900 г.) С.Ф. Платонова. Поскольку выборы специально проводились по курсам и отделениям, так или иначе с жизнью «Бесед» были связаны все студенты историко-филологического факультета (Ростовцев 2004: 75–77).

Сама по себе организация «Бесед» не создавала альтернативного административного центра на факультете, но представляла собой самостоятельную научную структуру. Усилиями А.С. Лаппо-Данилевского «Беседы» плавно перетекли в 1904 г. в Студенческое научно-литературное общество. Устав Общества был утвержден на Совете университета в январе 1904 г. Выдвигая на первый план цели научной работы, устав предусматривал относительную автономию Общества от факультета, закреплял твердые начала самоуправления. Однако в ходе революционных потрясений 1905–1907 гг. Общество практически распалось и было воссоздано А.С. Лаппо-Данилевским только в 1909 г. в виде Исторического кружка, в работе которого принимали участие как студенты, так и «оставленные при университете». Секретарем «Кружка» стал Б.А. Романов, в будущем крупнейший советский историк (Панеях 2000: 28).

Из научных предприятий А.С. Лаппо-Данилевского в университете нельзя не упомянуть работу его дипломатического семинария, послужившего основанием создания русской школы дипломатики частных актов. Начало работы семинария (1904–1905 уч. г.) в определенной мере связано с подготовкой издания грамот Коллегии экономики — его участники со временем включились в работу, проводимую с начала 1900-х гг. А.С. Лаппо-Данилевским и С.А. Шумаковым. Семинар по дипломатике частного акта, выросший из работ А.С. Лаппо-Данилевского по изданию грамот Коллегии экономики, к 1911 г. постепенно превратился в научное сообщество, занимающееся дипломатикой частного акта. Организационно это выразилось в формальном отделении семинара от университета и все большем оформлении его деятельности при Историко-филологическом отделении Академии, где А.С. Лаппо-Данилевский добился финансирования работы семинара (Протоколы... 1911). Знаменитый семинар (кружок) А.С. Лаппо-Данилевского стал центром формирования научной школы ученого, из которой вышли такие известные историки, как А.И. Андреев, С.Н. Валк, А.А. Введенский, А.А. Шилов, В.Н. Кун, Н.И. Сидоров и др. Важно подчеркнуть, что влияние А.С. Лаппо-Данилевского на университетскую молодежь не ограничивалось его непосредственными учениками: на протяжении 1890-х — 1910-х гг. он

являлся руководителем студенческих научных объединений, связанных с изучением русской истории и занятиями методологией социальных наук.

Таким образом, организуя академическое пространство историко-филологического факультета, А.С. Лаппо-Данилевский, по существу, создавал структуры, фактически неподконтрольные факультетскому совету, и, будучи «младшим преподавателем», смог организовать на факультете собственную научную школу, которой в этом смысле трудно найти аналог в университетской истории 1819–1917 гг. В этой связи вполне допустимо предположение о том, что оборотной стороной университетской активности А.С. Лаппо-Данилевского были его напряженные отношения со значительной частью профессорской элиты факультета, долгое время не желавшей включать ученого в свои ряды.

Не будет преувеличением заключить, что для А.С. Лаппо-Данилевского университет стал отправной точкой научной и научно-организаторской деятельности, здесь сформировались все основные черты его «профессионального стиля» (выдающийся энциклопедизм, напряженный источниковедческий поиск, тонкие методологические изыскания, масштабная рецензионная и научно-общественная работа, этико-философское понимание задач науки). И хотя центром формирования научного направления А.С. Лаппо-Данилевского становится Историко-филологическое отделение Академии наук, где в 1900–1910-е гг. ученый сосредотачивает свои основные научные проекты, университет и студенческая аудитория играют важную роль в реализации его исследовательской программы на всем протяжении его научной жизни.

Литература

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1.

А.С. Лаппо-Данилевский — Е.Д. Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // Петербургский филиал архива Российской Академии наук (Далее — ПФА РАН). Ф. 113. Оп. 3. Д. 10.

А.С. Лаппо-Данилевский — М.А. Дьяконову. 18 сентября 1890 г. // Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук (СПб ИИ РАН). Ф. 297. Оп. 1. Д. 112.

А.С. Лаппо-Данилевский — М.С. Гревс. Ноябрь 1890 г. // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4.

А.С. Лаппо-Данилевский — М.С. Гревс. Февраль 1891 г. // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4.

Гревс И.М. За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12.

Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет / Сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; Под ред. Л.А. Вербицкой. Летопись 1724–1999. СПб., 1999.

Демина Л.И. «Записки» Е.Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986.

Дневник Н.Н. Платоновой // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698.

Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011.

Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие 1889–1914 // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете за 1915 год. Пг., 1915. Т. XX. Отд. II.

Лаппо-Данилевский А.С. [Студенческие сочинения] // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–113.

Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1887. Т. 4.

Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908–1909 акад. году. Литография. [СПб., 1909].

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч. 1. Теория исторического знания.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II.

Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Новая серия. Ч. LXXII. № 11–12. Отд. II. С. 79–111.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // Известия Академии наук. 1918. Сер. VI. Т. XII. № 5.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. II. Главнейшие направления в теории исторического знания Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // Известия Академии наук. 1919а. Сер. VI. Т. XII. № 6; 1919б. Сер. VI. Т. XII. № 7; 1919в. Сер. VI. Т. XII. № 9; 1919 г. Сер. VI. Т. XII. № 11; 1919д. Сер. VI. Т. XII. № 13.

Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

[*Лаппо-Данилевский А.С.*] Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. Вып. 1.

Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990.

Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. Кельн, 2003.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Территория будущего, 2006.

Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб.: Северная звезда, 2007.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории / Подготовка текста Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РОССПЭН, 2010.

Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: Искусство-СПб., 2001.

Материалы «Бесед по проблемам факультетского преподавания» // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 75.

Материалы студенческого научно-литературного общества // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 5.

Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Погодин С.Н. Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб.: СПбГТУ, 1997.

Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пб., 1922.

Проект правил для организации научных бесед студентов историко-филологического факультета СПб. Университета // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 75.

Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Российской императорской академии наук за 1911 г. СПб., 1911. § 362.

Протоколы заседаний [Исторического общества при Петербургском университете] // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1890–1915. Т. I–XX.

Протоколы заседания Совета Историко-филологического факультета // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16032.

Романов Б.А. А.С. Лаппо-Данилевский в университете (две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 1999. Вып. I.

Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 4.

Ростовцев Е.А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский в Петербургском университете // Из истории России / Под ред. А.Н. Кашеварова, С.Б. Ульяновой. Сб. статей. СПб., 2003.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.

Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009a. Vol. 2.

Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905–1917) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009б.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской...

Сборник статей, посвященный А.С. Лаппо-Данилевскому // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1916. Т. XXI.

Слонимский А.Г. Возникновение Исторического общества при Петербургском университете // Ученые записки истор. ф-та Тадж. гос. ун-та. Душанбе, 1974. Вып. I.

Трапиц Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону, 2006.

Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений министерства народного Просвещения. СПб., 1893. Т. IX: Царствование императора Александра III. 1884 год.

Устав Студенческого Научно-литературного общества. § 10 // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 108.

Шаховской Д.И. Письма о братстве / Публикация Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокина // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М. — СПб., 1992.

Шилов А.А., Андреев А.И. Лекции и практические занятия А.С. Лаппо-Данилевского в Петроградском университете в 1890–1918 гг. // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

А.С. Лаппо-Данилевский

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ. ВВЕДЕНИЕ*

Предисловие

Предлагаемое введение дает понятие о методологии истории и содержит обозрение ее литературы и ее преподавания в высшей школе. <...> Ввиду принципиального различия между методологией истории и ее технологией, а также ее методикой, настоящее обозрение касается последних лишь мимоходом, например, в связи с краткими указаниями на преподавание методологии истории в высшей школе, все еще очень мало утвердившееся в системе университетских занятий. Настоящий очерк издается с целью, по возможности, способствовать их развитию и содействовать всякому интересующемуся историей сознательно отнестись к основным задачам и методам исторического мышления, в сущности, постоянно прилагаемого каждым из нас к самым разнообразным фактам повседневной жизни и особенно нужного в те эпохи, когда мы переживаем великие исторические события <...>

* Публикуется по: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Выпуск первый. Посмертное издание. Петроград, Российская Государственная Академическая типография, 1923. С. III–IV, 3–16. Переизданная в 2006 г. книга (*Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»), 472 с.) является Пособием к лекциям, читанным студентам С.-Петербургского университета в 1909 / 10 уч. году. Часть I. Теория исторического знания. Выпуск первый. Посмертное издание. Петроград, Российская Государственная Академическая Типография, 1923. — 285 с.

Из аннотации к изданию «Методологии» 1923 г.: «Настоящее издание “Методологии истории” А.С. Лаппо-Данилевского является ее третьим изданием: второе издание, к которому автор уже написал ниже печатаемое предисловие, погибло в типографии в 1918 г. При жизни автора были отпечатаны стр. 1–144 настоящей книги, остальное же осталось частью в виде переработанных корректур второго издания, частью в рукописи, еще не поступавшей в набор. Лишь в самом конце этого вполне подготовленного к печати текста оказались вложенными непрономерованные листки, быть может, подлежавшие дальнейшей переработке в связи с контекстом — они помещены в прямых скобках (стр. 265–268). Для выпуска в свет этого посмертного труда пришлось только добавить оглавление и указатель имен. Их составление, равно как и наблюдение за допечатанием книги, лежало на учениках покойного — А. А. Дроздецком, С. Н. Валке и А. И. Андрееве.

7 Февраля 1923 г.»

ВВЕДЕНИЕ

Принципы и методы исторической науки

Нельзя не признать самой тесной связи между теорией познания и методологией науки: лишь с известной гносеологической точки зрения можно конструировать целостное учение, которое принципиально установило бы, в чем именно состоит ее задача, и последовательно наметило бы тот путь, который ведет к ее разрешению.

В самом деле, при рассмотрении любой теории познания легко убедиться в том, что она ставит своей проблемой истину или соответствующее ей знание и, в сущности, лишь в трансцендентальном его единстве находит то основоположение, которое обуславливает понятие о науке: ведь в формально-логическом смысле только истинное знание, характеризующее систематическим единством, называется наукой: оно тождественно с самим собой и согласовано во всем своем составе; оно отличается общезначимостью и обоснованностью своих суждений; оно выясняется в его априорных и апостериорных элементах, в его условиях и границах, в его обобщающих и индивидуализирующих понятиях, образующих различные его отрасли, в его разнообразных предметах и способах их исследования и т. п.; и только при надлежащем понимании таких гносеологических предпосылок учения о науке вообще и об отдельных ее разновидностях можно приступить к построению ее методологии, т. е. системы тех принципов и связанных с ними методов научного мышления, в силу которых содержание его приводится в систематический порядок, подчиняющий себе и более специальные его дисциплины*.

* Ср. *I. Kant*, *Kritik der reinen Vernunft*, SS. 708–709, 721 и др.; см. его же рассуждения о «Methodenlehre», *ib.*, SS. 735–736. Следует, конечно, отличать выдвинутое Кантом понятие о систематическом единстве, которое «разум» прилагает в качестве «регулятивного основоположения» «ко всему возможному эмпирическому знанию (рассудка) о предметах», от понятия об «иерархическом» единстве сознания: последнее употребляется в психологии. Понятие о систематическом единстве науки было высказано более или менее удачно мыслителями разных стран и времен, Ср. *I. Kant*, *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft* (1786), в *Sämmtliche Werke*, hrsg. von G. Hartenstein, Bd. IV, SS. 357–358: «Eine jede Lehre, wenn sie ein System, d. i. ein nach Principien geordnetes Ganze der Erkenntniss sein soll, heisst Wissenschaft... Eigentliche Wissenschaft kann nur diejenige genannt werden deren Gewissheit apodiktisch ist ...» и т. д. *A. Cournot*, *Essai sur les fondements de nos connaissances*, § 308 (nouv. éd., p. 458): «La science est la connaissance logiquement organisée» (ср. ниже: «l'organisation ou la systématisation logique»). *H. Spencer*, *First Principles*, § 37

Ввиду вышеизложенных соображений должно конструировать учение о принципах и методах науки с теоретико-познавательной, а не с генетической точки зрения. В самом деле, нельзя генетически обосновать ни ее принципы, ни ее методы: ведь и великая истина, и великое заблуждение, например, имеют свой генезис; но о познавательном значении их нет возможности судить по их генезису; исследование его может дать понятие лишь о том, как они возникли и, таким образом, способствовать пониманию действительного их содержания, расчленению приводящих в него элементов, выяснению способов их образования и т. п. Строго придерживаясь, однако, теоретико-познавательной точки зрения, необходимо различать логическое значение принципов и методов знания от их развития и не смешивать, например, методы знания с факторами, играющими известную роль в его генезисе, или логическое соотношение методов — с их эволюцией в процессе научной работы, хотя условия подобного рода и влияют на те способы мышления, которые мы употребляем в действительности.

С такой же теоретико-познавательной, а не генетической точки зрения следует, в сущности, рассматривать в методологии наук и то соотношение, в каком принципы и методы исследования находятся к их предметам: выясняя принципы и методы, под условием и при помощи которых знание данных объектов возможно, она стремится определить их содержание и их объем, что, в свою очередь, обуславливает и более специальные методологические особенности их исследования; но она не задается целью изучить происхождение нашего знания о них, хотя бы его проявления и развивались в таком именно соотношении; впрочем, она, конечно, не отказывается принять во внимание результаты подобного рода работ для всестороннего обсуждения собственных своих задач и способов их разрешения.

Само собою разумеется, что все эти общие требования предъявляются учению о принципах и о методах самых разнообразных наук, отличных друг от друга по своим задачам: методология каждой отдельной науки должна считаться с ними, все равно, задается ли она изучением

(фр. пер. р. 117): «Science is partially-unified knowledge» и т. п. Аналогичное понимание, высказанное, однако, в довольно неопределенных выражениях, встречается и у ученых; см., например, *H. Poincaré*, *La valeur de la science*, р. 266: «La science... est un système de relations». Впрочем, при определении понятия о науке многие ученые, например, Конт (ср., однако, *Cours de philosophie positive*, 2 éd., v. I, р. 52), Гельмгольц, Кирхгофф, Пирсон, Пикар и другие принимали во внимание лишь производные ее признаки, более или менее выдвигая некоторые из них и усматривая их иногда в одном только научном методе; ср. ниже с. 5, прим. 1; с. 12, прим. 1 и др.

предмета с идеальным или реальным значением, исследует ли природу или историю; в последнем случае она также исходит из общих гносеологических предпосылок о науке и принимает во внимание те основные принципы познания, которые обуславливают (в логическом смысле) самую возможность всякого знания, значит, и исторического, причем, в соответствии с ним, устанавливает и его методы.

При дальнейшем рассмотрении науки с методологической точки зрения легко заметить, однако, что в зависимости от той системы ее отраслей, которая принимается, и того положения, какое занимает в ней данная наука, построение ее, кроме общих ей с другими понятий, может нуждаться в особом рода предпосылках: чем она «сложнее», например, тем труднее ей обойтись без дополнительных принципов, соответственно обуславливающих те ее методы, которые нужны для изучения данного предмета. В отличие от наук с идеальным предметом, науки с реальным предметом их задания или науки о действительности пользуются, например, понятием о причинно-следственном отношении; в отличие от изучающих действительность «наук о природе», «науки о духе» допускают признание чужой одушевленности; в отличие от обобщающих наук о природе и о духе, индивидуализирующие науки об их истории рассуждают об «историческом значении» данных объектов и т. п. В соответствии с дополнительными принципами науки обращаются и к более сложным методам, представляющим разнообразные сочетания синтетических и аналитических операций или дедуктивных и индуктивных приемов с более специальными способами исследования данных объектов; в таком смысле можно говорить, например, кроме чисто конструктивных математических и более близких к действительности статистических методов исчисления, о методах: экспериментальном и сравнительном; о методах: психологическом и собственно историческом и т. п. С указанной точки зрения методология наук расчленяется на соответствующие отрасли*.

* *Chr. Sigwart*, *Logik*, 3 Aufl. Tübingen, 1904, особенно Bd. II: *Methodenlehre*. *W. Wundt*, *Logik*, 3 Aufl., Stuttgart, 1906–1908, особенно тт. II–II, названные в предшествующих изданиях «*Methodenlehre*». Ср. еще, кроме других общих курсов логики, коллективные труды: *Lectures on the method of science*, ed. by *T. Strong*, Oxford, 1906. *De la méthode dans les sciences*, 1 série с предисл. *P.F. Thomas*; 2 série с предисл. *E. Borel*, Par., 1909 и сл. Многие, особенно в новое время, также рассуждали с методологической точки зрения или о целой совокупности наук, начиная, например, с Телезия и кончая Наторпом и Пикаром, или об отдельных науках, например: Лобачевский и Риманн, Пуэнкаре и Рёссель — о математике, Гельмгольц, а также Гертц и Мах — о механике и физике, Бертелло и Оствальд — о химии, Дюбуа-Реймон и Клод Бернар — о естествознании, Бинэ и Мюнстерберг — о психологии, Спенсер и Зиммель — о социоло-

В качестве одной из них, отличной от других, методология истории должна иметь в виду, кроме общей с ними цели, и свою специфическую задачу: она устанавливает производные принципы или положения, которые, в комбинации с основными, делают возможным изучение данных нашего опыта с исторической точки зрения и придают систематическое единство историческому знанию; вместе с тем она выясняет и те методы исторического мышления, которые относятся к ним и благодаря которым известная точка зрения прилагается к изучению данного материала; таким образом, она оттеняет и общее значение исторического метода, и главные его особенности, в соотношении их с объектами исторического исследования, что получает особенно большой вес в глазах тех историков, которые готовы признать «историю» в сущности и прежде всего методом; лишь при таких условиях она может установить принципы систематически-объединенного, общезначимого и обоснованного знания о той действительности, которая имеет «историческое значение», и выяснить те методы, которые служат для того, чтобы устранить противоречия между показаниями о ней и конструировать из ее элементов одно историческое целое.

Сообразно с указанными требованиями пытаюсь разрешить такие проблемы, методология истории не входит, однако, в специальное рассмотрение генезиса исторического мышления или историогенезиса, хотя и пользуется наблюдениями и выводами подобного рода для выяснения, например, особенностей, характеризующих разнообразные теории исторического знания, а также некоторые методы исторического исследования.

На основании соображений, изложенных выше, легко придти к заключению, что методология науки преследует две задачи: основную и производную; основная состоит в том, чтобы установить те принципы, которые лежат в основе науки и в силу которых она получает свое значение; производная сводится к тому, чтобы дать систематическое учение о тех методах, при помощи которых что-либо изучается. Подобно методологии всякой другой отрасли науки, и методология истории, разумеется, ставит себе те же задачи: она стремится дать теорию исторического знания и выяснить методы исторического изучения.

Теория исторического знания занимается установлением его принципов, основных и производных: она выясняет, например, с какой теоретико-познавательной точки зрения историк изучает данные нашего исторического опыта; какое значение он должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях; каков критерий исторической оценки, на основании которого

гии, и т. д.; об историках см. ниже в книгах I и II.

он производит выбор фактов; каким содержанием и каким объемом он ограничивает предмет исторического знания и т. п. Такие вопросы решаются различно, а потому теория исторического знания и рассматривает, какую познавательную цель ставят себе исторические школы разных направлений и какой характер получает историческая наука в зависимости от того, изучает ли она исторический материал с номотетической или с идиографической, т. е. с обобщающей или индивидуализирующей точки зрения, и каковы основные принципы каждого из этих построений.

В сущности, познавательная точка зрения, которая обосновывается в теории исторического знания, обуславливает и учение о методах исторического исследования: не вдаваясь в рассуждение об историческом значении воспринимаемых фактов, оно имеет в виду более скромную цель; оно выясняет то соотношение, которое существует между принятыми в нем принципами и методами изучения, а также соответствие той, а не иной их комбинации с ближайшим предметом исторического исследования; в связи с принципами оно дает, значит, систематическое понятие о методах, благодаря которым историк занимается изучением исторической действительности. Учение о таких методах может, конечно, касаться их с общей формально-логической точки зрения, не входя в подробное рассмотрение тех их сочетаний, которые пригодны для изучения собственно исторических данных, и в таком случае содержит, например, размышления о роли анализа и синтеза, дедукции и индукции в исторических науках, т. е. об историческом методе вообще; но оно должно излагать методы исторического изучения и в относительно частных их сочетаниях, поскольку последние обусловлены более специальными познавательными-научными целями, преследуемыми ученым при исследовании данного рода исторических источников и фактов.

Такое учение обнимает, значит, кроме рассмотрения исторического метода вообще, «методологию исторического источниковедения» и «методологию исторического построения». Методология исторического источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал или существует. Методология исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк объясняет, каким образом произошло то, что действительно существовало и существует, и строит историческую действительность.

Само собою разумеется, что принципы и методы исторического изучения нельзя отождествлять с техническими правилами и приемами исследования. В самом деле, хотя, с генетической точки зрения, методо-

логия науки развивается в связи с его техникой, однако, на основании выше сделанных замечаний, легко заключить, что научный принцип и техническое правило не одно и то же: научный принцип требует своего обоснования путем опознания заключающейся в нем истины; техническое правило не обосновывается, а формулируется ввиду той утилитарной цели, которая ставится исследователем, и, не столько принципы, сколько правила подобного рода преимущественно и лежат в основе собственно технических приемов работы. Вместе с тем, в отличие от общих методов изучения, такие приемы должны находиться в еще более тесной зависимости от свойств изучаемых объектов, т. е. от особенностей тех, а не иных исторических фактов: подобно тому как физик пользуется соответствующими способами и приборами для своих исследований, и историк стремится придумать наилучшие средства и орудия для обработки данного рода исторических источников или явлений и событий. Общее учение методологии истории не может, однако, задаваться целью изложить технологию исторического исследования: в сущности, она всего лучше усваивается в работе над соответствующими видами сырого материала.

Ввиду тесной связи между общей теорией познания и методологией наук, естественно предполагать, что последняя, в свою очередь, может развивать, исправлять или дополнять ее и таким образом оказывать ей существенные услуги, хотя бы размышления подобного рода и не представляли ничего ценного для специально научных изысканий. Действительно, в последнее время, например, теория познания значительно расширилась благодаря тому, что мыслители прошлого и начала нынешнего века обратили серьезное внимание на логику отдельных наук, в том числе и на особенности собственно-исторического мышления.

Вместе с тем, однако, методология науки имеет теоретическое значение и для обоснования, а также для построения данной отрасли научного знания. Без методологических размышлений наука не в состоянии достигнуть некоторого единства в области научных понятий: лишь строго придерживаясь той теоретико-познавательной точки зрения, которая всего более удовлетворяет такому требованию нашего сознания, она может пользоваться соответствующими принципами и методами для того, чтобы обосновать наше знание, объединить известные данные нашего опыта, придать единство нашему научному построению и выработать систему научных понятий, а не довольствоваться разрозненными научными представлениями. Следовательно, методологии науки должна принять во внимание принципы такого единства, хотя бы в области данной отрасли знания, т. е. опознать ту истину (аксиому), на которой каждый из них основан. Не имея возможности, однако, установить один принцип вне отношения его к другим, методология науки не ограничи-

вается изучением каждого из них в отдельности; она стремится выяснить систему понятий, ибо только таким образом каждое из них получает надлежащее значение; она пользуется одним или несколькими наиболее общими понятиями, суммирует под них менее общие и т. п. Даже в математике, науке наиболее сложившейся, вопросы подобного рода обсуждаются довольно оживленно; методологические рассуждения в этой области привели в последнее время к сближению между логикой и математикой и к критическому рассмотрению основных принципов самого математического знания*. Методологические рассуждения имеют тем большее значение применительно к наукам, логические особенности которых далеко еще не выяснены, а к ним надо причислить и историю. Методология истории также обсуждает основания исторического знания и способствует выработке обоснованной системы исторических понятий; она устанавливает их путем рассмотрения и формулировки основных принципов исторического знания и методического их раскрытия, возможно более последовательно проводимого сквозь всю историческую науку. Специальные исследования не могут дать такой системы: они только готовят материал для нее.

Впрочем, не трудно убедиться в том, что, кроме теоретического интереса, методологические рассуждения имеют и практическое значение для науки: один из великих математиков начала прошлого века заметил, например, что «знание метода, которого гениальный человек придерживался, не менее полезно для успехов науки, чем его открытия»**; такое влияние обнаруживается, разумеется, и в области исторических работ.

Размышление над методологическими проблемами может быть весьма полезным уже в чисто формальном отношении: такое обсуждение оставляет в уме привычку к систематическому, методически правильному мышлению, а оно, разумеется, продолжает действовать и в сфере специальных исследований; оно всегда отражается, например, на точке зрения, с которой данный объект изучается, или на методе, который употребляется в данной исторической работе.

Помимо формальных выгод, изучение методологии науки может

* *B. Russel*, *The Principles of Mathematics*, Cambr., 1903. *A. Whitehead* and *B. Russel*, *Principia Mathematica*, vv. I—II, Cambr., 1910—1912. Пеано, Кютюра и другие ученые придерживаются аналогичных взглядов. См.: Couturat, *Les principes des Mathématiques*, Par. 1905. Критический разбор таких попыток свести математику к логике см. у *H. Poincaré*, *Science et Méthode*, Par. 1908, pp. 152—214.

** *P. S. de Laplace*, *Exposition du Système du monde*, в *Oeuvres*, Par., 1884, t. VI, p. 464.

приводить и к более заметным, видимым практическим последствиям: оно имеет значение и для ее построения, и для ее развития.

В самом деле, методологическое обсуждение основных понятий играет существенную роль в построении науки: без критического отношения к ним такие понятия легко превращаются в своего рода *praenotiones* (предвзятое мнение — *Прим. ред.*), покоящееся на традиции: они или вовсе не определяются, или часто определяются неправильно, а, за недостатком строго выработанной терминологии, нередко и понимаются различно; но что сказать о формуле, элементы которой каждый понимает по-своему? Далее, придавая нашему мышлению в любой области возможно большее единство, последовательность и согласованность, знание методологии делает наши заключения гораздо более убедительными и для себя, и для других: лишь при единстве основания, т. е. выдержанности основной точки зрения, последовательности в рассуждении и согласованности выводов можно рассчитывать, при высказывании своих мыслей, на действительную убедительность их и для себя, и для других. Наконец, очищая индивидуальное мышление от случайных *praenotiones*, такое рассмотрение дает возможность более быстрого понимания друг друга, благодаря которому люди или приходят к соглашению, или убеждаются в принципиальной разногласии своих построений: сколько времени и сил тратится на праздные споры только потому, что спорящие взаимно не понимают своих исходных теоретико-познавательных точек зрения! Все сказанное, разумеется, близко касается и исторической науки: лишь обращаясь к методологии, она может установить более прочную и общепризнанную систему исторических понятий и выработать свою терминологию, пока еще очень шаткую, а, значит, и содействовать упразднению бесплодных споров между историками разных направлений.

В связи с такими результатами изучение методологии имеет практическое значение и для развития науки: хотя научное открытие есть акт индивидуального творчества, тем не менее, в ведении научных исследований тот, кто знаком с принципами и методами изучения данных объектов, работает с меньшей затратой сил и с большим успехом, чем тот, кто руководится только «чутьем», «здравым смыслом» и т. п. В области исторических разысканий, например, тот, кто что-либо открыл, положим, новую точку зрения на какую-нибудь эпоху, уступает, в самой разработке открытого, первенство тому, кто получил методологическую сноровку: ведь знание методологии дает ему возможность ясно определить основную точку зрения, сообщает выдержанность данному направлению мысли, оказывает влияние на самый ход исследования и вообще ограждает исследователя от увлечений его темперамента. Лишь придерживаясь теоретически продуманного метода, историк и, в особенности,

начинающий заниматься историческими исследованиями, в состоянии также соблюсти должную экономию в своем мышлении, может избежать излишней траты сил на самостоятельное разыскание точек зрения и путей, уже ранее установленных, обречь себя от ошибок, и т. п. Употребление общепризнанного научного метода, сверх того, облегчает взаимное согласие и содействует развитию взаимопомощи между историками: оно внушает доверие данного исследователя к работам других, что дает ему возможность, не проделывая всего собственными силами, пользоваться чужими выводами. Самый добросовестный историк, при обработке мало-мальски обширной темы не может обойтись без дополнительных сведений, почерпаемых им из вторых рук; иначе он не мог бы двигать науку: он должен был бы сызнова исполнять всю работу своего предшественника. Для того, однако, чтобы с успехом воспользоваться чужими выводами, историк должен иметь какой-нибудь критерий их ценности; он усматривает его в том, что формальная корректность мышления, т. е. методологические требования, соблюдены, но он в состоянии пользоваться подобным критерием, очевидно, лишь предварительно зная, в чем именно состоят эти требования, а общее знание их он может почерпнуть из методологии истории. Таким образом, знание исторической методологии дает возможность историку систематически проверять чужие выводы относительно исторических фактов и, если он признает их в методологическом смысле правильными, опираться на них, а в противном случае, разумеется, отбрасывать их.

Вышеприведенные рассуждения о значении методологии науки для ее разработки, конечно, тем более нужны, чем менее установлены исходные ее положения: хотя они и в естествоведении далеко не вполне выяснены, но еще более спорны в такой области научного знания, как история, а потому здесь чувствуется особенная нужда в теоретико-познавательных и методологических разысканиях.

Несмотря на то, что методология имеет существенное значение для науки, до сих пор можно встретить возражения против нее, главным образом, со стороны тех, которые смешивают генетическую точку зрения с теоретико-познавательной. Если полагать, например, вместе с некоторыми из выдающихся представителей современной науки, что наше познание есть «приспособление мыслей к фактам», то легко допустить сомнение и в целесообразности методологических рассуждений о тех принципах и методах, под условием и при помощи которых, согласно противоположной теории, мы можем познавать их, т. е., главным образом, устанавливать связь между нашими представлениями о них.* Раз-

* *E. Mach*, *Beiträge zur Analyse der Empfindungen* (1886), рус. пер. Г. Котляра, с. 35: «Наука возникает всегда в процессе приспособления нашей абстрактной

бор важнейших взглядов подобного рода, в особенности тех, которые ближе всего касаются методологии истории, покажет еще раз то значение, какое она имеет для исторической науки.

Вообще, выдвигая значение научного творчества, противники методологии полагают, что нет возможности или нужды рассуждать о принципах и методах исследования: каждый интуитивно пользуется ими; он применяет и развивает их в самом процессе работы. Приверженцы таких взглядов справедливо указывают на то, что научное творчество не создается методологией: оно зависит от особенностей данной индивидуальности, взятой в целой совокупности ее мыслительных, эмоциональных и волевых процессов, и есть ее индивидуальный акт; оно тесно связано с интуицией, которая играет главнейшую роль, например, в «математическом изобретении», да и во всякой другой созидательной работе человеческого духа. Противники методологии упускают из виду, однако, что наука должна отличаться систематическим единством, общезначимостью и обоснованностью своих положений, требующих ясного сознания ее принципов и методов: математические «конструкции», например, основаны на логике, придающей им ту строгость и стройность мысли, к которым, разумеется, стремятся и другие научные дисциплины.* Напрасно сомневаясь в значении методологии для наук, в частности и для истории, интуитивисты слишком мало принимают в соображение, что предварительное ознакомление с принципами исторического знания имеет большую ценность для историка: лишь в том случае, если он опознал те принципы, которыми ему приходится поль-

мысли к определенной области опыта». *M. Verworn*, *Die Entwicklung des menschlichen Geistes*, 2 Aufl., Jena 1912, p. 30. Полемизируя с Кантом, автор расширяет формулу, высказанную Махом применительно к научному исследованию. Метафизически-онтологическая концепция мышления, «верно отражающего бытие», едва ли не лежит в основе понятия о науке в смысле «полного и выдержанного описания фактов опыта в возможно более простых терминах», на котором настаивают, в разных формулировках, Кирхгофф, Мах, Пирсон, Уорд, Томсон и другие; ср. *G. Kirchhoff*, *Vorlesungen über Mechanik*, Berl., 1876, Vorrede; *J.A. Thomson*, *Introduction to science*, Ld. s. d., p. 41. Большинство из них лишь подразумевает такую предпосылку и не обосновывает ее; Адлер, по крайней мере, ясно формулировал ее; ср. *M. Adler*, *Mach und Marx*, в *Archiv für Sozialwissenschaft*, Bd. XXXIII (1911), S. 365. Стадлер, находившийся под влиянием вышеуказанного понимания науки, признавал ее, однако, лишь «возможно более точным описанием совокупности представлений, данных в человеческом сознании»; см. *A. Stadler*, *Zur Klassifikation der Wissenschaften*, в *Archiv für systematische Philosophie*, Bd. II (1896), S. 7.

* *H. Poincaré*, *La valeur de la Science*, Par. s. d., pp. 11–34; *Science et méthode*. Par. 1908, pp. 43–63.

зоваться, он может придавать систематическое единство своему знанию об исторической действительности, не смешивая разных понятий, высказывать общезначимые и обоснованные суждения о ней и методически производить свою работу, постоянно подвергая ее ход надлежащему контролю. Вместе с тем сторонники интуитивизма едва ли обращают достаточное внимание на то, что те, а не иные принципы знания всегда обуславливают и те, а не иные методы исследования: они забывают о том, что ясное сознание значения исторических принципов регулирует научные приемы историка и что достигнуть его он может лишь путем методологических рассуждений.

Под влиянием такого смешения психогенетических понятий с гносеологическими противники методологии слишком доверчиво относятся к тем факторам творчества, которые могут иметь значение для развития науки, и пренебрегают методологическим рассмотрением их продуктов, без которого она не может, однако, принять их в свой состав.* С такой точки зрения роль воображения в научном творчестве, например, подвергается разнородной оценке, которая то превозносит, то принижает его и соответственно высоко или низко ценит методологию. Само собою разумеется, что творческое воображение, нужное ученому, не создается методологией: оно дает ему возможность, например, конструировать разные геометрии, отличные от эвклидовой, исходя из поверхностей положительной или отрицательной кривизны; представлять себе строение материи из бесконечно малых частиц, недоступных наблюдению; прибегать к подстановке собственных состояний сознания под чужие действия и т. п. Человек, не обладающий достаточной силой такого воображения, конечно, не может сделаться настоящим ученым, не будет и настоящим историком. В самом деле, историк должен, например, воспроизводить в себе состояния чужого сознания, иногда очень далекие от привычных ему состояний, и ассоциировать между собою идеи, кажущиеся его современникам чуждыми друг другу; он должен интересоваться разнообразнейшими проявлениями человеческой жизни, ярко переживать то, что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т. п.; он должен быть также способным представить себе тот индивидуальный образ, который подлежит его реконструкции, и придумать более или менее смелую гипотезу, пригодную для объяснения единичных фактов или для построения из них целых групп или серий, входящих в состав данного исторического целого. Вполне признавая ту существенную роль, которую воображение играет в созидательной его работе, историк должен, однако, сознавать и те основания или критерии, в силу которых он пользуется ее

* Ср. выше. С. 46.

результатами: историк-ученый не может принять то, что ему подсказывает его воображение, не выяснив, какие именно принципы лежат в основе его работы и каково их значение, а также не подвергнув методов, да и самых результатов исследования предварительной проверке. Впрочем, и тот историк, который широко практикует подобного рода «дивинацию» (откровение путем гадания — *Прим. ред.*), все же часто прибегает к помощи научного анализа, прежде чем окончательно завершить свое построение; но в таких случаях он или пользуется им слишком мало, или удовлетворяется более скромной ролью: он постоянно стремится систематически регулировать и контролировать силу своего постростительного воображения и думает достигнуть цели не путем исключительно интуитивно-синтетической дивинации, а путем научно-синтетической конструкции. Аналогичные замечания можно высказать, конечно, и относительно рассуждений о «здоровом смысле» историка, оберегающем его от грубых промахов, о «нравственном чувстве», обостряющем его восприимчивость к социальной жизни, об «эстетическом сознании», внушающем ему более или менее широкое построение целой культуры, и т. п.* Следовательно, несмотря на сомнения тех, которые слишком мало различают факторы исторического творчества от исторических методов, можно тем не менее придавать значение методологическому их рассмотрению.

В связи с интуитивным творчеством и его факторами, некоторые охотно ссылаются на еще более сложное состояние сознания, а именно на «чутье» ученого, будто бы заменяющее ему методическое мышление; но «чутье» исследователя, кроме того, основано на известной «сноровке», которая, в свою очередь, уже опирается на методически правильное мышление; то же можно сказать и про «чутье» историка: он приобретает его благодаря известной «сноровке» в понимании более или менее значительной части доступного ему материала, лишь предварительно методически изучив остальную его часть, и таким образом получает возможность построить гипотезу, которая, разумеется, сама нуждается в методологическом контроле.

Помимо того, что смешение генезиса знания с его теорией затемняет различие между интуитивным и дискурсивным мышлением, оно вредно отражается и в области последнего, например, при рассмотре-

* *H. Maier*, *Psychologie des emotionalen Denkens*, Tüb. 1908, особенно отделы I—III; указания на литературу см. там же, сс. 5—26. Ср. еще: *F. Paulhan*, *Psychologie de l'invention*, Par. 1901, pp. 2, 10, 28—43, 66—70. *B. Erdmann*, *Die Funktionen der Phantasie im wissenschaftlichen Denken*, Berl. 1913. *J. Tyndall*, *On the scientific use of imagination*, в *Fragments of science*, 3 ed., pp. 125—167. *H. v. Sybel*, *Gedächtnisrede auf Leopold v. Ranke*, в *Histor. Zeitschr.* Bd. 56 (1886), S. 475.

нии соотношения между некоторыми мыслительными операциями, имеющими существенное значение для методологии науки.

В самом деле противники ее часто смешивают, например, генетическое преемство некоторых синтетических операций вслед за аналитическими в истории наук с логическим их соотношением: анализ, по мнению многих ученых, должен предшествовать синтезу; значит, и рассуждения об общих принципах и методах наук, отличающиеся синтетическим характером, преждевременны. В замечаниях подобного рода ученые упускают из виду тесную логическую связь, в какой вышеуказанные понятия находятся между собою, и, в сущности, говорят не о наиболее общих формах или синтетических принципах нашего мышления вообще, а о специальных научных обобщениях в данной области нашего опыта: ведь нет возможности производить какой-либо анализ без каких-либо руководящих принципов синтетического характера, хотя бы применение их к более конкретному содержанию и развивалось во времени. С этой точки зрения и рассуждения о принципах и методах исторической науки нельзя считать преждевременными: такие понятия сознательно или «бессознательно» более или менее обуславливают научно-историческое исследование, хотя содержание их может изменяться во времени, и, в зависимости от действительного развития самой исторической науки, получает более точную, специфически научную формулировку.

Аналогичное смешение между двумя, по существу различными, точками зрения — эволюционной и теоретико-познавательной — также позволяет противникам методологии наук сослаться еще на одно соображение: в истории наук методологические рассуждения обыкновенно следовали за великими открытиями, а не предваряли их. С генетической точки зрения методология науки, действительно, не предшествует ей, а следует за нею, хотя бы потому, что научное творчество не создается методологией, а только рассматривается ею в его результатах; но в данном случае речь идет о значении методологии для науки, а не о ее развитии: с аналитической точки зрения и методология исторической науки, подобно всякой другой, логически предшествует ее выводам, систематическому их изложению, не говоря о том, что наука и в особенности наука столь сложная, как история, слагается не сразу, и что разработка ее методологии влияет на последующее ее развитие.

Итак, лишь различая теоретико-познавательную точку зрения от генетической, можно избежать того смешения понятий, благодаря которому отрицательное отношение к методологии истории становится возможным.

Следует заметить, что, помимо чисто теоретических соображений, и в действительности те, которые возражают против значения мето-

логических рассуждений, разумеется, пользуются известными принципами познания и методами изучения: только они не выделяют их сознательно из общего потока своего мышления. Великий ученый, открывший электродинамизм, назвал, например, свой знаменитый труд «теорией явлений электродинамических, основанной единственно на опыте»; он, значит, думал, будто бы для построения своей теории он не прибежал ни к какой гипотезе, а между тем он опирался на целый ряд «гипотез»; только он делал это, сам того не замечая. Один из почтенных историков нашего времени также сомневался в полезности методологических рассуждений, что не помешало ему, однако, придерживаться современных методов исторического изучения и даже предлагать новые в целом ряде исторических работ и т. п.*

Итак, нельзя отрицать значение методологических рассуждений, не впадая в противоречие с основными задачами научной работы. С такой точки зрения и методология истории имеет полное право на самостоятельное существование, хотя далеко еще не может считаться вполне сложившейся дисциплиной научно-исторического мышления: она более определена по своему содержанию и менее широка по своему объему, чем философия истории, так как имеет в виду одно только учение о принципах и методах исторической науки и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества или его «исторических судеб».

* *H. Poincaré*, *La Science et l'hypothèse*, 1 ed., p. 260; речь идет об Ампере и о его сочинении «*Mémoire sur la théorie des phénomènes électrodynamiques uniquement fondée sur l'expérience*». Par. 1827. *O. Lorenz*, *Die Geschichtswissenschaft* и проч., Berl., 1891. Т. II, SS. 279 ff.

**ОБ ИНСТИТУТЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК.
ЗАПИСКА КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК***

Истекшие четыре года войны отразились на важнейших проявлениях жизни почти всех народов, находящихся в культурном общении, на их нравственном и экономическом состоянии, на их социальном быте и государственном устройстве. Война повлекла за собой грандиозные потрясения в укладе даже тех государств, которые стоят в стороне от столкновений, а в государственной и политической жизни непосредственных ее участников ее последствия уже теперь сказались в очень сильной степени. Все они стоят в преддверии огромных преобразований, первые зародыши которых уже теперь начинают обрисовываться в туманных очертаниях и которые достигнут высшего развития в период, следующий за водворением мира.

В настоящее время России приходится с особенною остротою переживать и последствия неудачной войны и последствия тех политических переворотов, которые она испытала за последний год. Нет надобности перечислять факты, всем известные. Достаточно указать на потрясения существовавшего порядка, вызванные образованием новых самостоятельных государственных единиц в составе прежней Империи, отторжением окраин, самоопределением народностей и даже административных единиц, и на связанные с этими явлениями перемены в области идей и нравов, производства и потребления, на перерыв в культурном общении и на задолженность России иностранным кредиторам, на те преобразования и перевороты, которые ей пришлось испытать за последние месяцы русской революции. Все эти катастрофические потрясения выдвигают перед наукой ряд труднейших проблем, в настоящее время даже невозможно обозреть их во всей широте, но объем и значение их ясны для всякого мыслящего человека. Потребуется огромные усилия для одного только собрания материала, и безграничен будет труд по его разработке. С уверенностью можно утверждать, однако, что напряженное и притом чисто объективное изучение намеченных выше явлений окажется плодотворным не только для отвлеченной науки. Без научного руководства, без светоча знания ни общество, ни государственная власть не будут в силах найти правильные пути к решению самых насущных и неотложных практических задач, которые стоят на очереди.

* III-е приложение к протоколу заседания IX экстраординарного Общего Собрания Российской Академии Наук 18 (5) июня 1918 года (к § 138). С. 108–110.

А между тем, как это ни странно, но отечество наше, так быстро и далеко пошедшее по пути социального и политического переустройства, по разным причинам является пока весьма отсталым в области организации научного изучения группы социальных наук (в широком смысле этого слова), т. е. тех именно отраслей знания, которым придется иметь дело с указанными проблемами. Конечно, все ученые силы русских высших рассадников знания сделают все доступное им для разрешения этих проблем, но необходимо придти им на помощь, облегчить их устремления, и почин в деле объединения всех научных сил должен исходить от Академии Наук. Неоднократно Академия Наук признавала необходимым образовать специальные Комиссии для изучения племенного состава, научной и хозяйственной производительности, а также социального быта России. На очереди стоит вопрос об увеличении в составе Академии числа соответствующих кафедр, но эта мера, разумеется, не исчерпывает всего необходимого для удовлетворительного разрешения: оно может быть планомерно достигнуто только путем организации научного исследования таких проблем и систематического изучения социальных наук, нужных для всесторонней их разработки.

Такую организацию, выдвигаемую научными и практическими требованиями современной русской жизни, необходимо осуществить в скорейшем времени учреждением особого «Института Социальных Наук», стоящего в тесной ученой связи с Академией Наук, организованного отчасти по ее подобию, но преследующего свои особые научные цели на автономных началах. Не вдаваясь пока в частности устройства этого Института и ближайшей программы его деятельности, здесь следует остановиться только на основных, принципиальных сторонах его организации. Институт Социальных Наук должен быть прежде всего чисто научным учреждением и иметь целью исследование социальных проблем, в особенности тех, которые выдвинуты отмеченными выше обстоятельствами современную жизнь, во всей их полноте и в их исторической связи.

Ввиду сложности предстоящих ему задач изучение их придется распределить по нескольким отделениям, в соответствии с группами наук, отнесенными к его ведению. Науки социальные и экономические, науки о государстве и о финансах, изучение права во всем многообразии его проявлений, наконец, социология со всеми вспомогательными ее знаниями, таковы — в самых общих чертах — разряды дисциплин, долженствующих быть предметом трудов таких отделений.

Само собою разумеется, что указанные отделения должны состоять под строжайшим руководством известных специалистов и располагать достаточными вспомогательными научными силами, особыми кабинетами, надлежащим образом оборудованными и приспособленными для

работ по каждой специальности, библиотечными собраниями, аппаратами, коллекциями и пр.

Вместе с тем Институт должен издавать труды лиц, в нем работающих, и печатать периодические известия.

Институт Социальных Наук должен также служить центром, объединяющим деятельность научных обществ, которые имеют целью изучение социальных наук: обладая возможностью предоставлять им помещения не только для собраний, но и для текущей деятельности, в смысле отведения места для президиума, для постоянного секретариата, он мог бы, конечно, значительно содействовать нормальному ходу их работы, согласовывать их между собой и т. п.

Впрочем, было бы излишним ограничивать деятельность Института рамками одного только кабинетного изучения социальных дисциплин. Чисто научное творчество есть первая и прямая его задача, но ученое предназначение Института отнюдь не было бы помехою к организации живого общения между учеными силами, посвятившими свои дарования социальным наукам, и подрастающим поколением молодых ученых, стремящихся к усовершенствованию своих познаний. Институту должна быть предоставлена возможность содействовать такого рода занятиям по мере возникающей потребности. Деятельность Института получила бы еще более широкую постановку, если бы ему предоставлена была возможность знакомить широкие круги общества с результатами работ, происходящих в недрах Института. Для этой цели желательно устройство отдельных докладов и сообщений, циклов или даже курсов лекций научно-популярного характера, в зависимости от хода работ Института и назревших общественных интересов. Благодаря такому обмену между творчеством, протекающим в сени ученых кабинетов, и настоятельными запросами жизни установится живительная связь между деятельностью Института и более широкими кругами ученого сословия и общества.

Будучи организован на широких началах, сопрягая чисто ученые занятия с служением повелительным требованиям жизни, Институт Социальных Наук окажется истинным средоточием научного творчества в такой области, которая в настоящее время и еще в течение долгих лет будет стоять на очереди. Детали внутренней организации Института, его соотношение с Академией Наук, его устав, его смета и административный распорядок могут быть разработаны уже после окончательного и утвердительного разрешения принципиального вопроса о его бытии.

Здесь уместно только отметить, что весьма важный для преуспевания Института вопрос о помещении его может быть вполне удовлетворительно разрешен, если ему будут предоставлены здания бывшего Александровского Лицея. Эти здания почти без всяких переделок могут быть

приспособлены к размещению в них Института, тем более, что они, по своему расположению, вполне подходят для научных работ и сравнительно обеспечены от пожара. Аудитории Лицея вполне пригодны для устройства в них отделений и связанных с ними кабинетов и коллекций, а также для заседаний научных обществ, чтения лекций и т. п. Библиотека Лицея, недостаточная в современном ее составе для обслуживания Института, может быть пополнена фондами других книгохранилищ, в настоящее время ликвидируемых. Поэтому, в видах скорейшего учреждения Института Социальных Наук и надлежащего его оборудования, представлялось бы правильным немедленно же закрепить за Институтом право на эти здания, если учреждение его будет признано необходимым, и не давать им другого назначения.

*Председатель
академик А. Лаппо-Данилевский
Секретарь А. Нольде*

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

В.Б. Гольбрайх

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В МЕСТНОЙ ПРЕССЕ

Средства массовой информации во многом определяют наше понимание социальных проблем, в том числе и экологических. СМИ являются «публичными аренами», на которых идет борьба различных групп вокруг того, является ли та или иная ситуация проблемной, требующей решения, или нет. Фактор появления в СМИ интерпретации конфликтной ситуации теми или иными акторами серьезно влияет на их успех. Настоящая статья посвящена освещению конфликта вокруг проекта платной автотрассы Москва — Санкт-Петербург в местной прессе. Начавшаяся как локальный экологический конфликт, деятельность защитников Химкинского леса стала известна далеко за пределами города Химки. В статье предложен анализ местной прессы, нацеленный на понимание того, насколько местная пресса как «публичная арена» дает возможности различной интерпретации спорной ситуации различными акторами. При анализе текстов газет был использован анализ фреймов (диагностического и прогностического).

Ключевые слова: *местные СМИ, экологический конфликт, «публичные арены», диагностический фрейм, прогностический фрейм.*

Средства массовой информации (СМИ) во многом определяют наше понимание социальных проблем, в том числе и экологических. СМИ являются «публичными аренами», на которых идет борьба различных групп вокруг того, является ли та или иная ситуация проблемной, требующей решения, или нет. Как отмечает Дж. Ханнинган, без освещения масс-медиа крайне мало шансов, что «социальная проблема станет предметом общественной дискуссии или частью политического процес-

Гольбрайх Владимир Беняминович — младший научный сотрудник группы социальной экологии Социологического института РАН (vgolbraih@mail.ru).

са» (Hannigan 1995: 79). Таким образом, фактор появления в СМИ интерпретации теми или иными акторами конфликтной ситуации серьезно влияет на их успех. Настоящая статья посвящена освещению конфликта вокруг проекта платной автотрассы Москва — Санкт-Петербург в местной прессе. Начавшаяся как локальный экологический конфликт, деятельность защитников Химкинского леса стала известна далеко за пределами города Химки. Защитники леса смогли привлечь на свою сторону различных политиков федерального уровня, известных деятелей культуры, причем не только российских. Достигнув пика в 2010 г., протесты против предложенного маршрута трассы вынудили вмешаться в конфликт Президента РФ и Правительство РФ. Нас интересовало, насколько «публичные арены» местных печатных СМИ представляли собой публичное пространство, где различные акторы (представители властей, проектировщики, местные жители, представители протестного движения) могли формулировать противоположные определения проблемной ситуации и, исходя из этого, предлагать пути ее решения.

Теоретический подход

При анализе освещения экологического конфликта в прессе использовался конструктивистский подход в социологии социальных проблем. Представители этого подхода видят социальную проблему как продукт процесса коллективного определения (Hilgatner, Bosk 1988: 53). Так, американские социологи М. Спектор и Дж. Китсюз определяют социальную проблему «как активность индивидов или групп, выражающих недовольство и выступающих с требованиями в отношении каких-либо предполагаемых условий» (Spector, Kitsuse 1987: 75). Конструктивистские исследования часто определяют интересы акторов в выдвижении социальной проблемы, объясняющие, почему данная проблема появилась. Официальные лица могут защищать или даже расширять свою деятельность, профессионалы могут получить больше влияния, контроля или престижа, активисты могут стать влиятельным лицом или даже добиться официального положения (Бест 1998).

Социальные проблемы, по мнению С. Хилгатнера и К. Боска, соревнуются между собой за общественное внимание. Исследователи в своей модели выделяют «публичные арены», на которых определяются социальные проблемы, изучают воздействие таких арен на эволюцию социальных проблем и на акторов, которые делают по поводу них заявления. С этой точки зрения, «социальная проблема — это спорные условия или ситуация, которая определяется в качестве проблемы на аренах публичного дискурса» (Hilgatner, Bosk 1988: 55). «Публичные арены» включают законодательные и исполнительные ветви власти, СМИ, различные организации, научные сообщества, частные фонды (Ibid: 62). На «публич-

ных аренах» проблемы дискутируются, отбираются, определяются, интерпретируются и представляются общественности. Каждая из арен имеет «вместимость», ограничивающую число социальных проблем, которые арена может принять одновременно. Это ограничение делает конкуренцию критической и центральной в процессе коллективного определения. Соревнование между проблемами означает соревнование между социальными группами, которые заявляют о различных проблемах. Эти группы относятся к различным секторам общества и могут иметь различные цели. Одной из наиболее важных «публичных арен» являются СМИ. С. Хилгартнер и К. Боск говорят о принципах отбора, которые влияют на то, какие проблемы будут предложены вниманию аудитории. Это необходимость в драме и новизне, опасность насыщения, ритм организационной жизни, культурные предпочтения и политическая тенденциозность, а также организационные характеристики того или иного органа массовой информации (Ibid: 1988). В то же время политический фактор — соответствие социальных проблем интересам властных элит — имеет гораздо большее значение в российском обществе «в силу подконтрольности правящим группировкам большей части публичных арен, включая средства массовой коммуникации, законодательную и судебную ветви власти» (Ясавеев 2004: 141). Заявления о социальных проблемах не только приковывают внимание к ситуации: они также интерпретируют проблему определенными способами. В этом процессе соревнуются как проблемы, так и «продвигающие» их группы, чтобы войти и остаться в публичной повестке. Типичное заявление о проблеме говорит, что она существует и важна, включает причинную ответственность (моральную, политическую) и предлагает решение к исправлению проблемы или уменьшению ее вреда. Борьба между конкурирующими группами интересов может иметь различные формы, когда одна группа драматизирует вопрос, в то время как другая использует дедраматизирующие стратегии (Hilgartner, Bosk 1988: 62).

Исходя из того, что СМИ в современном обществе являются одной из важнейших «публичных арен», на которых конструируются социальные проблемы, понятно, что именно они во многом определяют успех или неудачу общественных движений. Общественные движения, желающие повлиять на общественное мнение и политическую повестку, частично зависят от масс-медиа в передаче своих посланий более широкой аудитории (Smith, McCarthy, McPhall et al. 2001: 1398). Авторы, работающие в рамках теории политических возможностей, отмечают, что открытие и закрытие доступа к СМИ является решающим элементом в определении политических возможностей. Содержание новостей может резко повлиять на перспективы мобилизации общественных движений. Масс-медиа являются ареной, на которой происходят сим-

волические споры между различными «организаторами» смысла, включая общественные движения. Нормы и практика СМИ и политико-экономическая ситуация, в которой они действуют, воздействуют на возможности и сдерживания общественных движений (Gamson, Meyer 1996).

В исследованиях общественных движений все более признается центральное значение интерпретации вопросов в понимании успеха и неудачи общественных движений (McCarthy, Smith, Zald 1996). Все или по крайней мере большинство интерпретаций реальности социально сконструированы и, следовательно, поддаются попыткам общественных движений формировать или манипулировать ими. На публичной арене общественные движения конкурируют в убеждении людей в важности той проблемы, которую они пытаются решить. Агенты общественных движений пытаются принести свои вопросы в повестку различных аудиторий. В современном мире СМИ — центральный поставщик информации и образов. Медиа-дискурс, если говорить об общественном мнении, доминирует по большинству вопросов, т. к. СМИ играют важнейшую роль в современном обществе (Gamson, Modigliani 1989). СМИ являются тем местом, где различные социальные группы, институты и идеологии борются над определением и конструированием социальной реальности. Общественные движения вовлечены в символическую борьбу по поводу понимания и интерпретации. Д. Сноу и Р. Бенфорд подчеркивают роль организаций общественных движений в процессе интерпретации, т. е. роль означающих агентов, которые активно заняты производством смысла. «Они интерпретируют события и условия способами, которыми хотят мобилизовать потенциальных участников и последователей, получить поддержку наблюдателей и демобилизовать антагонистов» (Snow, Benford 1988: 205).

Дж. Бест подразделяет акторов, участвующих в процессе *claim-making* (выдвижения требований), на инсайдеров и аутсайдеров (Best 1990: 172). Первые являются частью политической системы; автор относит к ним, прежде всего, группы давления. Они рутинно влияют на решения властных органов и могут обеспечить то, чтобы их интересы были учтены. В отличие от них, аутсайдеры находятся вне политической системы. К ним автор относит, в первую очередь, общественные движения. Их заявления и требования относятся к новым, еще не признанным проблемам. Именно для аутсайдеров особенно важны СМИ. Они стараются, чтобы их заявления дошли до самой широкой публики, т. к. именно из СМИ люди в основном узнают об общественных движениях. Освещение в масс-медиа может помочь общественным движениям оказывать давление на власть с помощью общественности, обеспокоенной новыми социальными проблемами.

Источники информации играют важную роль в процессе формирования «повестки дня». Акторы тем более успешны в интерпретации проблемы, фокусируя внимание аудитории на определенных вопросах, чем больший доступ они имеют к прессе и, следовательно, чем чаще используются журналистами в качестве источников информации (Robin 1999: 396).

К истории конфликта

13 апреля 2004 г. президент В. Путин отдал поручение Министерству транспорта о строительстве скоростной автомагистрали Москва — Санкт-Петербург. В конце 2006 г., когда проектировщики уже выполнили свою работу, план постройки скоростной автотрассы между двумя столицами обнародовали и включили в федеральную целевую программу. Необходимость строительства скоростной автомобильной магистрали Москва — Санкт-Петербург обусловлена сложной транспортной ситуацией на федеральной автомобильной дороге М10 «Россия». В настоящее время технический уровень существующей дороги, по мнению Федерального дорожного агентства Министерства транспорта РФ, по таким показателям, как загрузка движением, пропускная способность, условия безопасности движения, эксплуатационное состояние, не отвечает нормативным требованиям. Выполненные проектно-исследовательские работы показали, что наиболее оптимальный вариант решения — создание альтернативной платной скоростной автомагистрали в коридоре «Москва — Санкт-Петербург». Среди основных ожидаемых результатов инвестиционного проекта, как считают в агентстве, — формирование нового «пояса занятости» в Подмоскovie; повышение доступности транспортных услуг для населения; развитие социальной инфраструктуры региона; сокращение транспортных издержек и непроеизводительных затрат времени пользователей дороги; улучшение экологической обстановки в районе. Новая автомагистраль должна обеспечить надежную современную связь между Москвой и Санкт-Петербургом, Центральным и Северо-Западными федеральными округами*. Рассматривались три варианта прохождения трассы. Был выбран вариант, при котором магистраль проходит по самой середине Химкинского леса, расчленяет его надвое, идя почти до самого Шереметьевского аэропорта. Маршрут трассы был утвержден распоряжением главы Химкинского района Московской области В.В. Стрельченко и подкреплен постановлением правительства Московской области. 30 ноября 2006 г. вышло распоряжение Правительства РФ о включении строительства дороги Москва — Петербург в перечень инвестиционных проектов, реализуе-

* Источник: [http://rosavtodor.ru/shownews/obschaya_informatsiya/5578.html].

мых за счет средств Инвестиционного фонда РФ. Только весной 2007 г. жители Химок узнали о планах строительства платной 10-полосной автомагистрали через середину леса.

По мнению экологов, этот вариант губит три запланированных особо охраняемых природных территории (ООПТ). Помимо дубовой рощи, разрушаются также предполагаемые ООПТ «Мезотрофное болото» и «Пойма реки Клязьмы». С точки зрения противников выбранного маршрута трассы, существовали и другие решения транспортной проблемы, которая ими не отрицалась. Один из предлагаемых альтернативных вариантов — расширение Ленинградского шоссе в районе города Химки. Еще один альтернативный вариант — строительство трассы в коридоре Октябрьской железной дороги, однако возможность прохождения дороги по самому прямому пути в коридоре Октябрьской железной дороги даже не рассматривалась (Смирнов 2011: 18). Самими проектировщиками рассматривались помимо принятого два альтернативных варианта. Северный вариант трассы, который не затрагивал массива Химкинского леса, был отвергнут ими как слишком дорогой и связанный с отселением жителей. Вариант трассы, который рассматривался проектировщиками, но так и не был принят, был так называемый молжаниновский вариант. В то же время, по мнению противников выбранного маршрута, он являлся относительно лучшим. По «молжаниновскому» варианту, основной массив Химкинского леса сохранялся, к тому же он был признан проектировщиками наиболее дешевым. Однако проектировщики отклонили этот проект и остановились на маршруте трассы, которая пересекает Химкинский лес. По мнению противников выбранного маршрута, выбранный вариант через середину Химкинского леса оказался бы не только самым разрушительным для природы, но и самым дорогим (Там же: 19). При этом, по мнению официальных экспертов, новая трасса, напротив, позволит разгрузить существующую дорогу М10, тем самым снизив уровень выбросов в непосредственной близости от жилых домов (М10 — наиболее загруженная трасса в Российской Федерации)*.

Летом 2007 г. началось движение протеста против выбранного маршрута автомагистрали. Именно тогда проходят первые пикеты и обращения в защиту леса, появляется сайт «защитников Химкинского леса». С первых шагов защитники Химкинского леса использовали разнообразные методы борьбы. Противники принятого маршрута провели в течении более чем трех лет более десятка митингов в самих Химках и в Москве, множество пикетов. Решения властей оспаривали в суде,

* Источник: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Химкинский_лес#cite_notehttp.2F2Fsvpressa.ru.2Fsociety.2Fnews.2F29683.2F2].

вплоть до Верховного суда РФ. Противники трассы использовали и такой метод, как рок-концерты, на которых собравшимся людям рассказывали о нависшей над лесом угрозе и призывали их ставить подписи под обращением в его защиту. «Защитники леса» собирают подписи и отправляют обращения различным представителям власти (президенту В. Путину, представителю президента в Центральном Федеральном округе, обращению президенту Д. Медведеву). 9 августа 2008 г. защитники леса впервые разбили палаточный лагерь на окраине лесного массива. Это позволило привлечь к проблеме внимание многих людей. Лагерь просуществовал всего несколько недель, несмотря на попытки милиции разогнать его участников. С самого начала борьбы в защиту леса активисты пытались привлечь на свою сторону СМИ. 15 декабря 2008 г. лидер движения в защиту Химкинского леса Евгения Чирикова выдвинула свою кандидатуру на пост главы Химкинского городского округа. Ее первоначальный план состоял в проведении городского референдума по вопросу о необходимости сохранения леса. Однако в референдуме защитникам леса отказали. На выборах в марте 2009 г. Е. Чирикова собрала более 15 % голосов. Противники проекта пытались оказать влияние и на европейские финансовые структуры, участвовавшие в кредитовании этого проекта. Так, 16 июля 2009 г. они послали письмо на имя президента Европейского Банка Реконструкции и Развития (ЕБРР), в котором призывали ЕБРР отказать компании Vinci в получении кредита на постройку дороги Москва — Санкт-Петербург из-за разрушительных экологических последствий, к числу которых относится, прежде всего, уничтожение Химкинского леса. Критики проекта усматривали «частный» интерес министра транспорта РФ, имеющего личную заинтересованность в принятии положительного решения. В ноябре 2009 г. движение в защиту Химкинского леса стало собирать вокруг себя различные инициативные группы, выступавшие в защиту лесов, в результате была образована «Экологическая оборона Москвы и Московской области». В июле 2010 г. «защитники леса», обнаружив попытки его вырубki, переходят к более радикальным акциям: останавливают вырубку и предпринимают попытку устроить палаточный лагерь. Совместно с активистами «Яблока» и «Левого фронта» были сооружены баррикады, препятствующие продвижению техники в глубь леса. Одновременно 28 июля 2010 г. в Химках происходит акция против городской администрации. Около 200 человек совершили рейд на здание администрации. Они забросали здание пустыми бутылками и дымовыми шашками. На фасаде здания были сделаны надписи «За русский лес!». В этот же день палаточный городок был разогнан ОМОНОм. Нападение на здание городской администрации в Химках власти использовали для резкого усиления давления на защитников леса, хотя ответственность за набег на

администрацию Химок взяли на себя представители «Антифа». 22 августа 2010 г. на Пушкинской площади в Москве состоялся крупнейший митинг в защиту Химкинского леса. Собралось, по различным оценкам, от 3 до 5 тыс. человек. 26 августа последовало обращение президента России Д. Медведева. Он заявил, что рубка леса и строительство дороги должны быть приостановлены, а спорный вопрос о маршруте трассы должен быть решен с участием общественности и экспертов. В то же время в конце августа — начале сентября сторонники строительства дороги через лес развернули мощное информационное контрнаступление в СМИ. Было собрано 18 тыс. подписей в поддержку утвержденного проекта прохождения трассы. В поддержку утвержденного проекта проходит официальный митинг в Химках. 14 декабря 2010 г. зампред правительства С. Иванов от имени правительственной комиссии по транспорту объявил о том, что комиссия остановилась на первоначальном маршруте трассы Москва — Санкт-Петербург через Химкинский лес. При этом С. Иванов пояснил, что комиссия рассматривала только два «реалистичных варианта» — через лес и через Молжаниново. Правительственная комиссия объявила свое решение компромиссным. Компромисс состоял в обещании не строить на участке дороги через Химкинский лес автозаправки и другие объекты «инфраструктуры». Кроме того, комиссия объявила об увеличении суммы компенсации за вырубимый Химкинский лес с 3 до 4 млрд. рублей. На эти деньги запланированы лесопосадки на площади 500 га. Коалиция «За леса Подмосковья» выступила с резким осуждением решения правительственной комиссии. 24 декабря 2010 г. президент Д. Медведев заявил, что считает принятое решение сбалансированным. Несмотря на принятое решение, акции протеста «защитников леса» продолжались и в 2011 г.

Методы и данные

Для анализа текстов газет было решено использовать анализ фреймов. Исследователи говорят о том, что способы, которыми журналисты организуют и передают новости, создают определенное понимание вопроса аудиторией. Р. Энтман определял фреймы как «выделение некоторых аспектов представляемой реальности, для того, чтобы сделать их более заметными в сообщаемом тексте и таким образом способствовать конкретному определению проблемы, интерпретации причины, моральной оценки и рекомендации разрешения проблемы» (Entman 1993: 52). При анализе медиа-фреймов было решено использовать концепцию Д. Сноу и Р. Бенфорда. Они писали о трех центральных фреймах: диагностическом, прогностическом и мотивационном (Benford, Snow 2000). Предварительный анализ газет не выявил мотивационных фреймов, которые бы артикулировали обоснование участия в деятельности

по устранению проблемы. В связи с этим было решено ограничиться анализом диагностического и прогностического фреймов. Диагностический фрейм относится к идентификации проблемы, атрибуции ответственных за проблему, причины проблемы. Если диагностический фрейм определяет проблему, то прогностический фрейм предлагает решения проблемы, включая стратегию, тактику и цели. Он фокусируется на том, как реальность должна быть изменена, и что надо сделать, чтобы ее изменить.

Проблемная ситуация вокруг Химок была вызвана принятым проектом прокладки скоростной автомагистрали «Москва — Санкт-Петербург». Мы видим в конфликте вокруг проекта платной трассы «Москва — Санкт-Петербург», проходящей через Химкинский округ Московской области, две основные точки зрения на проблему и ее решения. С одной стороны, власти (федеральные, местные), проектировщики, исполнители проекта видят проблему в транспортном коллапсе, который порождает экономические проблемы, проблемы для жителей Химок и экологические проблемы. По их мнению, постройка новой современной автотрассы по принятому проекту снимет нагрузку с уже существующих дорог и приведет к решению обозначенных проблем. С другой, экологические активисты, не отрицая необходимости решения транспортной проблемы, видят основную проблему в том, как она будет решаться, а именно в том маршруте, который выбрали проектировщики. Они полагают, что данный проект только усугубит экологические проблемы как Химок, так и Москвы, и предлагают альтернативные маршруты трассы. При этом они возлагают ответственность на власти, видя коррупционную составляющую предлагаемого проекта. В то же время сторонники проекта возлагают ответственность на тех, кто мешает его осуществить, обвиняя их в том, что они заботятся не о благе граждан, а строят на несуществующих проблемах свой политический капитал. При этом сторонники проекта иногда прямо или косвенно показывают, что они понимают проблему сохранения окружающей среды при прокладке дороги, предлагая компенсационные меры в отношении экологии.

Исходя из этого была разработана схема анализа прессы. Формулировки категорий фреймов были основаны на анализе материалов сайтов «Движения защитников Химкинского леса», администрации города Химки, проектировщиков «Дороги России», новостных лент агентств. Диагностический фрейм включал в себя категорию обозначения проблемы. Были выделены следующие категории:

1. *Нейтральный фрейм*. Автор, не говоря о проблеме, просто сообщает о готовящемся проекте трассы.
2. *«Экономические проблемы»*. Автор говорит о том, что нехватка дорог приводит к экономическим проблемам (развитие региона и т. п.).

3. «*Экологические проблемы*». Автор говорит о том, что транспортная нагрузка на существующие дороги приводит к экологическим проблемам для жителей Химок.

4. «*Проблемы для жителей Химок*». Автор говорит о том, что загруженность на существующих трассах создает проблемы для жителей Химок (возможность добраться до Москвы и т. п.).

5. «*Временные трудности*». Автор говорит о том, что в ходе строительства трассы могут возникнуть временные проблемы (проблемы для существующих дорог и т. п.).

6. «*Проблемы сохранения окружающей среды при строительстве трассы*». Автор, не говоря об экологической опасности проекта, в то же время так или иначе признает необходимость сохранения окружающей среды при прокладке трассы.

7. «*Экологическая опасность*». Автор говорит о том, что предлагаемый проект несет экологическую угрозу, прежде всего для жителей Химок.

8. «*Враждебные силы*». Автор говорит о силах, которые пытаются помешать прокладке необходимой трассы, руководствуясь отнюдь не заботой об экологической ситуации, а своими политическими или коммерческими интересами.

9. «*Нападения на журналистов и активистов*». Автор говорит о нападениях на журналистов и активистов, причины которых многие наблюдатели видят в том числе в их деятельности по защите Химкинского леса*.

Диагностический фрейм включал также категории: причины проблемы и виновных в той или иной проблеме. Прогностический фрейм включал категорию путей решения проблемы: *строительство трассы; корректировка проекта; коренное изменение проекта*.

При анализе текстов статей использовался метод контент-анализа. Предполагалось, проведя анализ текстов статей, выяснить, присутствуют ли в них конкурирующие фреймы определения проблемы и, соответственно, пути ее решения. Кроме того, нас интересовало, насколько «аутсайдерам» (представителям общественного движения) был открыт доступ на страницы местной газеты. Исходя из утверждений многих исследователей о том, что СМИ склонны подрывать легитимность протестующих и групп, которые можно было бы назвать «аутсайдерами» (Francis 2008: 55), можно предположить доминирование одного фрейма, представляющего интересы власти и связанных с ней групп. Также предполагалось, что представителям протестного движения будет затруднен доступ к местным СМИ. Это предположение усиливалось тем, что, по мнению некоторых наблюдателей, местные СМИ жестко кон-

* При этом в самой статье автор может не упоминать этих причин.

тролировались местными властями, а деятельность оппозиционной прессы стала практически невозможной*.

Для анализа были выбраны две городские газеты: «Химкинские новости» и «Вперед». «Химкинские новости» — орган администрации городского округа Химки, выходит с 1994 г. Газета выходит один-два раза в неделю. Вторую газету, «Вперед», можно назвать «независимой». До марта 2011 г. ее учредителем был коллектив газеты. Газета выходила два раза в неделю, в 2010 г. стала выходить еженедельно. Для анализа был выбран период с конца марта 2008 г. (период активной деятельности защитников Химкинского леса) по конец октября 2011 г. (некоторого спада активности движения).

Результаты

В ходе исследования за указанный период (март 2008 г. — октябрь 2011 г.) были проанализированы 508 номеров (246 номеров «Химкинских новостей» и 262 «Вперед»). Анализ выявил 155 статей (91 в «Химкинских новостях» и 64 в газете «Вперед»), в которых говорилось о различных аспектах проекта платной автотрассы «Москва — Санкт-Петербург». Заметна динамика обращения газет к этой теме (табл. 1).

Таблица 1

Проект автомагистрали в химкинской прессе (%)

Номера	Химкинские новости				Вперед			
	2008	2009	2010	2011	2008	2009	2010	2011
	23	16	33	32	21	15	21	28
N	74	73	58	41	78	86	62	36

Анализ показал, что после некоторого спада интереса в 2009 г. в 2010 г. произошел рост интереса к проблемам, связанным со строительством трассы, что совпадает с пиком активности протестного движения и началом подготовки к строительству. При этом всплеск интереса городского официоза к проблеме был гораздо выше, чем «независимой» газеты (по сравнению с 2009 г. почти в два раза). Интерес к этой теме сохранялся на том же уровне (в газете «Вперед» он даже возрос) и в 2011 г., после того, как уже было принято окончательное решение по проекту. При этом большая доля статей «Химкинских новостей» (47 % от всех статей газеты) пришлось на 2010 г., в газете же «Вперед» по доле статей выделяются 2008 и 2010 гг. (31 % и 30 %).

* Источник: [<http://mpk-moskva.livejournal.com/1318.html>].

Фреймы проблем, связанных с проектом автомагистрали (%)

Фреймы	Всего	Химкинские новости	Вперед
Нейтральный	5	4	5
Экономические проблемы	7	8	4
Экологические проблемы	13	16	10
Транспортные проблемы	20	26	10
Временные трудности	1	2	-
Проблемы сохранения окружающей среды при строительстве трассы	15	16	13
Экологическая опасность	19	8	37
Враждебные силы	11	16	4
Нападения на журналистов и активистов	9	4	17
N	241	141	100

Предполагалось, что освещение проблем, связанных с проектом автотрассы, не будет значительно различаться в двух городских газетах, и в обеих будут доминировать фреймы проблем, решением которых является постройка платной дороги. Однако наше предположение не подтвердилось. Мы видим существенную разницу между газетами (табл. 2). В городском официозе доля фреймов, связанных с экономическими, экологическими и транспортными проблемами, составила 50 %, тогда как доля фрейма, говорящего об экологической угрозе постройки дороги, всего 8 %. Заметно, что в органе администрации активно используются экологические аргументы в пользу строительства трассы. Вместе с тем в газете «Вперед» доля фреймов проблем, решением которых являлась бы постройка дороги, составляет всего 24 %, тогда как доля фрейма «экологическая опасность» — 38 %. Анализ показал и существенную разницу в функционировании фрейма «враждебные силы», когда под ними подразумевались те, кто, исходя из своих корыстных мотивов, пытался помешать строительству необходимой, прежде всего для жителей Химок, дороги (16 % в «Химкинских новостях» и 4 % в газете «Вперед»). Была также найдена разница в обращении газет к проблеме нападения на журналистов и активистов (4 % в «Химкинских новостях» и 17 % в газете «Вперед»).

Если посмотреть на то, кто говорит о проблемах строительства дороги, то также заметна разница между газетами. Если в газете «Вперед» это прежде всего СМИ, местные жители и политики, и доля представителей местной власти в определении проблем составляет всего 8 %, то в органе городской администрации это — прежде всего местная власть,

доля представителей которой составляет 26 %, а затем уже СМИ и местные жители. Интересно, как по-разному было представлено в газетах мнение местных жителей. Анализ показал, что если в официозе местные жители выступали сторонниками строительства дороги, то в газете «Вперед» жители Химок чаще говорят об экологической угрозе планируемой трассы. На страницах этой газеты практически в равной мере об экологической опасности говорят как активисты, так и местные жители.

Исходя из определения проблемы, мы видим и обозначение ее причин. Так, если в «Химкинских новостях» большая часть фреймов причины проблемы — это «транспортные проблемы» (57 %), то в газете «Вперед» — качество проекта платной автотрассы (58 %). При этом в равной мере в обеих газетах акторы видят причины проблемы в желании заработать политический капитал на борьбе с трассой. Говоря о нападениях на журналистов или активистов, газеты не упоминают или отрицают такую причину, как борьба пострадавших против проекта трассы.

Таблица 3

Фреймы обвинения (%)

Обвиняемые	Всего	Химкинские новости	Вперед
Проектировщики	2	2	2
Минтранс	2	-	5
Местные власти	16	15	18
Московские власти	6	4	10
Путин	1	1	-
Медведев	-	-	-
Другие федеральные органы власти	5	4	7
Бизнес	2	-	5
Экологи	34	44	21
Политики	13	18	7
СМИ	10	5	16
Другие	9	7	9
N	146	85	61

Если говорить о виновниках проблем, то анализ показал следующее (табл. 3). В газете «Вперед» гораздо реже выдвигались обвинения против экологов, чем в «Химкинских новостях» (21 % против 44 %). Чаще выдвигались обвинения в «Химкинских новостях» и в отношении политиков. Несмотря на то, что местная власть обвиняется почти в равной мере

со страниц обеих газет, анализ показал существенную разницу в обвинении местной власти по сравнению с обвинениями в адрес экологов и политиков. В отличие от обвинений, выдвинутых в адрес последних, обвинения, выдвигаемые против местной власти со стороны различных акторов (экологов, политиков), в большинстве своем не поддерживаются авторами статей. В «Химкинских новостях» только около 8 %, а в газете «Вперед» около 27 % обвинений против местной власти поддержаны авторами статей. Анализ показал существенную разницу в обвинениях против московских властей и других СМИ: на страницах газеты «Вперед» они выдвигались гораздо чаще.

Таблица 4

Фреймы решения проблем (%)

Решение	Всего	Химкинские новости	Вперед
Строительство трассы	59	79	31
Корректировка проекта	18	13	26
Коренное изменение проекта	21	7	40
Другое	2	1	3
N	235	135	99

Анализ местной прессы показал и существенную разницу в предложении решения проблем различными акторами (табл. 4). Доля фреймов, относящихся к решению проблем путем коренного изменения маршрута трассы, составляет 40 % в газете «Вперед» и лишь 7 % в городском официозе, и, напротив, доля решения проблем путем строительства трассы составила 31 % в газете «Вперед» и 79 % в «Химкинских новостях».

Если мы обратимся к акторам, т. е. к тем, кто определял проблему, выдвигал обвинения или предлагал решения, то увидим существенную разницу между газетами (табл. 5).

Таблица 5

Акторы (%)

Акторы	Всего	Химкинские новости	Вперед
Проектировщики	7	10	3
Местная власть	18	23	10
Минтранс	1	-	3
Власти Москвы	2	1	4
Путин	1	1	1
Медведев	3	3	3

Другие федеральные органы	13	14	9
Бизнес	2	2	1
Экологические организации	8	6	10
Другие общественные организации	5	6	3
Политики	7	5	11
Местные жители	12	9	18
СМИ	15	16	14
Другие	6	4	10
N	403	249	154

Если в «Химкинских новостях» основными акторами были местные власти (24 %), СМИ (17 %), другие федеральные органы (15 %), проектировщики (11 %) и только затем местные жители (9 %), то в газете «Вперед» мы увидим иную картину. Здесь основными акторами являлись местные жители (18 %), СМИ (14 %) и политики (11 %), а местные власти упоминались гораздо реже (10 %), как и федеральные власти (9 %) и проектировщики (3 %). Экологические активисты довольно редко присутствуют как акторы в обеих газетах (10 % в газете «Вперед» и 6 % в «Химкинских новостях»). При этом в «Химкинских новостях» только в половине случаев они описывались нейтрально или позитивно, не являясь объектами обвинения, а в газете «Вперед» таких случаев было более 80 %. В газетах практически не цитируют представителей экологического движения (4 % от всех цитат в «Химкинских новостях» и 2 % в газете «Вперед»). В отличие от активистов, сторонникам строительства трассы (проектировщикам, представителям власти) орган городской администрации предоставляет целые полосы. В то же время не было найдено ни одного интервью с представителями протестного движения ни в одной, ни в другой газете.

Хотя в большинстве статей и в «Химкинских новостях», и в газете «Вперед» упоминался конфликт вокруг предполагаемой трассы (65 % в первом случае и 70 % во втором), о различных акциях протеста говорилось в равной мере редко в обеих газетах (в 14 % от всех статей «Химкинских новостей» и 13 % «Вперед»). Анализ показал, что и в «Химкинских новостях», и в газете «Вперед» чаще писали о митингах и пикетах (33 % и 37 % от упоминания всех акций соответственно), затем шли сообщения о заявлениях, обращениях, письмах (20 % в «Химкинских новостях» и 27 % в газете «Вперед»). При этом в «Химкинских новостях» чаще писали о более радикальных акциях, таких как нападение на здание администрации (17 % по сравнению с 7 % в газете «Вперед»). Анализ показал существенную разницу в том, какие акции отражали газеты: за или против трассы. Если в газете «Вперед» только 10 % упоминаемых акций

относились к поддержке трассы, то в «Химкинских новостях» таковых было 30 %. Характерно, как по-разному описали газеты наиболее радикальную акцию против вырубки химкинского леса, когда приехавшие в Химки активисты забросали здание городской администрации файерами и бутылками. Об акции в «Химкинских новостях» говорилось не иначе, как о погроме, «спланированном беспрецедентном акте вандализма»*. Газета пишет о «гневном отклике жителей», печатая письма в газету, в которых говорится, что произошедшее — это проявление фашизма, экстремизма, беспредела и т. п.** Ответственность за «погром» возлагается на «защитников Химкинского леса». В то же время в газете «Вперед» мы видим скорее нейтральную позицию, описывающую факты и не дающую оценки произошедшему. Хотя в статье предлагается мнение представителя общественной организации о необходимости строительства трассы, в ней же дается и заявление Е. Чириковой о непричастности к этой акции экологов***. Мы не видим на страницах газеты обвинений участников акции, возмущенных голосов местных жителей. При этом «Вперед» помещает заметку, в которой говорится о том, что «сотрудники ФСБ оказывают физическое давление» на активиста антифашистского движения, обвиняемого по делу о погроме администрации Химок, подписавшего признание, в итоге попавшего в больницу****. Обращает на себя внимание то, что и орган администрации, и «независимая» газета мало освещали события, происходившие вокруг лагеря защитников Химкинского леса, хотя они были довольно драматичными (попытка строительства баррикад, столкновения с охранниками и т. п.) и, казалось, должны были бы если не попасть на первые полосы, то хотя бы в большей степени привлечь внимание местной прессы.

Выводы

Наше исследование было посвящено отражению экологического конфликта вокруг строительства платной трассы «Москва — Санкт-Петербург», одного из самых громких за последнее время, в местной прессе. Анализ не подтвердил нашего изначального предположения, что на «публичных аренах» обеих городских газетах в рамках обсуждения спорной ситуации мы обнаружим «властный» доминирующий фрейм, говорящий о тех проблемах города, единственным решением которых

* «Экстремисты распоясались!» // Химкинские новости. 30.07.2010.

** «Химчане возмущены!» // Химкинские новости. 30.07.2010; «Мы ждем защиты и поддержки!» // Химкинские новости. 13.08.2010.

*** Просто нечем дышать // Вперед. 30.07.2010.

**** «Со слов адвоката» // Вперед. 03.09.2010.

будет прокладка платной дороги по уже утвержденному маршруту. При этом были выявлены различия в подходах к освещению проблемы между городским официозом и «независимой» городской газетой. В отличие от «Химкинских новостей», где явно доминировал «властный» фрейм, как в определении проблем, так и в путях их решений, «независимая» городская газета демонстрирует большую плюралистичность: на ее страницах происходила конкуренция различных фреймов, различная интерпретация спорной ситуации. Анализ показал и некоторое сходство двух газет. И в органе городской администрации, и в «независимой» газете мы очень редко встречаем обвинения против органов власти; в обеих газетах наиболее часто обвинения выдвигались против экологических активистов. В то же время доступ «аутсайдеров», самих представителей протестного экологического движения, был затруднен не только на страницы городского официоза, но и «независимой» городской газеты.

Наше исследование показало определенную плюралистичность публичного пространства СМИ в Химках в отношении проблемы строительства платной автотрассы, несмотря на отсутствие оппозиционной прессы в городе и жесткий контроль СМИ со стороны местной власти. Политический фактор становится основным в освещении газетой социального конфликта, при этом такие факторы, как драматизм, новизна в меньшей степени влияют на появление новостей в местной прессе. Существование прессы, хотя бы в меньшей степени зависимой от местной администрации, позволяет жителям увидеть альтернативную интерпретацию острой социальной проблемы. Однако у общественного движения нет возможностей использовать местную прессу, даже формально независимую, как ресурс для мобилизации населения в поддержку своих действий.

Литература

Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности. Вып. 2. Казань: АБАК, 1998. С. 164–175.

Смирнов И.И. Химкинский лес. Неоконченная история борьбы. РОДП «Яблоко», 2011.

Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004.

Benford R. D., Snow D. A. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment // *Annual Review of Sociology*. 2000. 26. Pp. 611–639.

Best J. Threatened Children: Rhetoric and Concern about Children-Victims. Chicago: The Chicago University Press, 1990.

Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. 1993. 3 (4). Pp. 51–58.

Francis L. F. Lee Local press meets transnational activism: news dynamics in an anti-WTO protest // *Chinese Journal of Communication*. 2008. 1 (1). April. Pp. 55–76.

Gamson W., Meyer D. Framing Political Opportunity // Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings / Ed. D. MacAdam, J. McCarthy, M. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Pp. 275–290.

Gamson W., Modigliani A. Media discourse and Public Opinion in Nuclear Power // American Journal of Sociology. 1989. 95 (1). Pp. 1–37.

Hannigan J. A. Environmental Sociology: A Social Constructionist Perspective Routledge, 1995.

Hilgartner S., Bosk C. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // American Journal of Sociology. 1988. 94 (1). Pp. 53–78.

Loseke D.R. Thinking about social problems: An introduction to constructionist perspectives. N.Y., 1999.

McCarthy J., Smith J., Zald M. Introduction: Opportunities, Mobilizing Structures and Framing Process — Toward a Synthetic Comparative Perspectives on Social Movements // Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings / Ed. D. MacAdam, J. McCarthy, M. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. Pp. 1–20.

McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977. 82 (6). Pp. 1212–1241.

Robin S. Goodman Prestige press coverage of US-China policy during the cold wars collapse and post-cold war years // Gazette. 1999. 61 (5). Pp. 391–410.

Smith J., McCarthy J. D., McPhail C., Augustyn B. From Protest to Agenda Building: Description Bias in Media Coverage of Protest Events in Washington, D.C. // Social Forces. 2001. 79 (4). Pp. 1397–1423.

Snow D. A., Benford R. D. Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization // International Social Movement Research: From Structure to Action / Ed. by B. Klandermans, H. Kriesi, and S. Tarrow. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1988. Pp. 197–217.

Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. New York: Aldine De Gruyter, 1987.

О.Ю. Кольцова, И.Г. Ясавеев

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРЕ: РИТОРИКА, ЛЕЙТМОТИВЫ И СТИЛИ*

В статье предпринимается попытка применить конструкционистскую концепцию социальных проблем Питера Ибарры и Джона Китсьюза к записям в Интернет-блогах («Живом журнале») на тему насилия над задержанными в российской полиции. Рассмотрение записей в блогах, сделанных в течение месяца после смерти Сергея Назарова в казанском отделе полиции «Дальний», в четырех дискурсивных измерениях Ибарры и Китсьюза (риторические идиомы, контрриторические стратегии, лейтмотивы и стили конструирования социальной проблемы) позволило установить в записях о полицейском насилии наличие таких риторических форматов, как риторика опасности (гражданам со стороны полиции), риторика надления правом (по отношению к людям, имеющим судимости) и риторика бедствия (по отношению к президентству Владимира Путина). На основе полученных результатов авторы формулируют ряд вопросов, которые могут способствовать развитию общей конструкционистской теории социальных проблем.

Ключевые слова: конструирование социальных проблем, выдвигание требований, блогосфера, блоги, риторические идиомы, лейтмотивы, контрриторические стратегии, стили конструирования социальных проблем.

Введение

В марте и начале апреля 2012 г. в России имела место значительная медиа-волна, вызванная смертью в отделе полиции «Дальний» в Казани задержанного Сергея Назарова. В сообщениях СМИ и заявлениях офи-

* Исследование осуществлено в Лаборатории Интернет-исследований (ЛИНИС) НИУ ВШЭ в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г. Авторы выражают благодарность сотрудникам лаборатории К.А. Маслинскому и С.Н. Кольцову за сбор и подготовку данных.

Кольцова Олеся Юрьевна — заведующая Лабораторией Интернет-исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент факультета социологии НИУ ВШЭ (СПб) (koltsova@hse.spb.ru).

Ясавеев Искэндэр Габдрахманович — ассоциированный научный сотрудник Лаборатории Интернет-исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент кафедры социологии Казанского федерального университета (yasaveyev@gmail.com).

циальных лиц указывалось, что 52-летний Сергей Назаров, имевший ряд судимостей, был задержан полицией 9 марта 2012 г. «за мелкое хулиганство» (позже появились сообщения о том, что материалы о мелком хулиганстве были сфальсифицированы двумя участковыми). 10 марта Сергей Назаров был госпитализирован из отдела полиции. Врачи диагностировали у него разрыв прямой кишки и повреждения внутренних органов. Перед операцией Назаров рассказал врачам, что был избит и изнасилован в полиции бутылкой из-под шампанского. После операции Сергей Назаров впал в кому и 11 марта умер. По данным следствия, сотрудники полиции истязали Назарова, добиваясь признания в краже мобильного телефона.

Этот случай стал поводом для сотен сообщений в региональных, федеральных и зарубежных СМИ, тысяч постов и комментариев в блогах и социальных сетях. Вскоре в правоохранительные органы поступили заявления от целого ряда потерпевших о насилии и угрозах насилия по отношению к задержанным в «Дальнем» и других казанских отделах полиции. В Казань прибыл с проверкой заместитель министра внутренних дел России Сергей Герасимов, а председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин провел прием граждан в Следственном управлении Следственного комитета России по Республике Татарстан. 15 марта глава МВД России Рашид Нургалиев объявил выговор министру внутренних дел Татарстана Асгату Сафарову и начальнику управления морально-психологического обеспечения МВД Сергею Трипутину. 5 апреля на официальном сайте МВД Татарстана появилось сообщение, что Асгат Сафаров подал рапорт об отставке. 9 апреля Дмитрий Медведев подписал указ об отставке Сафарова*. В отношении пяти сотрудников отдела полиции «Дальний» были возбуждены уголовные дела, а сам отдел расформирован. Необходимо добавить также, что в течение марта 2012 г. в Казани состоялось несколько акций протеста против насилия со стороны полиции.

Феномен полицейского насилия изучается социологами с различных точек зрения. В данной статье представлены результаты исследования полицейского насилия как социальной проблемы. При этом социальная проблема понимается не в традиционном объективистском ключе — как дисфункциональное явление, а в конструкционистском — в качестве риторики требовательного характера. Из множества публичных арен, на которых разворачивалось конструирование проблемы полицейского насилия в марте и апреле 2012 г., мы сосредоточились на

* В мае того же года А. Сафаров был назначен исполняющим обязанности, а затем утверждён в должности вице-премьера Правительства Республики Татарстан.

блогосфере как одной из наименее изученных и в то же время все более влиятельной области возникновения и развития социальных проблем.

**Конструкционистский подход к социальным проблемам:
исследовательская программа П. Ибарры и Дж. Китсьюза**

В последние тридцать лет направление, в котором развиваются социологические исследования социальных проблем, определяется главным образом конструкционистскими идеями. С позиций конструкционистского подхода (Spector, Kitsuse 1977; Schneider 1985; Best 1995; Miller, Holstein 1993; Loseke 2003; Holstein, Gubrium 2008; Блумер 2007; Бест 2007а: 26–54; Полач 2010), социальная проблема — это не какое-либо «объективно существующее» социальное условие, а выдвижение требований изменить некую предполагаемую ситуацию. С этой точки зрения, если нет риторики требовательного характера, то социальная проблема отсутствует. Формы выдвижения требований (конструирования социальных проблем) отличаются значительным многообразием и варьируются от вполне традиционных, таких, как обращения с письмами протеста и жалобами, инициирование судебных разбирательств, публикации в СМИ, до относительно новых, каковыми являются театрализованные действия, смарт-мобы, стрит-арт и т. д. Одной из форм конструирования социальных проблем, становящейся все более значимой в современных обществах, является выдвижение требований в блогосфере.

Значение Интернета как сферы проблематизации ситуаций Джон Китсьюз* отмечал более десяти лет назад: «Интернет представляется новой и довольно неисследованной еще ареной, на которой разворачивается процесс социальных проблем» (Spector, Kitsuse 2001: xii). В 2000-е гг. появился целый ряд работ о выдвижении требований в Интернете, включая блогосферу (Taylor, Van Dyke 2003; Maratea 2008; Stoddart, MacDonald 2011). Рэй Марати исследовал блогосферу как публичную арену и пришел к выводу, что конкуренция социальных проблем за место в повестке дня блогосферы в целом подчиняется принципам отбора, которые были описаны Стивеном Хилгартнером и Чарльзом Боском (Хилгартнер, Боск 2007). Специфика блогосферы по сравнению с профессиональными медиа заключается в большей пропускной способности, большей скорости конструирования проблем и меньшей вероятности потери проблемами новизны (Maratea 2008).

* Джон Китсьюз — американец японского происхождения, поэтому более точным вариантом написания его имени на русском языке будет «Китсьузе». Мы в этой статье следуем сложившейся с конца 1990-х гг. традиции написания имени этого конструкциониста.

На наш взгляд, одной из наиболее интересных и многообещающих исследовательских программ, в рамках которых возможно изучение конструирования социальных проблем в блогосфере, является программа, предложенная Питером Ибаррой и Джоном Китсьюзом с позиций строгого конструкционизма* (Ibarra, Kitsuse 2003; Ибарра, Китсьюз 2007). Ибарра и Китсьюз очертили четыре измерения риторики требовательного характера: 1) риторические идиомы — дефиниционные комплексы, посредством которых вырабатывается проблематичный статус ситуаций; 2) контрриторика — дискурсивные стратегии противодействия конструированию проблемы; 3) лейтмотивы — фигуры речи, выражающие главный аспект социальной проблемы или ее динамику; 4) стили выдвижения требований: научный, комический, театральный, гражданский, правовой или субкультурный.

Оговариваясь, что речь идет об идеальных типах, Ибарра и Китсьюз описывают ряд риторических идиом. Одной из них является *риторика утраты* (с ключевыми терминами *красота, природа, наследие, культура, загрязнение, упадок, защита* и др.). В данном случае люди, конструирующие проблему, принимают образ «хранителей или защитников некоторого уникального или священного предмета или качества», который или которое оказывается под угрозой. При этом в игре в социальную проблему, как правило, делаются ссылки на ответственность перед будущими поколениями (Ибарра, Китсьюз 2007: 74–75).

Другая идиома, подчеркивающая значение обеспечения *всех* равными правами и возможностями, получила название *риторики наделяния правом*. Она выражает настроения эгалитаризма и служит проблематизации любых форм дискриминации. Соответственно, ключевыми для данной идиомы являются термины: *нетерпимость, угнетение, сексизм, расизм, эйджизм*, а также *жизненный стиль, различия, выбор, терпимость, предоставление возможностей, мультикультурный* и т. д. Ее основная идея заключается в том, что чем шире принципы терпимости, справедливости, равноправия, уважения человеческого достоинства распространены в обществе, тем выгоднее всем его членам (Там же: 77).

* В рамках конструкционизма ведется активная полемика о степени строгости данного подхода. При этом наиболее распространенными являются позиции *строгого конструкционизма*, отказывающегося от каких-либо предположений об онтологическом статусе (существовании, масштабе и пр.) ситуаций, относительно которых выдвигаются требования изменения и сосредоточивающегося исключительно на анализе риторики требовательного характера, и *контекстуального конструкционизма*, признающего возможность включения в рамки анализа более широкого социального контекста выдвижения требований (Бест 2001; Бест 2007б: 115–144).

Еще одной риторической идиомой является *риторика опасности*, применимая к ситуациям, которые представляют угрозу здоровью и безопасности людей. Словарь данной идиомы состоит из таких терминов, как *болезнь, патология, эпидемия, риск, заражение, угроза здоровью, профилактика*.

При проблематизации эксплуатации, манипулирования, «промывания мозгов» и пр. может использоваться *риторика неразумности* (ключевые термины: *доверчивость, наивность, необразованность, уязвимость, легкая добыча*). Ибарра и Китсьюз указывают, что одним из типичных языковых ресурсов для артикуляции данной идиомы является слово *дети*.

Наконец, *риторика бедствия*, создающая образ катастрофы, выступает своего рода мегаформатом. Люди, выдвигающие требования с использованием этой идиомы, могут представлять ситуацию, конструируемую в качестве проблемы, как включающую в себя целый ряд других проблематизируемых ситуаций. Данная идиома «помещает различных участников под своего рода символический зонтик, обеспечивая таким образом основу для создания коалиции. Риторика бедствия не защищает определенную систему морали, как это делают другие идиомы. Она признает, что моральные суждения союзников могут быть различными. Смысл, создаваемый данной риторикой, заключается в том, что сейчас не время для разбора этических оснований: позже будет достаточно времени, чтобы «просто» поговорить, а в настоящий момент необходимо действовать» (Там же: 83).

Исследовательская программа Ибарры и Китсьюза в последние годы все чаще используется американскими, канадскими и российскими конструкционистами (Adorjan, Christensen, Kelly et al. 2012; Богомягкова 2010; Мейлахс 2004; Ним 2010), поскольку именно она позволяет выйти за пределы изучения отдельных случаев конструирования социальных проблем и существенно продвинуться в развитии конструкционистской теории.

В нашем исследовании мы попытались применить риторические измерения, предложенные Ибаррой и Китсьюзом, к массиву записей в дневниках «Живого Журнала» (<http://www.livejournal.com>) о полицейском насилии, поводом для которых стала смерть Сергея Назарова в отделе «Дальний».

Исследовательские вопросы и методология исследования

Нас интересовали следующие вопросы:

— Каков характер записей в блогах, в которых упоминается насилие над Сергеем Назаровым в отделе полиции «Дальний», в частности, каково соотношение авторских текстов и перепечаток сообщений СМИ?

— Какие риторические форматы (риторические идиомы), согласно классификации Ибарры и Китсьюза, доминируют в записях в блогах о полицейском насилии?

— Встречаются ли в блогах случаи использования контрриторических стратегий (Ибарра, Китсьюз 2007: 84–93) по отношению к конструированию социальной проблемы полицейского насилия, и если да, то какие именно стратегии используются (натурализация, контрриторика затрат, декларация бессилия, перспективизация, критика тактики, антитипизация, опровергающие истории, контрриторика неискренности, контрриторика истерии)?

— Каковы наиболее распространенные лейтмотивы записей в блогах о случаях насилия в полиции?

— Каковы доминирующие стили проблематизирующей риторики по поводу насилия в полиции?

— В том случае, если насилие над Сергеем Назаровым включается блоггерами в более широкий социальный и политический контекст, то каков этот контекст (насилие со стороны полиции в масштабе страны в целом, результаты выборов Президента России, деятельность оппозиции, действия властей в отношении участниц Pussy Riot и др.)?

— Присутствуют ли в записях в блогах по поводу насилия в полиции элементы мобилизации действия, в частности, призывы принять участие в протестных акциях, подписать обращение и т. п., а также информация о времени и месте конкретных действий?

В ходе исследования были проанализированы 100 записей Топ-2000 блоггеров «Живого Журнала» (общий рейтинг) за период с 11 марта по 11 апреля 2012 г., отобранных по слову «Назаров», и 469 записей Топ-2000 блоггеров ЖЖ (общий рейтинг) за тот же период, отобранных по слову «Дальний». «Живой Журнал» был выбран как блогплатформа, вмещающая основную часть общественно-политической дискуссии в блогосфере (Этлинг, Алексанян, Келли и др. 2010). Топовые блоггеры определялись по рейтингу самого «Живого Журнала»: отбирались блоггеры, обладающие наибольшим влиянием и социальным капиталом, что выражается в наличии у них значительного числа «друзей» (500+). Поиск текстов по ключевым словам осуществлялся в базе данных Vlog-Miner*, сформированной на основе сплошной загрузки данных «Живого Журнала» за указанный период. Упомянутые 100 и 469 записей включают все посты, в которых встречаются данные ключевые слова, т. е. являются сплошной выборкой из топа ЖЖ. Из массива записей были удалены нерелевантные, касающиеся однофамильцев Назарова (например,

* Программное обеспечение загрузки и хранения данных из Живого журнала VlogMiner разработано ЛИНИС (НИУ ВШЭ) совместно с Koltran Labs.

часть записей была посвящена полемике в социальной сети между фотографом и блоггером Алексеем Соховичем-Канаровским и екатеринбургским телеведущим Алексеем Назаровым из-за припаркованной на тротуаре машины последнего, в других записях упоминались актер Юрий Назаров и губернатор Омской области Виктор Назаров) и, например, Дальнего Востока или «дальнего зарубежья».

Кроме того, первые 100 текстов темы были проанализированы сгенерированной программой тематического моделирования Stanford Topic Modeling Toolbox (TMT) с 4 марта по 10 апреля 2012 г., с вероятностью принадлежности текстов к теме — от 1 до 0,778. TMT применяет алгоритм латентного размещения Дирихле (LDA) с сэмплением Гиббса (Griffiths, Steyvers, 2004). Этот алгоритм, как и другие алгоритмы тематического моделирования, отдаленно напоминает кластерный анализ и направлен на автоматическое выявление скрытых тем в массиве текстов и на отнесение к каждой теме части текстов из массива с некоторой вероятностью. Это позволяет исследователю находить в больших массивах заранее неизвестные темы и тексты по ним, а также проверять, формируется ли интересующий исследователя вопрос в самостоятельную тему «естественным» образом, что еще входит в данную тему, насколько эта тема ярко выражена и насколько значима по сравнению с другими темами, что и было сделано в нашем случае. Для этого нами была взята сплошная выборка всех записей топ-2000 блоггеров ЖЖ за указанный период (всего около 78 тыс. постов) и автоматически разделена на 100 тем, одна из которых оказалась связанной с делом Назарова. Это говорит об относительной значимости темы в тот период, т. к. в целом очень немногие отдельные события выступают в качестве темообразующих на уровне деления коллекций такого объема на 100 тем.

Поясняя принцип работы алгоритмов тематического моделирования, отметим, что это математически сложные алгоритмы, все детали которых изложить в рамках этой статьи невозможно. В общем виде эти алгоритмы предполагают наличие в массивах данных, в нашем случае в текстах, скрытых переменных, интерпретируемых как темы, по которым определенным образом распределены слова и тексты. Таким образом, каждая тема состоит из списка слов, приписываемых к ней с разной вероятностью на основе анализа совместной встречаемости слов в текстах массива, а также из списка текстов, приписываемых к ней на основе сходства текста с создаваемыми списками слов. Оба процесса приписывания происходят одновременно и итеративно, до тех пор, пока не достигается заданная мера качества или заданное количество итераций. Количество тем задается исследователем; выбор его также может опираться на оценку мер качества или на социологические соображения. Так, в нашем случае из более ранних экспери-

ментов известно, что на коллекциях такого объема оптимум количества тем находится в пределах от ста до ста пятидесяти тем, если стоит задача получения общей картины. Для выявления мелких детализированных тем более подходящим является число примерно в 400 тем. При использовании тематического моделирования надо понимать, что его ограничением является предположение о том, что темы выражены в словах, поэтому темы, не имеющие специфической лексики, таким алгоритмом не выявляются.

Также отметим, что предметом рассмотрения были именно записи в блогах, а не комментарии, поскольку последние имеют преимущественно ситуативный характер, нас же интересовали не столько спонтанные попытки проблематизации ситуации с полицейским насилием, сколько более продуманные шаги, такие, как размещение своей записи в Интернет-дневнике. Однако анализ комментариев может быть важным направлением анализа в дальнейшем.

Результаты исследования и их интерпретация

Тема «Дело Назарова», сгенерированная в ходе тематического моделирования, обладает рядом интересных свойств. Во-первых, среди других 99 тем она находится наверху второго квартиля по весу; из тем, образующихся вокруг событий (а не вокруг общих явлений, таких, как международные отношения), ее опережают только темы, связанные с выборами и протестами, а также криминальная хроника и хроника происшествий. «Дело Назарова» намного опережает такие события, как выдвижение обвинений против вице-премьера Игоря Шувалова, голодовка кандидата в мэры Астрахани Олега Шеина, скандал с квартирой патриарха и только набиравшее обороты дело Pussy Riot. Во-вторых, тема насилия в полиции ярко выражена, что видно из большого количества текстов, отнесенных к ней с большой вероятностью (в неярко выраженных темах максимальные вероятности зачастую начинаются с 0,8–0,7 и затем резко падают). Это отчасти указывает всего лишь на специфичность лексики, но отчасти — на наличие множества сходных текстов, однотипно описывающих один случай или описывающих однотипные случаи. Последнее подтверждается третьим выявленным свойством данной темы. Оно состоит в том, что тема хотя и строится вокруг дела Назарова, но также включает в себя тексты и о других случаях, в частности, о трех случаях насилия со стороны полиции в Москве, двух — в Московской области и двух на Кубани, по одному — в Калининградской, Ленинградской и Кемеровской областях, в Забайкальском и Ставропольском краях, Томске и Ижевске, о задержании сотрудника ФСБ по подозрению в совершении разбойного нападения и об обвинении в насилии сотрудника Федеральной службы по контролю за оборо-

том наркотиков. Таким образом, очевидно, что *в рамках данной темы случай Назарова находится в контексте насилия в полиции в целом*, что насилие в полиции интерпретируется блогосферой как распространенное, что именно оно волнует блоггеров как явление в целом и что случай Назарова стал катализатором для актуализации назревшего латентного напряжения; в целом это подтверждается качественным анализом текстов.

Записи в блогах по поводу насилия над Сергеем Назаровым в «Дальнем» разделяются на три неравные группы: 1) авторские записи (таковых меньшинство), 2) записи гибридного характера, в которые включается текст сообщения СМИ и дается авторский комментарий и/ или заголовок (таких записей несколько больше, но их число сопоставимо с числом авторских записей), и 3) простые перепечатки сообщений СМИ (большинство). Стоит отметить, что в качестве источника информации, на который ссылались блоггеры, доминирует «Новая газета», качественное либеральное издание.

Записи гибридного характера варьировались в зависимости от того, следовал ли авторский комментарий в начале или в конце, давался ли сообщениям СМИ свой заголовок, использовалось ли выделение шрифтом некоторых положений. Кроме того, в целом ряде записей сообщения различных СМИ соединялись и выстраивались таким образом, что свидетельствовали не о единичном случае, а о распространенности и систематичности насилия в правоохранительных органах. Так, сообщения СМИ о случае в Казани сопоставлялись с аналогичными случаями в других городах Татарстана, а также в Белгороде, Санкт-Петербурге, Ижевске, Перми, Томске, Чувашской Республике, в Кемеровской, Свердловской, Ленинградской и Московской областях, Карачаево-Черкесии, Краснодарском крае. Подчас эти обзоры сопровождались ироничными заголовками, такими, как «*Нургалиев за работой. Борьба с преступностью. Сводка за истекающую неделю*».

Таким образом, можно предположить, что ретрансляционные практики в блогосфере доминируют, однако сообщения СМИ нередко трансформируются, им придаются другие заголовки, в них выделяются те или иные положения, они определенным образом выстраиваются и соединяются.

Если попытаться определить доминирующие в записях по поводу полицейского насилия **риторические идиомы**, то следует отметить, что в целом ряде текстов используются термины из словаря *риторики опасности*, прежде всего *угроза*, *угрожать*, *грозить*, *эпидемия*, при этом субъектами угрозы выступают сотрудники правоохранительных органов, а в ряде записей речь идет об угрозах сексуального насилия, в том числе с применением различных предметов (бутылки, швабры, дубинки

и пр.). Важно отметить, что для авторских записей характерны обобщения, выходящие за пределы отдельных случаев, а также обозначающие правоохранительные органы в целом как угрозу для всех:

«В России вспыхнула настоящая эпидемия изнасилований полицейскими граждан бутылками из-под алкогольных напитков».

«Критически настроенный к власти и реалистично мыслящий горожанин по-прежнему УБЕЖДЕН, ЧТО ТАКОЕ, КАК В КАЗАНИ, ПРОИСХОДИТ НЕ ТОЛЬКО В КАЗАНИ, а на абсолютно всех полицейских участках. То есть везде пытаются... Везде осторожный гражданин старается минимизировать свои контакты с органами правопорядка по причине постоянно исходящей от них угрозы» [Прописные буквы — в оригинале].

«Издевательства над задержанным в одном из казанских отделов полиции, и как результат — его смерть, — лишь очередной кошмарный виток этой “правоохранительной спирали”».

Вторая риторическая идиома, присутствующая в записях в блогах о случае в отделе полиции «Дальний», — *риторика наделения правом*. Эта риторика имеет антидискриминационный характер и в данном случае она противодействует оправданию насильственных действий полиции чертами задержанных. Ее использование в значительной степени связано с информацией о судимостях Сергея Назарова, а также со словами первого вице-спикера Совета Федерации Александра Торшина, которые 6 апреля 2012 г. процитировало агентство «Интерфакс»: «Тот факт, что этот вопиющий случай стал предметом гласности и открытого разбирательства, делает честь главе МВД Татарстана, поскольку он не стал скрывать случившееся. А ведь мог, поскольку речь идет о человеке [Сергее Назарове], будем говорить откровенно, не ангельского нрава и не элиты общества, этот человек был шесть раз судим» (Дело чести 2012).

Не всегда использование этой риторики в блогах имеет жесткий характер. Примером «мягкого» применения могут быть следующие заголовки записей гибридного характера: *«Всё понимаю: 6 судимостей, рецидивист, но зачем же на кол сажать?..»* и *«Это, как говорится, не оправдывает, но кое-что объясняет...»* (с выделением в тексте перепечатываемого сообщения СМИ информации о судимостях Назарова жирным шрифтом).

В более жестком варианте данную риторику использует журналистка и писательница Юлия Латынина. Ее авторская колонка под заголовком «В России идет война: одна часть россиян — облеченная властью — без-

наказанно убивает или равнодушно попустительствует убийствам другой части — гражданского населения: Карательная операция “Вертикаль” в «Новой газете» была перепечатана рядом блоггеров, а также в блоге «Юлия Латынина и ее творчество».

«10 марта в рамках этой войны четверо полицейских в Казани убили 52-летнего Сергея Назарова. Он скончался от множественных разрывов прямой кишки — эти скоты изнасиловали его бутылкой. Сначала полицейские утверждали, что бутылку себе в задницу нехороший Назаров засунул сам, а потом им на помощь пришел сенатор Торшин. Уважаемого сенатора никто не тянул за язык, но он поспешил назвать МВД республики «одним из самых приличных» в России, а про покойника напомнил: «речь идет о человеке не ангельского нрава и не элиты общества». О да. Покойник был судим браз, провел за решеткой 18 лет и на коленях имел вырезанные 12-конечные звезды, что, видимо, и взбесило ментов, потому что это значит: «никогда не встану на колени». Но если г-н Торшин знает в УК РФ статью, согласно которому человек, отказывающийся встать на колени перед ментами, подлежит во внесудебном порядке казни путем разрывания прямой кишки бутылкой из-под шампанского, то не будет ли он так добр сообщить ее всем нам?».

Можно предположить, что практики стигматизации бывших заключенных не характерны для российских блоггеров. Возможно также, что репрессивный дискурс («вор должен сидеть в тюрьме», призывы к суровым наказаниям и возврату к смертной казни) в целом не является отличительной чертой российской блогосферы, или, по крайней мере, влиятельной части ее ведущей общественно-политической платформы (ЖЖ). Интересно, что в ряде записей в блогах о насилии над Сергеем Назаровым и о том, что последовало за этим, такая мера пресечения, как домашний арест, избранная судом в отношении участкового, который предположительно сфальсифицировал материалы о мелком хулиганстве Назарова в качестве повода для задержания, сопоставлялась с нахождением до суда в СИЗО участниц группы Pussy Riot.

Наконец, третья риторическая идиома, характерная для записей в блогах, — это *риторика бедствия*, при этом конструируемой «мегапроблемой» («бедствием») выступает президентство Владимира Путина. Вот несколько фрагментов такого рода авторских записей.

«Ну, и наша любимая часть подобных новостей — согласно окончательным данным ЦИК Татарстана, в республике безоговорочную победу одержал Владимир Путин, набрав 82,7 % голосов избирателей» [в конце записи о насилии в «Дальнем» и других казанских отделах полиции].

«Асгат Сафаров: «Эти подонки из отдела “Дальний” опозорили все МВД». А разве есть что-то такое, что может опозорить путинское МВД?»

«Похоже, и до татар добралась проклятая кровавая рука Путина».

«Почему менты бесчинствуют? А потому, что власть людей не уважает, и когда Евсюков пострелял людей, Путин не отправил Нургалиева в отставку по статье о несоответствии занимаемой должности, не говоря уже об офицерском поступке самого министра. Вот рядовой мент видит, что наверху людей не уважают, и тоже начинает не уважать людей».

«Путинская “диктатура закона” обернулась индульгенцией на незаконные силовиков, судей и прочих правоохранителей и правоприменителей. Насаждаемое сверху оборотничество втягивало в себя и развращало многих профессионалов. В 2003 году очень помог мне Денис Евсюков, тогда скромный и отзывчивый офицер милиции. И мне в голову не могло прийти, что через несколько лет этого доброжелательного и по отношению ко мне совершенно бескорыстного человека перекорёжит путинская бесчеловеческая система и превратит в какого-то монстра!».

Риторика бедствия используется и Ю. Латыниной в той же записи, в которой ранее использовалась риторика наделения правом, что еще раз подтверждает «зонтичный», всеохватывающий характер риторической идиомы бедствия. В данном случае подтверждается положение Ибарры и Китсьюза о том, что риторика бедствия размещает проблематизацию какой-либо ситуации среди нарративов значительного разрушения (Ибарра, Китсьюз 2007: 70).

«Самой главной, самой определяющей чертой путинской России стала тотальная незащищенность населения. По оценкам экспертов, у нас около 40 трупов на 100 тыс. населения — в 40 раз больше, чем в Европе. Не все эти люди убиты ментами или задавлены на дороге чиновниками, но 99 % этих трупов есть результат тотального непонимания властью того обстоятельства, что власть должна обеспечивать соблюдение законов, а не безнаказанность властей. Сенатор Торшин меня, честно говоря, мало волнует. Человек, который в такой ситуации заступает не за убитых, а за палачей — это уже диагноз. Меня волнуют те 63 % избирателей (или хотя бы около 50 %), которые реально голосовали за Путина. Интересно, они понимают, что они проголосовали, в том числе, за смертный приговор каждому 40 из 100 тыс. населения России? Вот у этого избирателя — сын.

Кольцова О.Ю., Ясавеев И.Г. Конструирование проблемы полицейского насилия...

Он понимает, что завтра его сын случайно зацепится с ментом, и ему позвонят и скажут: «ваш сын в море». Этот избиратель завтра с женой купит билеты на «Булгарию», и утонет, и к ответственности не привлекут никого, кроме фиктивной хозяйки судна — разведенки с ребенком из хрущевки. Он поедет работать — на буровую платформу «Кольская», и она тоже утонет, потому что ее забыли отремонтировать, и потому что буровиков — элиту рабочего класса, людей с золотыми руками и головами — везли для экономии средств, в нарушение правил, как эков в теплушках. И на этот раз, в отличие от «Булгарии», не только зиц-председателя не посадят, но даже никаких публичных упреков Путин никому не скажет. Потому что принадлежала «Кольская» не абы кому, а «Арктикморнефтегазразведке», в составе «Зарубежнефти». А бурила для «Газпрома».

В России идет война. Одна часть россиян — облеченная властью — безнаказанно убивает или равнодушно попустительствует убийствам другой части — гражданского населения. Впрочем, учитывая то, что жертвы, как правило, беззащитны, а убийцы, как правило, безнаказанны, «война» — слово неправильное. Правильней — «карательная операция». Нам тут объясняли, что все беды наши — оттого, что «американка гадит». Неужели это американские шпионы подкупают полицейских, чтобы они совали людям бутылки в задницы, и чиновников, чтобы те давили народ? Интересно, те, кто голосовал за Путина, отдает себе отчет, кто стоит во главе убивающей их системы?».

Риторика утраты и риторика неразумности полностью отсутствовали в записях по поводу полицейского насилия.

Доминирующими **лейтмотивами** в массиве записей в блогах являются *насилие, пытки, полицаи и садизм/садисты*, соответствующие риторикам опасности и наделения правом. При этом в большинстве случаев используются такие конструкции, как «оперативники-садисты», «менты-садисты», «садисты в погонах», «насилие/ пытки над задержанным», «насилие/ пытки в полиции», «насилие/ пытки полицейскими (сотрудниками правоохранительных органов)».

«Замученный полициями Назаров успел перед смертью рассказать врачам больницы, куда его привезли на “Скорой”, что к нему применялись пытки садистско-сексуального характера. Каковые на самый беспристрастный взгляд, безусловно, уместней были бы не в обстоятельствах современного полицейского участка, а со стороны разве что оккупантов глубокой древности».

«Вскоре обнаружилось “поразительное”: садистские пытки в отделениях полиции Казани — явление самое что ни на есть рутинное».

«То есть садисты с удостоверениями полицейских в карманах... продолжив пытки, достали бутылку и затолкали её в глотку Назарова».

«Такое впечатление, что менты-садисты это и есть настоящая опора режима, а, значит, каста неприкасаемых».

Следует подчеркнуть, что часто встречающееся в блогах слово «полицаи» всеми существующими словарями русского языка обозначается как презрительное и определяется с указанием на предателей, служивших в нацистской полиции на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны (происходит от немецкого *Polizei*, написанного на нарукавных повязках).

Характерно, что **контрриторические стратегии**, стратегии представления ситуации как «не-проблемы» (Ясавеев 2006) по отношению к насилию в полиции не встречались в исследуемом массиве записей в блогах, т. е. не наблюдалось ни одного случая представления ситуации как нетипичной, как «вопиющего отдельного инцидента», приведения «опровергающих историй» в виде «показательных регионов», указания на скрытые интересы тех, кто конструирует проблему, или на их истеричность и невеняемость (контрриторика истерии).

Попытка выделить доминирующие **стили** записей в блогах о насилии в полиции, используя категории Ибарры и Китсьюза (научный, гражданский, театральный, комический, правовой, субкультурные стили), показала, что для авторских записей характерны преимущественно гражданский и комический (саркастический) стили, при этом последний встречается значительно чаще. Как отмечают Ибарра и Китсьюз, отличительные признаки *гражданского стиля* — чрезвычайно сильное моральное возмущение, «неотшлифованность» и «нестилизованность», «искренность» и «прямота» «обычных порядочных людей». Например, следующая запись сформулирована, возможно, преднамеренно, в гражданском стиле:

«52-х летний житель Казани Сергей Назаров умер в больнице после насилия в отделении полиции. Отвратительного... [нецензурная лексика] насилия, повлекшего травмы и разрывы прямой кишки. Смерть Сергея Назарова не должна быть напрасной потому, что на его месте мог оказаться любой подвыпивший гражданин, схваченный ментами на улице... С этим пора кончать, или нам будет полный и неотвратимый... [нецензурная лексика] под сапогами выроdkов. Мы можем, каждый из нас может что-то изменить, беспомощность отменяется. Я почитал сегодня у Лёхи пост, дело он говорит, просыпаться надо уже и остальных будить. А делать чего? Для начала прекратить прятать глаза...»

Комический (саркастический) стиль, согласно Ибарре и Китсьюзу, высвечивает абсурдность определенных позиций или лицемерие тех, кто конструирует проблему или противодействует этому. «Обычно в данном случае используется некоторая степень иронии или сарказма для того, чтобы подорвать или поддержать определенную мораль» (Ибарра, Китсьюз 2007: 100). Поводами для использования сарказма в данном случае стали заявления властей после происшедшего в «Дальнем», традиционная, свойственная им риторика и неоднократно звучавшие ранее официальные оценки эффективности реформы и переподготовки сотрудников МВД:

«Начальник управления МВД по Казани Рустем Кадыров извинился перед родственниками погибшего Сергея Назарова, который был изнасилован и избит до смерти в местном отделении полиции [Фрагмент сообщения СМИ]... Извинился. Это, конечно, потрясающе. Не, ну чо вы. Ребята же не со зла. Вы, чо, обиделись, что ли? Серьезно? Ну ладно, ну извините».

«Виновник очередного громкого преступления не оказался сотрудником полиции!»

«Нургалиев заявил, что необходимы эффективные меры для предотвращения ЧП, подобные [подобных] казанским. Теперь будут пытаться бутылками из-под колы?»

«...потому что полицаи из “Дальнего” могли бы, много чего могли бы. Но благодаря титанической работе генерала Сафарова в Дальнем всего лишь убили человека, к тому же судимого рецидивиста. К тому же безнадежно больного геморроем. Читаешь про Сафарова “откровения” татарстанских СМИ и понимаешь, что таких генералов земля еще не знала. А то, что Назарова убили. Так и раньше убивали. Рената Фалахеева убили, пронесло. Вакиля Аитова убили, пронесло. И полицаев из Дальнего пронесло бы. Если бы не шум, поднятый в блогосфере, а следом и в федеральных СМИ. В общем, пока не поздно надо наградить Сафарова орденом».

«Яндекс: «В Казани сотрудники полиции насилуют в анус задержанных». Зато начальник у них вежливый — извинился, и министр вежливый, и президенты... Московский комсомолец: «Издевавшиеся над задержанным полицейские пришли в полицию около года назад». А-а-а! Это когда туда хороших набрали, а плохих уволили? Росбалт: «Исчезнувший семиклассник спустя сутки сам вернулся домой». Слава Богу, его полиция не нашла...»

«Сотрудники казанского отдела полиции “Дальний” попросили переименовать свой отдел. “Люди не хотят служить в подразделении, чье на-

звание запачкано действиями отдельных бывших сотрудников, более того, раздаются предложения снести это здание до основания и построить новое”, — заявил источник. Вот, оказывается, в чем дело. Простого переименования милиции в полицию было мало, необходимо срочно переименовать все отделы и разрушить здания околотков! И на руинах сразу вырастут, аки подснежники, белые и пушистые, милые и нежные, веселые и розовощекие, новые, правильные пенты [по всей видимости, саркастическое производное от «менты» и «полицейские»]».

«МВД Татарстана — одно из лучших в России. Когда на заседании комиссии Общественной палаты об этом сказал замминистра внутренних дел Сергей Герасимов, [я] перебил генерала: “Сергей Александрович, что же Вы оговариваете МВД России? Если в одном из лучших пытаются людей, что же тогда происходит в худших?” А теперь, думаю, надо попросить прощения у Герасимова за то, что засомневался в правдивости его слов. Похоже, что татарстанские полицейские, действительно, лучшие. В том же Дальнем, запытав арестанта, полицаи проявили гуманность, скорую вызвали, бедолагу в больницу отвезли, и умер он по-людски, в больничной палате. А вот в Кемерово нелюди-полицаи, убили даже не подозреваемого, а свидетеля. Тело убитого они бросили на обочине в соседнем поселке, а потом сами же вернулись раскрывать это преступление. Так что, действительно, полицейские в Татарстане гуманнее. Хоть над трупами не глумятся, только над живыми».

«Посмотрел НТВ. Программу ЧП. Всё понял, всё встало на свои места. Дело было так. Исчерпав приличные методы политической борьбы, оппозиция то ли вогнала в транс казанских полицеев, то ли подсунула им отравленное спецельем шампанское. Полицаи убили Назарова. Оппозиция начала очернять власть. Так всё было?»

Театральный стиль отсутствовал в изучаемом массиве записей в блогах, хотя использовался при конструировании социальной проблемы полицейского насилия на уличных акциях в Казани. 15 марта 2012 г. у здания МВД Татарстана состоялся несанкционированный митинг, основным символом которого стала бутылка шампанского. Горожане, пришедшие выразить свой протест против насилия в полиции, передали несколько бутылок главе МВД Асгату Сафарову, другие бутылки воткнули в снег. Кроме того, собравшиеся активисты держали надувные шарики, изготовленные в виде бутылки шампанского, с надписью «Let's celebrate now!».

Необходимо отметить, что блогосфера в данный период, в отличие от социальных сетей, не использовалась в качестве средства мобилизации

действия за исключением ссылки в одной из записей на «страницу события» в сети «ВКонтакте», посвященную упомянутой акции с бутылками шампанского у здания МВД Татарстана, и ссылок в двух других записях на ресурсы «для тех, кому нужна поддержка в обращениях в Следственный комитет» и на сбор подписей под обращением к главе Следственного комитета России А. Бастрыкину под лозунгом «Мы можем сделать так, чтобы пытки прекратились». Можно предположить, что мобилизационная функция в целом не характерна для блогосферы.

Заключение

Осуществленный анализ позволяет утверждать, что тема полицейского насилия, поводом для развития которой стала смерть Сергея Назарова в казанском отделе полиции «Дальний», имела относительно высокую значимость для влиятельных блоггеров «Живого журнала» в исследуемый период. В массиве записей на эту тему доминируют такие риторические идиомы, как риторика опасности, представляющая полицию как угрозу гражданам, риторика наделения правом по отношению к людям, имеющим судимости, и риторика бедствия, связывающая случай в Казани и полицейское насилие как феномен с качествами государственной власти в России в целом и с президентством Владимира Путина в частности. При этом контрриторические стратегии, т. е. стратегии депроблематизации насилия в полиции, в изучаемых записях в блогах не встречаются. Среди лейтмотивов проблематизирующей риторики выделяются такие, как «насилие», «пытки», «садизм», «полицаи», а стиль авторских записей можно охарактеризовать как саркастический и гражданский.

Применение исследовательской схемы Питера Ибарры и Джона Китсьюза к относительно небольшому массиву записей в блогах на тему насилия в полиции и смерти Сергея Назарова демонстрирует ее потенциал в реконструкции и объяснении чрезвычайно сложной риторической игры в социальные проблемы, а также подчеркиваемую Ибаррой и Китсьюзом возможность выйти за пределы исследования отдельных случаев конструирования социальных проблем. Значение проведенного нами исследования может заключаться не столько в фиксировании риторических идиом (опасности, наделения правом и бедствия), лейтмотивов и стилей конструирования данной социальной проблемы, сколько в возможности сформулировать и попытаться ответить в дальнейшем на следующие исследовательские вопросы. Свойственны ли определенные риторические форматы, лейтмотивы и стили лишь конкретным случаям конструирования социальных проблем, как в ситуации с полицейским насилием, или они характерны для самых различных попыток

проблематизации ситуаций в блогосфере? Если верно последнее предположение, то в каких случаях используются те или иные форматы, лейтмотивы и стили? Например, выступает ли в качестве универсальной мегариторики бедствия в настоящее время президентство Владимира Путина? Конструирование каких проблем разворачивается в блогосфере с применением данного формата? Что объединяет эти случаи, кроме данной риторической идиомы?

Данное исследование позволяет также поставить ряд исследовательских вопросов в отношении коммуникативной функции «Живого Журнала» и его топа. Сходное исследование постов, посвященных выборам и протестам (Koltsova, Koltsov 2013), также показало доминирование перепостов, небольшое количество собственных текстов и отсутствие прямых призывов к действию. Это заставляет выдвинуть гипотезу о том, что основной коммуникативной функцией «Живого Журнала» и, возможно, блогосферы в целом в отношении социально значимых вопросов и проблем является функция выборочной ретрансмиссии и формирования через такую выборочность повестки дня, предположительно отличной от повестки дня официальных или даже просто профессиональных медиа. Функция формирования общественного мнения по этой повестке, возможно, скрыта в комментариях. Поэтому представляется перспективным включение их в рамки дискурсивного анализа, однако очевидно, что это требует гораздо более тонкой настройки как конструкционистского инструментария, так и методов автоматического анализа текстов. Что касается мобилизационной функции, не исключено, что она сосредоточена в социальных сетях, а не в блогах.

Литература

Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности — II / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 164–175. [<http://ecsocman.hse.ru/data/599/673/1219/char42.pdf>] (дата обращения: 31.05.2013).

Бест Дж. Социальные проблемы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007а. С. 26–54.

Бест Дж. Ограничения строгой конструкционистской интерпретации социальных проблем // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007б. С. 115–144.

Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 11–25.

Богомякова, Е.С. Эвтаназия как социальная проблема: стратегии проблематизации и депроблематизации // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1. С. 33–52.

Дело чести [сообщение информационного агентства «Интерфакс»]. 2012. 6 апреля. [<http://www.interfax-russia.ru/Povoljie/view.asp?id=306038>] (дата обращения: 10.04.2013)

Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 55–114.

Мейлахс П.А. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 4. С. 135–151.

Ним Е.Г. О социологах, телеведущих, рыцарях и чучелах: деконструкция медиадискурса социальных проблем // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1. С. 13–32.

Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1. С. 7–12.

Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 145–184.

Этлинг Б., Алексанян К., Келли Дж., Фарис Р., Палфри Дж., Гассер У. Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете. Исследования Центра Беркмана. № 2010–2011. [http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf] (дата обращения: 17.04.2013).

Ясавеев И.Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 1. С. 91–102.

Adorjan M., Christensen T., Kelly B., Pawluch D. Stockholm Syndrome as Vernacular Resource // The Sociological Quarterly. 2012. 53. (3). Pp. 454–474.

Best J. (ed.) Images of issues: Typifying contemporary social problems. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1995.

Griffiths T.L., Steyvers M. Finding scientific topics // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2004. 101. Pp. 5228–5235.

Holstein J.A., Gubrium J.F. (eds) Handbook of constructionist research. New York and London: Guilford Press, 2008.

Holstein J.A., Miller G. (eds) Challenges and choices: Constructionist perspectives on social problems. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.

Ibarra P.R., Kitsuse J.I. Claims-making discourse and vernacular resources // Holstein, J.A., Miller, G. (eds). Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003. Pp. 17–50.

Koltsova O., Koltsov S. Mapping the public agenda with topics modeling: the case of the Russian LiveJournal // Policy and Internet. 2013 (forthcoming).

Loseke D.R. Thinking about social problems: An introduction to constructionist perspectives. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.

Miller G., Holstein J.A. (eds). Reconsidering social constructionism: Debates in social problems theory. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1993.

Maratea R. The e-rise and fall of social problems: the blogosphere as a public arena // Social Problems. 2008. 55. (1). Pp. 139–159.

Schneider J.W. Social problems theory: the constructionist view // Annual review of sociology. 1985. 11. Pp. 209–229.

Spector M., Kitsuse J.I. Constructing social problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.

Spector M., Kitsuse J.I. Constructing social problems. New Brunswick: Transaction Publishers, 2001.

Stoddart M., MacDonald L. “Keep it wild, keep it local”: Comparing news media and the Internet as sites for environmental movement activism for Jumbo Pass, British Columbia // *Canadian Journal of Sociology*. 2011. 36. (4). Pp. 313–335.

Taylor V., Van Dyke N. Get up, stand up: Tactical repertoires of social movements // *Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. (eds). The Blackwell companion to social movements*. Oxford: Blackwell, 2003. Pp. 262–293.

Woolgar S., Pawluch D. Ontological gerrymandering: the anatomy of social problems explanations // *Social Problems*. 1985. 32. Pp. 214–227.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

М.Н. Вандышев, Н.В. Веселкова, Е.В. Прямикова

МЕСТА ПАМЯТИ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ТЕРРИТОРИЙ В МЕНТАЛЬНЫХ КАРТАХ ГОРОЖАН*

В статье описано использование метода ментальных карт при изучении современного городского пространства. Осенью 2011 г. были собраны 122 карты, на которых были изображены различные территории Свердловской области. На основе концепций ментальных карт (Кевин Линч) и определения мест памяти (Пьер Нора) выработана исследовательская стратегия анализа элементов индустриального городского пространства. Выделены базовые элементы образа города. Авторы приходят к выводу об особенностях построения образа индустриального города, централизованного на символически значимых элементах, которые выступают материалом для прикрепления населения к территории и конструирования локальной идентичности.

Ключевые слова: *метальные карты, места памяти, символический капитал, локальная идентичность.*

Понимание процесса производства и воспроизводства социального пространства предполагает исследование восприятия населением собственного места проживания. Этот процесс и его результаты, с одной стороны, являются материалом для построения связей с ограниченным

* Исследование «Динамика практик и стратегий жизнеобеспечения населения моногородов» проводится при поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области (№ гранта 10-06-96021). Методы исследования — телефонный стандартизированный опрос, полужформализованное интервью, групповые дискуссии, создание ментальных карт.

Вандышев Михаил Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (mishavandyshov@ Rambler.ru)

Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (vesselkova@yandex.ru)

Прямикова Елена Викторовна — доктор социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Института фундаментального социально-гуманитарного образования Уральского государственного педагогического университета (pryamikova@yandex.ru)

фрагментом территории, на котором находится некоторое число материальных объектов и совместно проживает некоторое число людей. С другой, само восприятие определяет рамки, в пределах которых развивается деятельность территориальных акторов.

В восприятии обывателя физические / материальные объекты, элементы ландшафта приобретают определенный смысл, значимость и становятся, например, привлекательными или непривлекательными с позиций устройства собственной жизни. Человек под влиянием различных обстоятельств меняет свое отношение к этим пространственным объектам. Это очевидно на примере личного жилища, но в масштабах города может размываться посредством множественности воздействий.

Согласно одной из доминирующих в современной науке точек зрения, социальное пространство выражает себя посредством пространства физического (Бурдьё 2007). Социальное и физическое пространства взаимосвязаны, первое присваивает и изменяет второе посредством собственных внутренних процессов различения, например, в ходе интерпретации. Так меняется облик города, распределяются кварталы и места обитания различных групп, тем самым в социальном пространстве соединяются объективные и субъективные характеристики. Мы не будем вдаваться в особенности дискуссии о природе социального пространства (как размерности социального взаимодействия, как конфигурации социальных дистанций и пр.), подчеркнем лишь условность подобного деления для «обычного» человека.

Концепция символического капитала Пьера Бурдьё обращена к процессу коммеморации — каким образом конструируются и поддерживаются дистанции в пространстве, каковы механизмы его организации и структурирования. В концепции французского историка Пьера Нора формирование территориальной идентичности происходит за счет символического выделения / подчеркивания особых мест, другими словами, пространство репрезентируется, структурируется, приобретает определенный порядок. Мы используем указанные концепции для ответа на вопрос, что представляет собой символический капитал территории и каковы возможности его измерения.

Город как ловушка, из которой трудно выбраться, или как место, которым хотелось бы гордиться, — эти оценки являются полюсами восприятия территории своего проживания. Подобное отношение не привязано к конкретной местности — жители одного города дают крайне противоречивые оценки пространства собственной жизни. Моногород, средний и малый индустриальный город в современной России являются самыми проблемными зонами в силу последствий ускоренной индустриализации, в том числе недостаточно развитой социокультурной инфраструктуры. В результате одним из слабых мест становится капитализация простран-

ства городов — какие объекты города обладают ценностью, могут быть капитализированы и использованы в качестве основы для устойчивого развития? Ответ на этот вопрос традиционен — это предприятия, способные обеспечивать население трудовыми местами. Однако, наряду с материальным воплощением, капитал имеет и воплощение символическое. Более того, они неразрывно связаны между собой. Благодаря процессу символизации капитал становится полноценным участником социальных взаимодействий, обеспечивая устойчивое развитие города. В нашем понимании, *символический капитал территории* представляет собой объективированные и структурированные представления о значениях элементов, организующих городское пространство, являющихся основой его узнавания, признания и устойчивой идентификации.

Система управления пространством основана на манипулировании символическим капиталом территории. Подчеркивание значения, например, развития градообразующего предприятия или возможностей повышения туристической привлекательности местности всегда служит способом не только презентации и привлечения инвестиций, но и провоцирует (ориентирует) жителей на те или иные виды деятельности. Показательна ситуация уральского города Качканар, когда выбор вектора стратегии развития был сделан не в пользу строительства горнолыжного курорта, а разработки нового месторождения*. Несмотря на то, что горожане не принимали участия в этом решении, все освещение данного вопроса было направлено именно на них.

В социологии существует вполне сформированная, устойчивая традиция картографирования городского пространства**. Оно может осуществляться разными способами и по самым разным поводам. Определение значимых мест происходит в процессе создания ментальных карт. Этот метод позволяет не только выявить особенности восприятия территории, но и определить места концентрации символического капитала. Такие карты, создаваемые информантами по просьбе исследователей по принципу «здесь-и-сейчас», являются спонтанными набросками. Люди изображают то, что в большей степени актуализировано в их жизненном мире, и то, что они считают знаковым для самого города. Ментальные карты не столько выявляют сложившийся образ, сколько улавливают *опыт города* информантов. Элементы ментальных карт разнообразны —

* См., например: [<http://news.mail.ru/inregions/ural/66/economics/13683715/?frommail=1>] (дата доступа 28 июня 2013 г.)

** Напр., исследование Чарльза Бута считается классическим исследованием городского пространства, в результате которого была создана подробная социальная карта города. Подробный архив работ Ч. Бута доступен на сайте Лондонской школы экономики: [<http://booth.lse.ac.uk/>].

в том числе они содержат так называемые «места памяти». Это квинтэссенция символического капитала территории, которая артикулирует ее идентичность в представлениях обитателей (аборигенов) и которая так или иначе транслируется вовне. В нашем исследовании смешиваются интеллектуальная традиция ментальных карт и традиция мест памяти.

Ментальные карты визуализируют представления о *местности, но человек не обязательно должен там жить*. Карты городов наши информанты рисовали по памяти, находясь преимущественно в Екатеринбурге. Информантам предлагалось нарисовать «*свой город*» без каких-либо комментариев, расшифровывающих, что значит «свой». Участникам исследования было дано следующее задание: произносилась всего одна фраза «Нарисуйте свой город», без всяких пояснений. Задача состояла в том, чтобы информант сам решил, какой город считать своим*. Такой акцент позволил актуализировать обращение к значимым местам городского пространства**. В результате мы получили как минимум три группы карт:

1) карты города рождения / взросления, города, в котором информант провел большую часть жизни (в результате мы получили карты поселений разного типа — от крупных городов до деревень, последние не были отбракованы, поскольку в них зафиксирован жизненный опыт, обозначены «места памяти»);

2) карты города текущего проживания, даже если опыт этого проживания не слишком большой;

3) карты идеального или воображаемого города, в котором информант предпочел бы жить.

Американский исследователь Кевин Линч утверждал, что в любом городе можно выделить несколько универсальных элементов: *«Результаты исследований позволяют выявить содержимое образов города, соответствующее с предметными формами, и для удобства классифицировать*

* Смысловую мозаику ментальных карт можно прояснить в процессе сбора информации. В нашем случае после окончания рисования информантов просили дать краткие пояснения по поводу изображенного.

** В исследовании принимали участие студенты вузов Екатеринбурга. В октябре-ноябре 2011 г. было собрано 122 ментальных карты, но не все из них попали в поле исследовательского анализа. В данной статье не освещены элементы и структура ментальных карт воображаемого города. В качестве объекта исследования были выбраны студенты вузов Екатеринбурга, проживающие постоянно в других городах. Это обусловлено следующим обстоятельством. Студенты находятся в состоянии перехода в восприятии своего родного города, в том числе, в процессе определения своей территориальной идентичности, поэтому они могли выбрать в качестве своего города место, в котором они родились и выросли, где они проживают сейчас или где хотели бы проживать в будущем.

последние: пути, границы, районы, узлы и ориентиры. У этих элементов действительно универсальный характер, поскольку они проявляются в множестве типов образа окружения» (Линч 1982).

Отсутствие расшифровки изначального задания (участникам исследования не было высказано никаких рекомендаций о порядке создания образа города) привело к тому, что информанты чаще всего рисовали те места, которые выбрали сами, а значит, актуальные и значимые лично для них. Таким образом, метод ментальных карт в нашем случае пересекается с отсылкой к «местам памяти», в рамках традиции Пьера Нора. Места, «где память кристаллизуется и находит свое убежище» (Франция-память 1999), в исследовании французских историков связаны с историческими событиями, в нашем же случае за основу берется жизненный опыт индивидов.

Субъектно-ориентированные аспекты образа окружения (Веселкова 2010), согласно позиции К. Линча, включают: 1) опознаваемость — насколько отдельное место различимо среди других; 2) структуру — соотнесенность объекта с наблюдателем и другими объектами; 3) практическое или эмоциональное значение места для информанта. В нашем случае наиболее важным оказалось последнее. Места памяти в таком случае в большей степени являются материальным выражением эмоций (рис. 1).

Информанты рисуют места, которые с неизбежностью указывают на определенную местность (известные жителям достопримечательности — театр, храм, памятники). Наличие яркого эмоционального подтекста говорит о личностном присвоении пространства. Независимо от того, что рисовали участники исследования, город или деревню, они либо изображали места, значимые для их личного опыта (*город для себя*), или создавали «рекламный» образ города (*город для других*). В первом случае город предстает как некий фрагмент личной жизненной среды (дом, двор, для детей — дорога из дома в школу и т. п.). Изображаются локальные элементы, обладающие (нагруженные) некими особыми значениями. Во втором случае город «предъявляется» другим, информанты весьма избирательно подчеркивают те или иные элементы городской среды. На картах была обнаружена разная степень локализации, начиная от места проживания и заканчивая всеми основными достопримечательностями города.

Структура карт может быть разнообразной, единство задается самим пространством рисунка, выбором рисуемого, что включать в нее, а что не включать. Очевидные для одних элементы могут даже не прийти в голову другим информантам, рисующим тот же самый город, в восприятии горожан целые куски города остаются белыми пятнами (Линч 1982). В нашем исследовании единство выражается в целостности представленного образа города. Карта города как набор образов — церковь

*«На этом рисунке я изобразила три самых важных, наверное, для меня объекта, находящихся в той деревне, где я живу. Это, прежде всего бабушкин дом, который постоянно наполнен уютом, заботой и любовью. Приезжая туда, я очень отдыхаю душой, морально и физически. Второй объект — это обелиск наш, обелиск славы, у которого я много времени в детстве провела, в школе особенно..., экскурсии различные... и просто... меня саму тянуло к этому месту, потому что... прадеды и прабабушки все мои на фронте погибли... И третий объект... это старая разрушенная церковь **наша**, которую начали восстанавливать, но почему-то не продолжают, а местные жители, как раньше они ходили молиться в церковь, продолжают ходить. И вот я занималась краеведением в школе, и вот немножко знаю об этой церкви, что там до сих пор сохранились фрески внутри, их достаточно плохо видно, если не присматриваться, но присмотревшись можно заметить» (ж, 19 л., Екатеринбург, 2011).*

*Рис. 1. Ментальная карта поселения Большое Седельниково**

и памятник В.И. Ленину могут располагаться рядом, несмотря на существующее пространственное (в физическом смысле) и идеологическое противоречие. Таким образом, создается свой личный (субъективный) образ города, который может очень сильно варьироваться в зависимости

* Формулировка задания — «Нарисуйте свой город» — для некоторых участников была не совсем приемлема, потому что «своей» территорией они считали деревню, и, соответственно, ее рисовали.

не только от конкретного места проживания (район), но и от личного жизненного опыта информанта. Так, мамы рисуют детские площадки, дворы, медицинские работники на первый план помещают больницу (в то время как другие люди стараются вообще избежать этого, поскольку с этим местом могут быть связаны не очень приятные воспоминания).

Места памяти в таком случае означают практически то же самое, что и значимые места. Если речь идет о городе для других, то значимые места одновременно выступают и выражением символического капитала. Это, как правило, социально одобряемые места (рестораны, «кабаки» — как пренебрежительно говорит один из информантов, к ним не относятся).

В любой карте уникальный жизненный мир информанта встречается с общими, по крайней мере, для данной социальной группы, социокультурными матрицами. Индивидуальность восприятия (личный опыт), групповая идентичность (демонстрация мест, позволяющих гордиться своим городом), социальная «детерминированность» (не хотелось бы рисовать завод, но надо, поскольку он есть) причудливо переплетаются в каждом рисунке информанта и позволяют анализировать соотношение обязательных и желаемых, приятных и неприятных, значимых и не-значимых элементов городского пространства.

Степень оседлости населения неразрывно связана с сочетанием материальных и нематериальных элементов пространства. Вполне очевидные причины боязни смены места жительства, такие как возможные риски потери материального благосостояния, потеря освоенного «места» жизни (территории), необходимость хотя бы частично воссоздавать социальную сеть на новом месте, подкрепляются символической ценностью привычного проживания. Эти условия становятся благоприятными для актуализации позитивной идентификации со «старым местом». Места памяти (лодочная станция, памятники, культовые учреждения, зеленые насаждения, красивые фасады зданий, фонтаны) играют роль символов, которые подчеркивают значение, привлекательность территории. Они же становятся причиной недовольства, если привычная инфраструктура начинает разрушаться. В целом же они задают каркас восприятия города и являются узловыми элементами визуального рассказа о городе.

Территории, которые изображаются информантами, имеют четко выраженные черты, особенно если речь идет об одном регионе, в нашем случае уральском. Типичные элементы, проявляющиеся на многих рисунках, чаще всего заданы общими принципами структуры организации промышленного города (например, трубы с клубящимся дымом, заводы и шахты и пр.), особенностями природного ландшафта (горы, перепады высот, лесные массивы). Присутствуют и специфические элементы,

обусловленные культурным и историческим развитием территории. Присвоение мест коллективной памяти, таким образом, становится важной проблемой, решение которой может воспроизводить городское пространство в разных ракурсах.

Обратимся к анализу представленных ментальных карт. Одним из ключевых элементов городского пространства, согласно рисункам информантов, являются заводы. Как сообщил автор одной из карт: «*Первоуральск как не рисуй, все равно будет завод*». На ряде рисунков заводы отнесены на задний план, их изображают в одном цвете, чаще всего в черном (при наличии выбора цветов у информанта). Также часто встречаются жилые дома, детские площадки, развлекательные центры, торговые объекты, зеленые насаждения (парки, леса), горы, памятники и культурные учреждения.

Важным элементом рисунка являются дороги. Они разделяют город на секторы по функциональному признаку. Происходит своеобразная «концентрация» мест. Дороги являются образом современного общества, они позволяют быстро добраться из одного места в другое. Иными словами, дороги современного города — это образ развития и благополучия. Железные дороги рисуют реже. В ряде случаев на картах встречаются люди, иногда рассеянные, а иногда организованные по парам, с детьми и т. д.

Очень часто на рисунках присутствуют памятники Ленину, реже обелиски (обычно павшим во время Второй мировой войны). В данном случае сказывается опыт школьной жизни, занятия в краеведческих кружках. Церкви становятся практически обязательным элементом рисунков города. Для молодого поколения (поколение 20-тилетних) наблюдается равная степень значимости подобных памятных мест, смешение памятников досоветского, советского и постсоветского периодов.

Любой элемент городской среды, запечатленный на ментальной карте, может выразить разные смысловые значения. Торгово-развлекательные центры могут рассматриваться и как признак общества потребления (они есть), и как символ благосостояния, и как возможность организации собственной жизни, досуга. Завод является показателем индустриальной мощи территории, благодаря которой конструируется особая идентичность, прочно связывающая работников, жителей города в единую общность. В то же время он может восприниматься как источник занятости, дающий возможность работать и получать заработную плату. Для моногородов изображение индустриальных элементов на карте отражает чаяния и надежды населения, завод гарантирует устойчивое развитие города.

Объекты символизации можно разделить на индустриальные и неиндустриальные, глобальные и локальные. Явно считаются индустриальными, глобальными и локальными. Явно считаются индустриальными, глобальными и локальными.

стриальные элементы (символы) городского пейзажа — однотипное типовое жилье, организованная детская площадка с одинаковыми элементами (горки). Глобальные элементы на картах присутствуют в виде торгово-развлекательных центров, являющихся «хранилищами» брендов. Присутствуют и составляют часть рисунка локальные элементы ландшафта — водоемы, горы и пр. Информанты склонны подчеркивать именно эти элементы, выделять их на фоне других. Однако при этом у нас нет историй о том, что эти места функционируют как «места памяти» — в вербальном дискурсе их обнаружить не удалось.

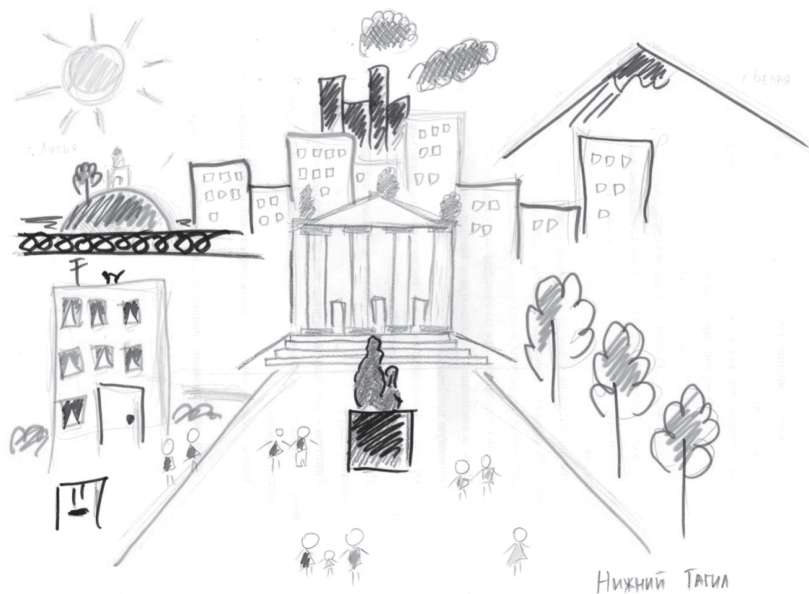
Символический капитал территории может быть выражен в ментальных картах, поскольку даже в процессе их создания происходит инкорпорация такого капитала — определение и обозначение знаковых (значимых) мест (социально одобряемых), повышающих престиж города и, возможно, свой собственный имидж. Элементы ментальных карт дают представление о формах капиталов, включенных в оборот в рамках изображенного города. Какие капиталы получают символическое выражение?

1. Индустриальный или промышленный капитал. Этот капитал задает функциональное ядро идентификации территории. Через эти качества территория приобретает статус монофункциональной или моноиндустриальной. Этот капитал символизирует специфику трудовой занятости и до некоторой степени востребованный квалификационный профиль населения города.
2. Административный капитал. Власть на рисунках не получила четкого визуального воплощения, исключением является изображение мэрии города Екатеринбурга, однако и она представляет собой скорее просто красивое здание, расположенное в центре города, а не олицетворяет / символизирует какие-либо атрибуты власти.
3. Торговый / развлекательно-досуговый капитал представлен в виде учреждений торговли, проведения досуга. Обращает на себя внимание особая любовь информантов к современным стандартам ведения торговли, например, торгово-развлекательные центры, в которых объединяется потребление, досуг и другие функции.
4. Природный капитал, например, горы, реки, озера, пещеры и пр.
5. Исторический капитал — в нашем случае это, как правило, молодые российские города, имеющие скудную историю, которая ограничивается обелисками погибшим воинам или труженикам тыла, а также церквями или их развалинами. В этой связи особый интерес приобретают сочетания разных этапов развития страны (досоветский, советский и постсоветский).
6. Человеческий капитал — в виде людей, гуляющих пар, отдыхающих детей и пр. Хотя надо отметить, что «человеческое измерение» горо-

да характерно не для всех карт — некоторые информанты, рисуя город, не изображали в нем людей.

7. Жилищный капитал — характерные черты застройки, количество этажей в домах, благоустройство, индивидуальные, многоквартирные дома, оформление фасадов домов, состояние подъездов.

Капитал, с одной стороны, диверсифицирует территории, делая их непохожими друг на друга, но с другой, структурные элементы этого капитала в целом схожи. В целом же важным становится не феноменологическое различие капитала, а его конфигуративные свойства, поскольку именно они в конечном итоге определяют «дружелюбность» территории для населения городов, привлекательность для потенциальных посетителей города (например, туристов), а также инвесторов (см. рис. 2).

«Я из Нижнего Тагила, поэтому и нарисовала свой город, как и просили. А главное в нашем городе, это, конечно же площадь, как и во всех городах. У нас, это театральная площадь, где и расположен главный театр нашего города. Это драматический театр. Мой город — яркий, красочный, хоть это и не очень так. Одной из старых гор является Лисья гора, это самая старая гора... Эта гора очень важна была в древности, потому что с нее смотрели, где пожар. 5 районов города, и 5 таких штучек таких, на которых огонь зажигался. Если виден пожар, то сразу зажигается огонь и сразу пожарные туда едут. Я, конечно, нарисовала наш завод, без которого... Металлургический завод, без которого не прожила бы наша область... И гора Белая, горнолыжный наш комплекс» (ж, 19 л., Екатеринбург, 2011).

Рис. 2. Ментальная карта Нижнего Тагила

Таким образом, места памяти, которые люди изображают на картах, *уже* являются отражением выбора элементов пространства, которые нагружаются особой символикой и тем самым выражают структуру приоритетов восприятия города.

Исследование позволило выявить особенности восприятия городских пространств индустриального Урала, зафиксировать элементы пространства, обладающие относительно высокой степенью капитализации: к ним относятся заводы, памятники и элементы природной среды. Жилые дома присутствуют практически на каждом рисунке, но далеко не всегда являются центром изображаемой территории, обычно они составляют фон, контекст, в который включены центральные элементы. Конфигурации и взаиморасположенность элементов позволяют обнаружить любопытную особенность построения образа индустриальных городов — они центрированы на символически значимых элементах, которые являются материалом для прикрепления населения к территории и конструирования локальной идентичности.

В целом же символический капитал территории во многом определяется избирательностью и длительностью процесса коммеморации. Ментальные карты являются одним из эффективных способов исследования и измерения символического капитала, поскольку в процессе рисования актуализируется неразрывная связь между эмоциональными и когнитивными элементами восприятия территории.

Литература

Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: 4 М. 2010. № 31. С. 5–29.

Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. Моногород: дилеммы конструирования пространства // Топос. 2011. № 1. С. 208–224.

Латур Б. Когда вещи дают сдачи // Вестник Московского университета. 2003. Сер. 7. Философия. № 3. С. 20–39.

Линч К. Образ города М.: Стройиздат, 1982 [<http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch.htm>] (дата обращения 07 апреля 2013 г.).

Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. Пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ НА ХОД ОСПАРИВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ПАРИЖА)

В статье рассмотрены два случая борьбы локальных сообществ против трансформации городского пространства, а именно против сноса строений, которые не представляют архитектурной ценности, но имеют выраженное историческое и мемориальное значение для горожан: случаи сообществ Санкт-Петербурга и Парижа. Сравнивая процессы оспаривания участков городского пространства членами локальных сообществ, автор приходит к выводу, что на ход их борьбы влияет наличие или отсутствие в составе политических режимов данных городов коалиций представителей строительного бизнеса и городской администрации.

***Ключевые слова:** оспаривание городского пространства, локальные сообщества, городской политический режим, легитимации.*

Теоретические основы изучения случаев оспаривания городского пространства локальными сообществами

Городское пространство является важным ресурсом, возможность изменять которое является маркером принадлежности к власти.

Говоря об оспаривании городского пространства, необходимо различать процессы, лежащие в основе подобного рода конфликтов. Каждый тип социального устройства, согласно А. Лefевру, имеет свою конфигурацию пространственных практик, всегда опосредованных культурным и экономическим функционированием общества. Эти пространственные практики представляют собой типы распределения капиталов, которые, в свою очередь, создают и воссоздают пространство и тем самым влияют на переопределение пространства непосредственного пребывания горожан (Lefebvre 1991: 33). Необходимо отметить, что данные виды капиталов задают возможности материального или символического присвоения пространства, получения прибылей от занимаемого пространства и исключения тех, кто, в силу отсутствия капитала, лишен этой возможности (Бурдьё 2005). В данном контексте можно говорить о существовании, согласно С. Лоу, социального производства пространства — процесса, ответственного за материальное создание пространства (перепланировка,

Тыканова Елена Валерьевна — аспирантка кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (sensu_87@inbox.ru)

джентрификация, программы городского развития и т. д.) и являющегося прерогативой власти (Low 2000: 128).

С другой стороны, согласно Лоу, существует обратный процесс, определяющийся опытом восприятия пространства, принимающий свое значение посредством социального взаимодействия, практик памяти, образов и повседневного использования — *социальное конструирование пространства* вступает в противоречие с *социальным производством пространства* (The anthropology of space... 2003: 19). Исследовательница утверждает, что город является объектом реализации проектов, запущенных доминантными политическими элитами с целью извлечения прибыли, однако эти планы редко совпадают с интересами и потребностями горожан, что приводит к распространению социальных движений в защиту городского пространства и развитию локального активизма (Ibid: 21–22).

Модели управления городами, которые могут выступать основами пространственных практик, разработаны в рамках традиции исследований городской власти и политики (см. обзор: Тев 2006: 99–121; Ледяев 2008: 32–60; Ледяев 2010: 23–51). Исследователь городских политических режимов К. Стоун утверждает, что в случае, когда местные власти имеют ограниченный потенциал извлечения финансовых выгод и самостоятельного решения городских проблем, но обладают возможностями мобилизовать капитал (Stone 1988: 82–104), велика вероятность появления коалиционных политических режимов, которые сочетают институциональные и экономические возможности властей, в первую очередь — инвестиционные преимущества представителей крупного бизнеса (Stone 1989).

Одним из подобных типов городского политического режима могут выступать стратегии «машин роста», ориентированных на извлечение прибыли посредством вложения капитала в городские территории (Molotch 1976: 309–332; Logan, Molotch 1987). «Машины роста» демонстрируют тенденции, свойственные капиталистическому городу и неолиберальному курсу городской экономики. Одной из таких тенденций, по мнению социального географа Д. Харви, является «пространственно-временная фиксация» капитала («spatial-temporal fix»). Городское пространство становится объектом особой территориализации капитала (географической экспансии вложений в городское пространство), которая позволяет бизнес-элитам вкладывать накопившийся избыточный бизнес-капитал во все новые географические территории и тем самым избегать финансовых кризисов (Harvey 2003).

В данной статье мы рассмотрим влияние городских политических конфигураций в Санкт-Петербурге и Париже на ход оспаривания городского пространства представителями локальных сообществ.

Сравнительное исследование случаев оспаривания городского пространства в Санкт-Петербурге и Париже

В контексте изучения протестных инициатив горожан наше внимание будет обращено на два крупных города — Санкт-Петербург и Париж, в которых дискуссии о роли сохранения исторического и архитектурного наследия занимают важное место при обсуждении градостроительной политики. Санкт-Петербург и Париж выбраны в качестве примеров рассмотрения оспаривания городского пространства и потому, что во многом имеют схожую судьбу в отношении исторических центров и вообще — в сохранении и поддержании архитектурных и исторических памятников.

Так, в советское время в Ленинграде было принято решение оставить в целостности историческую застройку центральной части города и возвести новые строения сталинского типа, символизирующие новую эпоху, в Московском районе. В данный момент центральная часть Санкт-Петербурга входит в охранную зону ЮНЕСКО. Однако нередки случаи сноса зданий в центре города и возведения новых строений, а также случаи уплотнительной застройки и вырубания зеленых насаждений, что вызывает протестную активность горожан. Протестные инициативы жителей Санкт-Петербурга, по словам известного исследователя гражданских инициатив в России К. Клеман, интенсифицировались с 2002 г. в связи со строительным «бумом» в городе (Клеман, Мирясова, Демидов 2010: 183). Городские власти Санкт-Петербурга ориентированы на обретение им статуса «европейского города» и включаются в своеобразную конкуренцию за право обладать признаками, которые об этом свидетельствуют: развитие инфраструктуры, привлечение инвестиций, увеличение привлекательности города и т. д. (Ежегодные послания и отчеты Губернатора СПб. [<http://www.assembly.spb.ru/manage/page?tid=633200028>]).

Париж претерпел две волны джентрификации: «рентную» в 1960-е гг. в Латинском квартале (Cheval 2008), и так называемую «культурную джентрификацию» в 1970-80-е гг. в квартале Марэ (Djirikian 2004). Тем не менее, столица Франции известна тем, что новые высотные здания были вынесены за пределы исторического центра в деловой район Дефанс. Исключение составляет возведенный в Латинском квартале небоскреб Тур де Монпарнас, вокруг которого вспыхнули острые публичные дискуссии, не затихающие по сей день. Нередки случаи, когда здания доводятся до ветхого состояния и под предлогом их аварийности сносятся, что вызывает протестную активность представителей локальных сообществ (Cefaï et al. 2011: 67).

Стратегии протестной деятельности локальных сообществ против градостроительных решений сильных групп интересов, а также соци-

альные условия, в контексте которых происходит оспаривание городского пространства, мы рассмотрим на эмпирических материалах двух изученных нами случаев. Данными случаями будут выступать протестные инициативы локальных сообществ и их лоббистов против потенциального сноса дома Юргенса в Санкт-Петербурге (ул. Жуковского, д. 19, центр города, рис. 1) и борьба за сохранение архитектурного комплекса Порт-Маон: старинного здания молочной фермы Монтсури и прилегающей к ней усадьбы Сен-Жак в Париже (улица Томб-д'Иссуар, 14 округ, периферия Латинского квартала, рис. 2).

*Рис. 1. Дом Юргенса. Улица Жуковского, дом 19.
Источник: [www.citywalls.ru/photo32123.html]*

*Рис. 2. Сад во дворе фермы Монтсури
Источник: [collectifportmahon.blogspot.com/album/photos_du_site/jardin.html]*

В качестве эмпирической базы статьи будут выступать материалы полевого исследования протестных инициатив локального сообщества жильцов улицы Жуковского и их лоббистов против сноса дома Юргенса в октябре 2010 г. (3 наблюдения, 9 интервью с активистами), а также материалы интернет-сайта защитников комплекса Порт-Маон, фермы Монсури и усадьбы Сен-Жак (документы, визуальные материалы, хронология событий [<http://collectifportmahon.blogspot.com>]), охватывающие период с апреля 2005 г. по настоящее время.

В Санкт-Петербурге представители фирмы-застройщика ООО «Луксор» выкупили все квартиры в доме Юргенса и планировали довести здание до состояния крайней аварийности, что дало бы возможность его снести и построить вместо трехэтажного особняка шестиэтажный элитный бизнес-центр или гостиницу. В Париже инвестор «Soferim» следовал подобной же стратегии: обойдя необходимость сохранения и реставрации зданий, снести постройки и возвести жилой комплекс и учреждение культуры для детей, на что им было получено разрешение Министерства культуры Франции от 25 апреля 2005 г. Критериями выбора для сравнения оспаривания этих объектов послужила их историческая ценность: трехэтажный особняк Юргенса, построенный знаменитым архитектором, именем которого и названо здание, является образцом типовой малоэтажной застройки Санкт-Петербурга XIX в. (дата постройки 1865 г.), ферма Монсури и комплекс прилегающих к ней строений (сер. XIX в.) — единственное здание молочной фермы, оставшееся от 502 существовавших на территории Парижа молочных ферм и усадеб (рис. 3).

Рис. 3. Карта ферм Парижа в 1895 г., согласно *l'Atlas des Parisiens*
Источник: [collectifportmahon.blogspot.com/histoire-d-une-lutte-2012/]

Дом Юргенса хотя не является памятником архитектуры федерального значения, ценен как образец строительства XIX в. и находится в центре города, т. е. на территории, где, за исключением редких случаев, связанных с необратимой аварийностью, снос зданий запрещен. Территория, на которой расположен архитектурный комплекс фермы Монтсури и усадьбы Сен-Жак, имеет археологическое значение для медиевистов, поскольку представляет собой неразработанный участок, имеющий богатый культурный слой, свидетельствующий о технологиях строительства в Средние века (рис. 4).

*Рис. 4. Карьер дороги Порт-Маон
Источник: [<http://collectifportmahon.blogspot.com>]*

В обоих случаях представители локальных сообществ (в Санкт-Петербурге — жители ближайших зданий, в Париже — жители улицы Томб-д'Иссуар и 14 округа) выступили против градостроительных решений в отношении оспариваемых участков городского пространства. Однако стратегии, к которым прибегали жильцы, отстаивающие сохранение дома Юргенса и комплекса Порт-Маон, различаются.

Члены локального сообщества Томб-д'Иссуар активно прибегали к легитимным способам борьбы против разрешения Министерства культуры Франции на снос в рамках режима «планового действия», которые были эффективны на протяжении нескольких лет (с 2005 по 2012 г.), а именно:

- 1) оспаривали право инвестора на снос, разрушение археологического участка и строительство в административном трибунале города Парижа, причем во всех случаях данная стратегия имела успех;
- 2) собирали подписи под коллективными обращениями в различные инстанции;

- 3) приглашали экспертов для наблюдения за соблюдением охранных постановлений Мэрии: Комитета по урбанизму и Муниципальной парижской комиссии («Комиссии парижских старейшин»);
- 4) делали запросы в Мэрию 14 округа, в котором и расположен оспариваемый участок городского пространства, Мэрию Парижа, Городской и Федеральный Советы (парламенты).

Перечисленные действия жильцов стали индикаторами бурной дискуссии о судьбе фермы и усадьбы в Мэрии Парижа и открытого голосования фракций, в ходе которого представители левых партий выступили против уничтожения исторических зданий, большинство «правых» проголосовали «за».

Пользуясь противоречиями, которые существуют по поводу оспариваемого пространства в федеральном и региональном законодательствах, представители инвестора в каждом случае отказа в сносе зданий и строительстве новых объектов на месте фермы Монтсури делают новые запросы в Мэрию Парижа, Городской Совет, Министерство культуры и т. д. Так, согласно блогу защитников фермы Монтсури и усадьбы Сен-Жак, от 03 августа 2006 г.: *«Инвестор подал еще три заявки на разрешение сноса 7 зданий. В этом случае сохранными останутся только здание зернохранилища и дом 26 на Томб-д'Иссуар. В качестве подтверждения своей позиции они указывают на то, что эти здания находятся в очень плохом состоянии»* (<http://collectifportmahon.blogspot.com/histoire-d-une-lutte-2012/>). Путем различных взаимных договоренностей и юридических тактик инвестора им было получено разрешение на «реставрацию» в виде бетонирования объектов. Реализация этого проекта вызвала протесты локального сообщества против «мнимой» реставрации и бурную дискуссию в Мэрии Парижа. Так, например, согласно выступлению представителя левой партии «зеленых» Ренэ Дютрея (René Dutrey), бетонирование не является действием по «реставрации» объекта исторического наследия: *«Это то же самое, что насыпать песок в неф собора Парижской богородицы»* (<http://collectifportmahon.blogspot.com/histoire-d-une-lutte-2012/>).

В случаях неудач в рамках обращения к легитимным способам борьбы жильцы, следуя принципам публичного оправдания, привлекали к освещению конфликта прессу и выступали с немногочисленными публичными акциями. Члены инициативной группы Томб-д'Иссуар следовали стратегии активной виртуализации сообщества: ими был создан сайт, на котором они могли делиться последними новостями относительно сноса и выкладывать визуальные материалы. Имея возможность непосредственного наблюдения за оспариваемым участком городского пространства и пользуясь знанием об особенностях ближайшей территории, жильцы прибегали к неагрессивным пространственным такти-

кам (Сerteau 1984): подсматривание, фотографирование случаев сноса на территории фермы, доступ к которой был затруднен «Soferim» и т. д. Однако можно утверждать, что члены локального сообщества, отстаивающие комплекс Порт-Маон в Париже, в большей степени предпринимали усилия в рамках самоорганизации и попытки легитимной борьбы, не кооперировались и не создавали сети по обмену опытом с представителями других антиградостроительных протестных инициатив в городе, а также не сотрудничали с градозащитными организациями и другими НКО.

Однако Региональная дирекция по делам культуры выдает «Soferim» разрешение на проведение дальнейших работ в карьере. При этом инвестором публично декларировалась сохранность исторических объектов фермы (рис. 5).

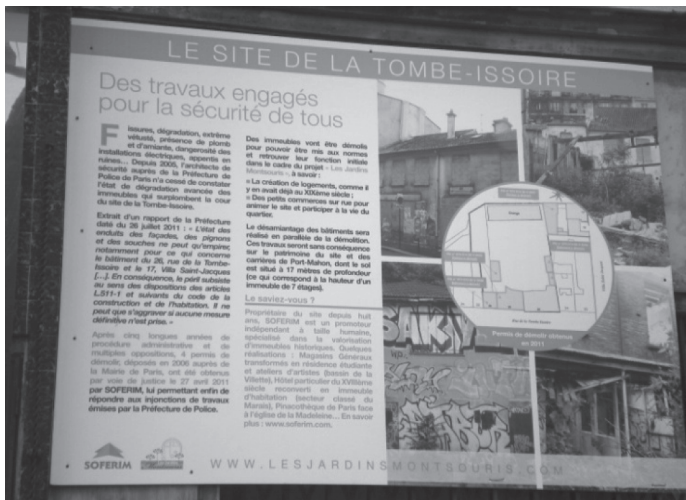

Рис. 5. Плакат «Soferim» на Томб-д'Иссуар:
«Работы проводятся с целью сохранения»

Однако при смене главы округа от партии левых на лояльного к действиям инвестора от партии правых, фирма-застройщик получила разрешение на снос 3-х зданий и под предлогом аварийности 14 февраля 2012 г. снесла все оставшиеся строения.

Жители локального сообщества, защищающие дом Юргенса, также изначально обратились к легитимным протестным действиям: звонили в различные инстанции (в муниципальный округ, управляющую компанию, администрацию города), составляли коллективные письма губернатору В. Матвиенко, а также в администрацию района. Однако эти действия не были эффективными: «В результате, значит, как нам сказали во всех инстанциях: мы с мая месяца, мы, жильцы дома 17, пишем во все

инстанции, начиная с Матвиенко и кончая более низкими инстанциями. Вы знаете, кроме отписки нам никто ничего, кроме... Вот, частный владелец квартир в этом доме имеет право делать все, что он хочет. Значит, в результате мы оказались в бесправовом пространстве» (Интервью 4. Жительница дома № 17 по ул. Жуковского). Данная ситуация заставила членов локального сообщества приступить к активным продолжительным публичным акциям протеста, как непосредственно у дома Юргенса, так и на митинге в защиту особняка, который состоялся 16 октября 2010 г. неподалеку от ул. Жуковского в сквере Маяковского (рис. 6).

Рис. 6. Митинг в защиту дома Юргенса 16 октября 2010 г.

Необходимо подчеркнуть, что жильцы практически с самого начала конфликта избрали стратегию объединения с градозащитными организациями города «Движение гражданских инициатив» и «Живой город», «Автономное действие» и «Организация по охране памятников и архитектуры». Также борцы за сохранение дома Юргенса сочли эффективным обратиться к представителям других локальных сообществ (защитники сквера на ул. Ивана Фомина, дома № 112 на Невском проспекте, фермы Бенуа, площади Мужества, движение «Охтинская дуга») с целью создания сетей для обмена эффективным опытом самоорганизации и оспаривания: *«Друзья, товарищи, надо объединяться. Вот, сегодня опубликовали первые данные о двух днях переписи населения. Уже переписано 6 % населения города. Вот, если бы эта 6 % населения города пришла вместе, объединилась и это дало бы власти понимание, что, действительно, люди озабочены тем, что происходит в городе. И тогда, тогда они уже задумаются, как в следующий раз... Колокол уже прозвенел. И тоже здесь подсказка в том, что если большое количество людей объединяются, то значит, что что-то здесь определенное недовольство действиями властей»* (Транскрипт митинга в защиту дома Юргенса 16.10.2010. Защитник сквера на ул. Ивана Фомина). Высокий уровень консолидации в сетях между членами различных локальных сообществ, оспаривающих город-

ское пространство, демонстрирует наличие символики — зеленых лент. Однако следует подчеркнуть, что на дискурсивном уровне легитимации представителей градозащитных организаций и членов локального сообщества, отстаивающих сохранность здания на ул. Жуковского, 19, расходятся. Например, участники «Движения гражданских инициатив» и «Живого города» в большей степени апеллируют к исторической ценности особняка Юргенса: «*Это невысокое трехэтажное здание. И таких зданий не так и много осталось в городе. Мы знаем, что такие здания сопровождали всю историю Петербурга и найти в первоизданном виде невысокий дом не так уж и легко... Не обязательно знать какие-то градостроительные нормы и законы для того, чтобы понимать, что город в своем сердце, в своей исторической части должен оставаться таким, какой он есть*» (Там же. Дарья Минутина, движение «Живой город»). Однако защитники дома, которые представляют собой жителей ближайших к особняку Юргенса домов (ул. Жуковского, дома 17 и 21), апеллируют не к исторической, коммеморативной ценности здания, а скорее к рациональным, прагматическим мотивам, связанным с угрозой разрушения их домов в случае строительства бизнес-центра на месте снесенного дома на ул. Жуковского, 19: «*Значит, они собираются снести весь флигель уличный, дворовый и на этом месте построить 6-ти этажный деловой центр, как нам было сказано. И, самое главное, сделать подземную парковку. Это самое опасное... Ведь у нас единственное, что есть — это жилье, в котором мы живем. А они собираются это разрушить*» (Интервью б. Жительница дома № 17 по ул. Жуковского).

В сравнении со случаем оспаривания городского пространства на Томб-д'Иссуар, коалиции защитников дома Юргенса помещают свой случай в контекст иных градостроительных угроз в городе. Так, например, организация «Живой город» в ходе митинга демонстрировала плакаты с информацией об улицах, которые были исключены из охранных зон и поэтому находятся в ситуации риска сноса (рис. 7).

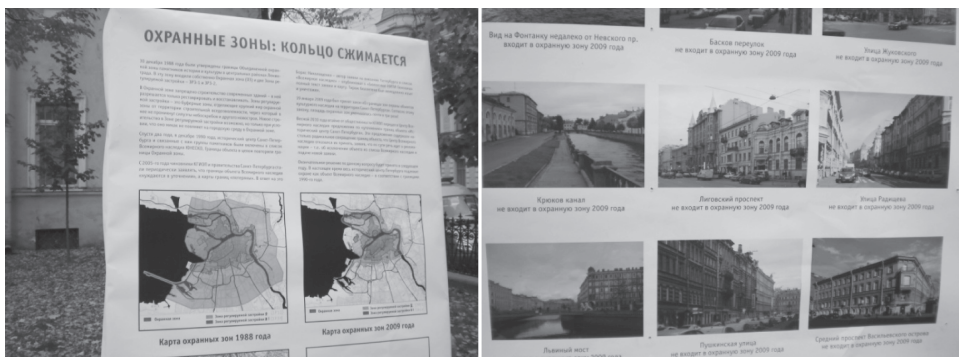

Рис. 7. Плакаты на митинге в защиту дома Юргенса

Заключение

Итак, каковы же причины различий протестных инициатив представителей локальных сообществ Санкт-Петербурга и Парижа? На наш взгляд, эти различия можно объяснить разными типами городских политических режимов в этих городах. Так, в Санкт-Петербурге сформировался политический режим в виде «машины роста» (Molotch 1976: 309–332) — симбиоза политических и бизнес-элит, или, в контексте нашего города, — строительных корпораций (Тев 2006: 99–121), извлекающих обоюдные выгоды (через эффективное использование городских территорий) посредством быстрого решения городских вопросов. Так, по словам лоббиста интересов локального сообщества улицы Жуковского депутата Сергея Малкова: *«Сегодня, когда признание домов аварийными становится одним из элементов строительного бизнеса, ваш митинг является частью общей борьбы за сохранение исторического центра нашего города. Городская власть с инвесторами придумали красивое название для прикрытия своих истинных действий: «развитие Санкт-Петербурга». Но на самом деле, за словом «развитие» скрывается нечто прямо ему противоположное — уничтожение исторического центра ради сиюминутной прибыли»* (Обращение С.А. Малкова к защитникам дома Юргенса). Поэтому доступ локальных сообществ к легитимным способам борьбы ограничен, что заставляет их активнее прибегать к публичному протесту и консолидации ресурсов в коалициях с градозащитными движениями и другими инициативными группами. Необходимо отметить, что в европейских странах важными агентами городской политики выступают политические партии, влияние левых партий является препятствием для формирования коалиционных режимов в виде «машин роста» и большую роль в принятии градостроительных и иных решений имеют политические лидеры (Strom 1996: 455–481). Именно поэтому локальному сообществу Томб-д'Иссуар в течение нескольких лет удавалось легитимным образом оспаривать многочисленные заявки инвестора на уничтожение строений. Однако при смене политического лидера в административном округе инвестор получил право на реализацию градостроительного решения на снос зданий, и представители локального сообщества были вынуждены обратиться к публичному протесту. Таким образом, можно заключить, что различные конфигурации политического дискурса и структур политических возможностей обуславливают ограничения протестных инициатив локальных сообществ.

Литература

- Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005.
Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. М.: Три квадрата, 2010.

Ледяев В.Г. Городские политические режимы: Теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. № 3: Локальная политика, местное самоуправление: Российский и зарубежный опыт. М.: РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед., 2008. С. 32–60.

Ледяев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 3 (70). С. 23–51.

Тев Д. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // Политическая экспертиза. 2006. Т. 2. № 2. С. 99–121.

The anthropology of space and place: locating culture / Ed. by Setha Low and Denise Lawrence-Zuniga. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2003.

Cefai D., Mello M. A., Berocan V. F., Reis M. F. Arenas públicas. Poruma etnografia da vida associative. Niterói, RJ : EDUFF, 2011.

Certeau de M. The Practice of Everyday Life. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984.

Cherval A. La gentrification à Paris intra-muros: dynamiques spatiales, rapport sociaux et politiques publiques. Thèse de doctorat. Décembre 2008.

Djirikian A. La gentrification du Marais: quarante ans d'évolution de la population et des logements. Thèse de doctorat. Juin 2004.

Harvey D. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1991.

Logan J.R., Molotch H.R. Urban fortunes: the political economy of place. Berkeley: University of California Press, 1987.

Low S. M. On the Plaza: the politics of public space and culture. Austin: University of Texas Press, 2000.

Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. 1976. 82 (2). Pp. 309–332.

Stone C.N. Pre-emptive power: Floyd Hunter's community power structure reconsidered // American Journal of Political Science. 1988. 32 (1). Pp. 82–104.

Stone C. N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.

Strom E. In Search of the Growth Coalition: American Urban Theories and the Redevelopment of Berlin // Urban Affairs Review. 1996. 31 (4). Pp. 455–481.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА САРАТОВА: ЭВОЛЮЦИЯ ВЛАСТНОГО ДИСКУРСА

В статье определены характерные черты современной застройки в российском областном центре (на примере Саратова). Проанализированы два периодических издания «Новые времена в Саратове» и «Наша версия», а также выпуски Информационного агентства «Взгляд-инфо» за 2008–2013 гг. Анализ содержания СМИ позволил расшифровать дискурсы, которые существуют в городском сообществе по поводу перспектив и моделей городского развития. Были сделаны выводы, что социокультурное осмысление городской застройки предполагает выяснение ценностных основ превращения бывшего социалистического города в капиталистический. Дискурс-анализ региональной прессы позволяет реконструировать ценностные основания градостроительной политики, а также определить особенности ее восприятия экспертным сообществом региона.

Ключевые слова: социология архитектуры, культура городской застройки, дискурс-анализ, городские исследования.

1. Введение

Постсоветский транзит российского общества сопровождается модернизацией социалистической городской застройки. Встраивание национальной экономики в глобальную приводит к форматированию облика городов. Застройка, сформированная в советский период, становится полигоном градостроительного экспериментирования в капиталистическом ключе. Развитие современного города происходит в контексте глобализационных процессов, растущей конкуренции между урбанизированными центрами за капиталы, людей и ресурсы (Визгалов 2008; Согомонов 2010; Бабуров 2012).

В советский период заводы являлись градообразующими предприятиями, которые подверстывали городскую застройку под обеспечение собственных потребностей. После распада СССР новые экономические и культурные формы стали утверждаться в первую очередь с освоения производственных пространств, разорившихся промышленных предприятий (Макарова 2010). В постиндустриальный этап общественного развития все большее значение приобретают информационные и научно-

Карпов Юрий Владимирович — аспирант Саратовского государственного технического университета (ketchup2007@mail.ru).

емкие технологии, а также сфера потребления и услуг. Расширение роли частного капитала в сфере городского развития и застройки создает давление на архитектурную среду, особенно на исторический центр советских индустриальных городов.

Застройка центральной части многих российских городов была исторически ориентирована на «малые» формы использования: торговлю по типу специализированных магазинов, кафе, клубы. В настоящее время зданиям, предполагающим экономию на масштабе, проще и естественней появляться в периферийных районах города (Карпов 2000). Однако предпринимателям выгодно освоение именно центральных зон, а значит, возникает градостроительная дилемма, создающая угрозу историческому центру города. Актуальность исследования обосновывается в первую очередь острыми разногласиями между застройщиками, чиновниками и общественностью по поводу перспектив развития города, возникающих в процессе *трансформации пространства постсоветского города*.

Социальные ученые, работающие в критической парадигме, негативно оценивают неолиберальные тенденции, проявляющиеся в градостроительной политике. Х. Молоч был одним из первых, кто стал критиковать популярное мнение о полезности для всех горожан максимального извлечения прибыли из всего, что возведено в городе. Другими словами, масштабные строительные проекты не всегда идут на пользу всем жителям города (Molotch 1976: 309–325). Экономический рост влечет за собой взлет цен на жилую и торговую недвижимость.

Зарубежные социологи давно обратили внимание на иррациональную уверенность городских властей в том, что стоит родной город сделать похожим на Лондон, Токио или Нью-Йорк, как тотчас в него хлынет поток капитала и инвестиций (Brenner, Marcuse, Meyer 2009: 176). Ведь, как утверждают неолибералы, любой город мира при соблюдении определенных правил может добиться успеха. Следовательно, города мира в погоне за престижем обязаны состязаться друг с другом за право привлечения ограниченных финансовых ресурсов.

Зарубежная критика наполеоновских планов городских властей сосредотачивается на утверждении, что в результате серийного строительства таких архитектурных символов мирового города, как высотные жилые здания, торговые комплексы, центры развлечений, подрывается местный бюджет (Marshall 2003). Городские власти постепенно переориентируются с управления и заботы о населении на предпринимательскую деятельность по привлечению внутренних и внешних инвестиций (Harvey 2001: 359). Таким образом, западный вариант превращения города в оптимальное место локализации и ведения бизнеса, требующий реконструкции городской застройки, зачастую приводит

к падению уровня общественного согласия и снижению удовлетворенности жизнью, росту имущественной сегрегации (Вендина 2010).

Город превращается в арену споров за пространство. Кто имеет право решающего голоса в определении градостроительной политики и перспектив городского развития? С одной стороны сходятся голоса потенциальных туристов и бизнес элиты, в другом лагере — обычные жители, не обладающие статусом мирового класса. Возникает вопрос: чем является город? Или это место аккумуляции капитала, или же место повседневной деятельности горожан? (Purcell 2008: 105). Первым право горожан на удобный город сформулировал еще Анри Лефевр в 1968 г.

Социологическое исследование культуры застройки актуализируется критическим неомарксистским подходом и предполагает расшифровку дискурсов о современном городском развитии. Однако вопросы о том, кем конструируются и как эволюционируют представления о перспективах городской застройке, игнорируются, обходятся стороной. В настоящем исследовании мы попытаемся определить особенности властного и гражданского дискурса о городской застройке с помощью анализа содержания средств массовой информации.

Работа Х. Молоча была написана в 1970-е гг. на материале США, в то время бизнес имел сильное влияние на администрацию и являлся главным распорядителем, диктующим свое видение будущего американского города. В России 2000-х гг. подобное влияние также имеет место, но оно не столь очевидно на нашем материале, хотя и просвечивает между строчек газетных статей. Для Х. Молоча было ясно: горожане выступают против уничтожения зданий и объектов городской застройки, т. к. они важны как топосы городской памяти или просто привычны (Logan, Molotch 1987; Dirlík 2005: 49–50). Для саратовчан главной причиной недовольства новым строительством является возрастание социальной нагрузки на центр города, связанной с пробками, сокращением зон отдыха и т. д. Американские градозащитные мотивы разделяются в России лишь узким экспертным сообществом. Российская специфика ярко проявляется в дискурсе общественности, для которой не актуальны зарубежное противоречие между повседневной привычкой горожан к архитектурному окружению и глобализационным призывом к рациональному и прагматичному использованию городского пространства (т. е. его конвертации в инвестиции).

Таким образом, можно предположить, что в региональной прессе вокруг проблем застройки складываются два дискурса: чиновников и экспертов в области архитектуры. Исследование саратовских средств массовой информации позволит реконструировать структуру и показать эволюцию соперничающих представлений о сущности и будущем города.

2. Методика исследования

В последние пять лет облик Саратова стремительно изменяется. У многих саратовчан, а также у чиновников и экспертов формируются образы — пока еще смутные — будущего города. Анализ содержания СМИ позволил расшифровать дискурсы, которые существуют в городском сообществе о перспективах и моделях городского развития, реконструировать различные точки зрения на будущее городской застройки. Исследование коммуникативного эффекта архитектуры строится на допущении того, что застройка является индикатором социально-экономических трансформаций.

Нас интересовал дискурсивный контекст, сопровождающий процесс современной застройки Саратова, в частности, эволюция стратегии оправдания и обвинения строительной политики в областном центре. Мы проанализировали, как изменился дискурс конфликта власти и общественности по поводу городской застройки, в первую очередь, смещение акцентов и изменение логики обсуждения проблем городской застройки в региональных СМИ за последние шесть лет. В качестве эмпирического материала были выбраны статьи двух периодических саратовских печатных изданий «Новые времена в Саратове» и «Наша версия» за 2008–2013 гг., а также выпуски Информационного агентства «Взгляд-инфо». Данные источники входят в десятку наиболее цитируемых саратовских периодических изданий (по версии исследовательской компании «Медialogия»).

За единицу дискурсивного анализа была принята статья, содержащая обсуждение проблем городской застройки. При анализе в центре внимания была идейная направленность статей. Дискурсивный анализ предполагал определение таких не жестких элементов содержания текста, как сюжет, функции действующих лиц, тема (Таршис 2002: 71–92). Социокультурное осмысление городской застройки требует выяснения ценностных основ (через анализ дискурса власти, экспертов, общественности) переформатирования бывшего социалистического города в капиталистический. Дискурс-анализ региональной прессы позволил реконструировать властное обоснование современной застройки, а также определить особенности ее восприятия (и в том числе степень удовлетворенности) экспертным сообществом региона. Мы попытались найти ответы на следующие вопросы. Какие споры по поводу развития города возникают? Как ситуацию видят чиновники, общественность, эксперты в градостроительстве, предприниматели? **Какие споры возникают вокруг официальной модели развития города?**

В исследовании задействована вся определенная совокупность источников, поскольку подлежащие дискурс-анализу статьи доступны в интернет-версиях газет. В поисковую строку загружалось слово

«застройка». Таким образом было отобрано 44 статьи из газеты «Наша версия», 98 статей из газеты «Новые времена» и 69 новостей информационного агентства «Взгляд-инфо».

Конструкционистский подход вырос из попытки привнести субъективистский компонент в процесс познания реальности (Бест 2001). Исследователи обращали внимание на анализ утверждений или суждений, высказываемых по поводу тех или иных социальных явлений (Спектор, Китсьюз 2000), а также конкуренции в публичном дискуссионном пространстве различных точек зрения (Хилгартнер, Боск 2000: 18). Мы вдохновлялись работой И. Ясавеева, где анализируются способы, с помощью которых российская власть дезавуирует попытки различных элементов гражданского общества вынести на повестку дня обсуждение неудобных для властных элит социальных проблем. И, наоборот, в контролируемых государством СМИ внимание зрителей обращается на «правильные» социальные проблемы (Ясавеев 2006: 91–102). Прекрасно показав механизмы дискурсивной войны, казанский социолог, занимающий крайне субъективную позицию, выступает с резкой критикой государственного аппарата и апологией НКО и других элементов гражданского общества.

Статья вносит вклад в анализ социальных процессов постсоветского города. Влияние капиталистических тенденций неолиберального курса городской экономики на реконструкцию городских территорий раскрывается на материале региональной прессы, что является в известном смысле экспериментальным решением. Практическая значимость статьи заключается в попытке раскрыть несоответствие дискурсивных оснований различных публик вокруг городского развития города Саратова.

3. От генерального плана развития города до разработки регламентов застройки исторического центра (2008–2011)

Экономическое развитие региона отражается в изменении архитектурного облика его центра. За последнее десятилетие в областных центрах наметилась тенденция формирования так называемого «Сити» — нового центра, в котором административные здания дополняются торговыми комплексами и офисными высотками (Корнев, Мищенко, Тихонов, Травин 2008: 119–135). О различных вариантах и проблемах капиталистической реконструкции центров городов, созданных еще в социалистическое время, писал В.Л. Глазычев*.

* В Ижевске архитектурным центром города осталась сегодня огромная центральная площадь и гигантский пруд, создающие ощущение пустоты. В Чебоксарах вокруг водоема возникает второй административный центр с новым

В 2008 г. был принят Генеральный план Саратова, раскритикованный общественностью и архитекторами за разрешение точечной застройки и преследование интересов бизнес-структур в ущерб историческому облику города и комфортности жизни горожан. Во время презентации Генплана глава городского комитета по архитектуре В. Вирич отметил, что его цель в укреплении института частной собственности и способствовании расселению бедных слоев населения в периферийные районы (Вилков 2008). Этот план дал зеленый свет строительным компаниям, заинтересованным в стремительном преобразении ветхого Саратова, в первую очередь путем возведения торговых и офисных центров, а также элитного жилья.

Однако с 2008 по 2010 г. публикации на тему застройки в саратовской прессе были связаны не с застройкой исторического центра, а с коттеджным строительством на окраине города. Периферийные районы социалистической застройки быстро осваивались строительным капиталом. Оказалось, что опытные поля Научно-исследовательского института сельского хозяйства Юго-Востока, территория аэропорта являются прекрасным ресурсом развития жилищного строительства. Кроме того, строительный бизнес повел наступление и на зоны отдыха горожан, парки, скверы. В защиту досуговых и зеленых зон от точечной застройки чиновники и общественность выступили единым фронтом.

Каковы же причины недовольства точечной (уплотнительной) застройкой? Можно говорить одновременно и о нарушении архитектурного ансамбля города Саратова, и об ухудшении условий жизни саратовчан. Под угрозой сноса наиболее уязвимыми объектами оказались парки и скверы. Для постройки на их месте высокодоходных зданий (офис-центры, элитное жилье) во многих случаях требуется лишь заключить известное соглашение с чиновниками. Освещение в СМИ получила история о попытке сноса Центра детского творчества с целью коммерческого строительства на его месте (Фомичев 2005).

высотным офисом республиканской администрации. Старая Казань уходит в тень, замещаясь группой объектов, предполагающих автономное прочтение, во главе с развлекательным комплексом «Пирамида». Центральная зона Калининграда была застроена торговыми центрами, при этом огромный театр был возведен в отдаленном от центра парке, что перечеркнуло возможность формирования компактного Сити. В Перми и Красноярске есть финансовые ресурсы для формирования Сити, однако новая застройка в центре города невозможна, а значит, появляются идеи формирования нового центра на новом месте. В Челябинске новый торговый и офисный и старый советский центры находятся в относительном отдалении друг от друга (Глазычев, Аппенцелер 2012).

Чиновники реагировали на недовольство горожан по поводу уплотнительной застройки. Однако в своих выступлениях представители власти почти не вспоминали о том, что уплотнительная застройка негативно сказывается на целостности исторического облика города. В дискурсе чиновников доминировала идея прекратить передачу в частные руки городских зон отдыха (Синюков 2010).

О необходимости сохранения исторического центра чиновники заговорили лишь в конце 2010 г. в связи со строительством небоскреба на Набережной. Данный проект вызвал протесты со стороны как общественности, так и власти, и на страницах прессы можно было наблюдать трогательную сплоченность чиновников и гражданского общества. Однако анализ дискурса представителей власти показывает, что беспокойство чиновников связано вовсе не с сохранением культурно-исторического наследия.

Дискурс-анализ заявлений по поводу строительной политики позволяет выявить следующие особенности логики чиновников. В 2010 и начале 2011 г. в анализируемых изданиях публиковались интервью, в которых заведующий кафедрой дизайна архитектурной среды Саратовского государственного технического университета, депутат Государственной Думы, областной министр культуры, областной министр строительства утверждали, что новые здания, появляющиеся в историческом центре, не должны приходить в эстетическую дисгармонию со старыми зданиями. Рефреном звучала мысль о том, что *«город нельзя законсервировать, это все-таки не музей»* (Кудрявцев 2010).

С одной стороны, представители власти отмечали, что застройка центра *«должна вестись с учетом исторического контекста»* (Синюков 2010). С другой, главным приоритетом объявлялось не сохранение архитектурного наследия, а строительство новых зданий, которые *«украшают город»* (Гливенко 2010). Новое здание «Россельхозбанка» приводилось в пример как *«образец для осуществления уникальных проектов, не уступающих творениям старины»* (Филиппов 2011).

Однако здесь возникают вопросы, какие здания действительно являются предметами исторического наследия, которые следует сохранить, а какие здания следует снести как ветхое жилье. Какие районы следует объявить неприкасаемыми, а в каких регламенты застройки сделать более удобными для строительного бизнеса? Данные дилеммы и стали камнем преткновения в споре общественности и власти.

4. Битва за центр (2011–2012)

С 2011 г. проблемный узел начал образовываться вокруг исторического центра Саратова. Концентрация деловой и культурно-досуговой активности стала объективно угрожать целостности исторического об-

лика города. Перед Саратовом был поставлен вопрос о перспективности и обоснованности размена истории (уникальности) на сиюминутные финансовые выгоды. Выбор городскими властями приоритетов строительной политики произошел под влиянием призыва премьер-министра РФ В. Путина ломать административные барьеры и ускорять передачу земли в руки инвесторам под дальнейшую застройку (Анненков 2010). Темп строительства новых сооружений стал критерием оценки эффективности работы местных администраций.

Региональные чиновники оказались в сложной ситуации. Во-первых, федеральная власть заявляет о том, что новое строительство в городах является важнейшим фактором развития региона, а, следовательно, бизнесмены должны получить зеленый свет и расширять зоны современной застройки. Во-вторых, горожане негативно относятся к уплотнительной застройке, а также к переходу городских зон отдыха в частные руки. В-третьих, чиновники в силу должностных обязанностей являются защитниками архитектурного наследия города и в то же время главными заинтересованными лицами в деле смягчения регламентов коммерческой застройки исторического центра.

Всплеск внимания к проблемам архитектуры Саратова в конце 2011 г. был вызван началом разработки регламентов застройки города. Эксперты и общественность указывали на роль архитектуры старого города в повышении инвестиционной и туристической привлекательности областного центра (Петров 2011). Глава городского комитета по архитектуре А. Кискин утверждал, что *«потеряв своеобразие, историческое наследие, утратив свой неповторимый городской ландшафт в виде силуэтов, обзорных панорам, Саратов станет неинтересен никому. Сюда не только не придет инвестор, отсюда продолжат уезжать жители»* (Пшеничная 2011).

Осенью 2011 г. городской комитет по архитектуре совместно с кафедрой архитектуры и дизайна Саратовского государственного технического университета разработал регламенты застройки исторической части города. Предполагалось, что этот проект будет обсуждаться на общественных слушаниях и вовлеченность горожан в проблемы переустройства города станет важным критерием повышения гражданской культуры.

В конце 2011 г. состоялись две научные конференции «Искусство и власть в современном городе» (участники — культурологи, искусствоведы, социологи) и «Современные проблемы сохранения и развития исторических центров крупных городов в условиях реконструкции» (участники — известные архитекторы, строители, проектировщики и представители местной власти). Если на первом мероприятии обсуждались социокультурные вопросы развития архитектуры Саратова, то на

втором говорили о практических аспектах. Суть проблемы была высказана доцентом кафедры дизайна архитектурной среды СГТУ еще в 2010 г. Л. Тарасовой. В интервью Л. Тарасова сетовала, что *«застройка исторических зон велась и раньше, но в последнее время она стала похожа на настоящий варварский захват. В августе к нам обратился господин Прокопенко с призывом, мол, давайте спасать старинный облик Саратова. Но, как его спасешь, если четких цивилизованных правил того, где, что и как именно можно строить, сегодня не существует»* (Тарасова 2010).

Под давлением общественности изменялся и властный дискурс. Аргументация строительной политики представителями власти претерпела определенные изменения. В 2010 и 2011 гг. чиновники говорили о необходимости сохранения эстетической привлекательности архитектурного облика, а также о нежелательной социальной нагрузке, которую точечная застройка накладывает на центр города. В 2012 г. на первый план выдвинулся призыв к архитектурной экспансии, строительному освоению исторической части города. Один из депутатов областной думы и по совместительству глава строительной компании обещал, что очень скоро *«мы сможем обратить больше внимания на исторический центр города. Уже сейчас у главы города лежит регламент застройки центра. В нем есть запрет на строительство домов выше шести этажей. И это правильно — у нас не Нью-Йорк, в самом деле, есть чем гордиться помимо свечек»* (Сорокин 2012).

В заявлениях представителей власти (в частности, областного министра строительства) стали появляться напоминания о важности инвестиций, успешность привлечения которых стала напрямую связываться с созданием условий для активного строительства. *«В России — кризис исторической среды. И понятные условия инвестирования — это ключ для инвестора, который хочет реконструировать город»* (Шипилова 2012). Действительно, ведь *«земельные участки в центрах городов инвестиционно привлекательны. Но их освоение сдерживается наличием аварийного и ветхого жилфонда»* (Канчер 2012). По мнению чиновников, в Саратове должны появляться здания, которыми *«можно гордиться»* и *«можно показать гостям нашего региона»* (Сурков 2012).

Итак, развитие Саратова во властном дискурсе было связано с архитектурным обновлением города. Однако строительство в наиболее привлекательных местах должно быть ограничено разрабатываемыми регламентами застройки. *«В случае потери исторического облика город перестанет быть интересен, перестанет быть узнаваемым»*, — сказал в одном из интервью глава городского комитета по архитектуре А. Кискин. Согласно озвученным предложениям, исторический центр будет поделен на зоны: И-1, И-2, И-3. В зоне И-1 расположена *«самая древняя часть города (берег Волги), и поэтому здесь предусмотрен самый жесткий*

регламент застройки». А. Кискин подчеркнул, что главной задачей, стоящей перед мэрией, является сохранение лица областного центра и памяти о наших предках. «*Во всех подзонах должна сохраниться стилистика исторического центра*», — подытожил главный архитектор (Кискин 2012).

Любопытно, что в выступлениях чиновников предлагаются два радикальных варианта — или превращение центра в архитектурный музей, или свободная политика застройки с фактическим уничтожением памяти о старом Саратове. Первый вариант предполагал превращение центра города в музей-заповедник и фактическое создание нового делового центра в существенном отдалении от исторического. В соответствии со вторым вариантом исторический центр отдается на откуп бизнесу, при условии сохранения лишь наиболее важных культурных памятников (Гливенко 2011).

Оба варианта не предполагали поиска таких компромиссных путей, как, например, стимулирование реконструкции памятников архитектуры вместо нового строительства. Вопрос о будущем исторического центра повис в воздухе. Оба варианта подчеркивались как утопические, однако подобную стратегию аргументации можно расценить как осторожное подведение горожан к мысли о неизбежности развития событий по второму варианту — выгодному застройщикам.

В данном контексте не кажется странным, что в феврале 2012 г. разгорелся скандал вокруг главного архитектора города А. Кискина. Разработанные регламенты застройки исторического центра не были утверждены главой администрации Саратова. По мнению исполнительной власти, проект регламентов застройки, будучи принятым, затруднил бы развитие деловой активности и снизил инвестиционную привлекательность города (Гливенко 2012). Как говорится, комментарии излишни.

5. Перспективы и новые идеи

Каковы же перспективы развития города? Попыткой найти компромисс между запросами бизнеса и требованиями общественности можно считать «Программу по развитию застроенных территорий», подготовленную в областном министерстве строительства и ЖКХ. В соответствии с этой «Программой» чиновники надеются заинтересовать предпринимателей возможностью вкладывать средства в реконструкцию памятников архитектуры, получая в награду определенные бенефиции. Например, спонсорам могут даваться привилегии по сносу аварийного и ветхого жилья и строительства на освободившемся месте доходных построек.

Снизить социальную нагрузку на центр города предлагается путем отказа от уплотнительной застройки. Чиновники выступают за строи-

тельство закрытых кварталов прямо на месте ветхих построек. Современные стандарты элитного жилья предполагают возведение домов-кондоминиумов с набором инфраструктурных и охранных функций, рекреационными зонами и подземными парковками. Решающим фактором привлекательности подобного жилья в глазах обеспеченных горожан является их расположение в центре города (Козлова 2009) (на этом и делается обычно упор в рекламных акциях)*. Освоение бизнесом коммерчески привлекательных зон оказывается причиной конфликта по поводу сохранения архитектурного наследия между застройщиками и общественностью.

В качестве оправдания застройки в историческом центре представителями власти утверждается, что аварийное жилье в любом случае надо будет сносить. Министр строительства в одном из публичных заявлений провел сравнение с Волгоградом, где полностью запрещена точечная застройка и предпочтение отдается комплексной застройке. Изменение архитектурного облика центра Саратова чиновниками представляется как неизбежное и объективное явление. Однако к оценке данных процессов можно подходить по-разному.

Чиновниками также был подготовлен проект перевода земельных участков бывших заводов в зоны перспективного развития. Речь идет о центральном районе, выходящем к Волге, что требует и расширения Набережной Саратова. По проекту реновации Набережная рассматривается как основное направление развития города на ближайшие десятилетия. Планируется возведение среднеэтажного жилья, создание зеленых и парковых зон, пляжей. Вместо приборомеханического завода предлагается построить большую гостиницу, у городского парка — сити-холл с выходом на Волгу. Главным направлением реконструкции является обеспечение связи одной из старейших улиц города (улицы Чернышевского) как с исторической частью города, так и с набережной (Петров 2012).

Тупик реконструкции исторического центра стал фактором поиска новых проектов делового и жилого строительства. Президент ООО КБ «Инстройбанк» Э. Гасанов предложил городу новую роль — столицы Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Вниманию общественности и власти был предложен инвестиционный проект «Зеленый остров». Предполагается посреди Волги возвести сеть гостиничных комплексов и целый парк развлечений для всех времен года и даже

* «Здесь предусмотрено все для спокойной, комфортной жизни: музей им. А.Н. Радищева, театр кукол «Теремок», «Филармония», «Консерватория», рестораны, модные магазины и бутики центра города, парк «Липки». И все это в пределах десяти минут неторопливой пешей прогулки» (реклама компании «Шелдом»).

незамерзающую бухту. Областная Торгово-промышленная палата и ООО «Деловой Саратов Инвест Информ Групп» предложили инвестиционный проект создания «Саратов Сити-парка», разбитого на деловую, научную, жилую, рекреационную, спортивную зоны (Гливенко 2013). Однако пока все проекты развития города остаются на бумаге.

Заключение

В настоящее время идет процесс выбора пути развития Саратова. Застройка воспринимается в качестве фактора, определяющего будущее областного центра. Существует несколько вариантов развития событий. Первый вариант предполагает постепенное «поедание» всех наиболее выгодных мест акулами строительного бизнеса, что приведет к превращению центра города в зону развлечений, работы и жилья наиболее преуспевающих слоев населения. Процессы социально окрашенной сегрегации будут разворачиваться полным ходом независимо от того, в каком районе будет строиться элитное жилье. Этот план вписан в логику развития капитализма, переформатированием города будет распоряжаться невидимая рука рынка до тех пор, пока развитие не натолкнется на пространственные рамки. Второй вариант подразумевает сохранение памятников архитектуры и вынесение делового бизнес-центра за пределы Саратова. Данный вариант представляется наиболее прорывным в инвестиционном плане и в то же время наиболее рискованным.

Пожалуй, основной тенденцией капиталистического переустройства города является уничтожение социальной однородности советских городов. Обращение внимания на особенности городской застройки позволяет ввести в оборот идеи классиков Чикагской школы, утверждавших значимость для социального взаимодействия понятия конкуренции между индивидами за ограниченные пространства (привлекательные в качестве места для жилья и расположения бизнеса). Данная концепция созвучна с идеями П. Бурдьё о физическом пространстве как своеобразном капитале борьбы индивидов в социальном пространстве, результаты которой и воплощаются в утверждении социальной однородности того или иного района. Другими словами, социальные структуры проецируются в физический мир и в реальном пространстве воссоздают существующие социальные дистанции.

Проведенное исследование позволяет поставить новые вопросы: как к переустройству Саратова относятся граждане? Обеспокоены ли они судьбой архитектурного облика города? Есть ли различия в этом отношении в разных социально-демографических группах? Какова символическая значимость застройки? Какое коммуникативное воздействие она производит на горожан? Поиск ответа на эти вопросы — дело будущего исследования.

Литература

- Бабуров В.* Умные города: история успеха // Отечественные записки. 2012. № 3.
- Бест Дж.* Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности-II: Хрестоматия / Сост. и ред. С. А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 164–175.
- Вендина О.* Можно ли увидеть четкие перспективы в туманном будущем городов? // Муниципальная власть. 2010. № 2. С. 106–115.
- Визгалов Д.* Маркетинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008.
- Глазычев В., Анпенцелер М.* Большой город — большие проблемы // Отечественные записки. 2012. № 3.
- Карпов А.Е.* Имплотация городского пространства: проблема существования центра в городах современной России // Российское городское пространство: попытка осмысления: науч. докл. М. : МОНФ, 2000. С. 92–112.
- Корнев Н.Р., Мищенко А.С., Тихонов А.В., Травин И.И.* Социокультурные трансформации в контексте социальных изменений // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корреспондент РАН М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 119–135.
- Макарова К.* Постиндустриализм, джентрификация и трансформация городского пространства в современной Москве // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 279–296.
- Согомонов А.* Современный город: стратегия идентичности // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 244–254.
- Спектор М., Китсьюз Дж.* Конструирование социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2000. С. 12–17.
- Таршиц Е.Я.* Перспективы развития контент-анализа // Социология: 4М. 2002. № 15.
- Хилгартнер С., Боск Ч.Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ. И. Г. Ясавеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 18–54.
- Ясавеев И.Г.* Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 1. С. 91–102.
- Brenner N., Marcuse P., Meyer M.* Cities for People, not for Profit. Introduction // CITY. 2009. Vol. 13. No 2/3. Pp. 176–184.
- Dirlik A.* Architectures of Global Modernity, Colonialism, and Places // Modern Chinese Literature and Culture. 2005. Vol. 17. Pp. 33–61.
- Harvey D.* From Managerialism to Entrepreneurialism: the Transformation in Urban Governance in Late Capitalism // Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. N.Y.: Routledge, 2001. Pp. 345–368.
- Logan J.R., Molotch H.L.* Urban Fortunes: the Political Economy of Place. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Marshall R.* Emerging Urbanity: Global Urban Projects in the Asia Pacific Rim. N.Y.: Spon Press, 2003.
- Molotch H.R.* The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. No 2. Pp. 309–355.

Карнов Ю.В. Капиталистическая реконструкция исторического центра...

Purcell M. Recapturing Democracy: Neoliberalization and the Struggle for Alternative Urban Futures. N.Y.; L.: Routledge, 2008.

Источники

Анненков А. Ломать барьеры! // Новые времена в Саратове. 2010. № 32.

Вилков С. Все идет по Генплану // Новые времена в Саратове. 2008. № 19.

Гливенко Н. Населенный пункт. Интервью с Н. Панковым // Наша версия. 2010. 26 ноября.

Гливенко Н. Поношенное наследие // Версия. 2011. 9 декабря.

Гливенко Н. Гнусен замысел // Версия. 2012. 24 февраля.

Гливенко Н. Парковая зона // Версия. 2013. 8 февраля.

Канчер С. Застройку сдерживает аварийный жилфонд // ИА Взгляд-инфо. 2012. 7 сентября.

Кискин А. Центр Саратова поделят на три зоны застройки // ИА Взгляд-инфо. 2012. 1 июня.

Козлова О. Элитные помойки // Версия. 2009. 25 декабря.

Кудрявцев В. О дизайне, амбициях и жизни зданий // ИА Взгляд-инфо. 2010. 29 июля.

Петров И. Центр Саратова могли снести. Интервью с Л. Тарасовой // Новые времена. 2011. 16 декабря.

Петров И. Променад пять километров // Новые времена. 2012. 13 июля.

Пшеничная П. Саратовский Гуггенхайм где вы? Интервью с А. Кискиным // Новые времена. 2011. 30 сентября.

Синюков В. Интервью // ИА Взгляд-инфо. 2010. 28 декабря.

Сорокин А. Ни хрена мы с ними не сделаем // Наша версия. 2012. 20 июля.

Сурков А. Аэропорт должен быть введен в эксплуатацию в 2015 году // ИА Взгляд-инфо. 2012. 1 ноября.

Тарасова Л. Интервью // ИА Взгляд-инфо. 2010. 8 декабря.

Филиппов Д. Задание на год — миллион «квадратов»! // Новые времена. 2011. 21 января.

Фомичев К. Отвергнутые дети Аксененко // Новые времена в Саратове. 2005. № 31.

Шипилова А. Ключ от города // Новые времена. 2012. 1 июня.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОСТИ

Т.В. Шипунова

ПРОДВИЖЕНИЕ ДЕВИАНТНЫХ ОБРАЗЦОВ ПОВЕДЕНИЯ КАК (А)СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ*

Автор рассматривает Интернет как совокупность субъектов и средство неформального социального контроля девиантности. В статье ставится проблема исследования виртуальных коммуникационных ресурсов с точки зрения конструирования и продвижения ими (а)социальных проектов девиантной направленности с применением стратегий, технологий и методов социального маркетинга. Предлагаются направления и содержание исследований в рамках данной проблемы с позиций конструктивизма. В статье рассматриваются два (а)социальных проекта с точки зрения их продвижения в практике виртуальных коммуникационных ресурсов и хабиутализации девиантного контента.

Ключевые слова: (а)социальный проект, хабиутализация, социальный маркетинг, виртуальная коммуникация, интернет-мемы, призонизация, девиантность, социальный контроль, тюремная субкультура.

Постановка проблемы

Современное общество все более убедительно демонстрирует отказ от модели развития, предусматривающей создание одной-единствен-

* Статья подготовлена по проекту РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Использование стратегий (социального) маркетинга в продвижении девиантных образцов поведения: анализ практик виртуальных коммуникационных ресурсов», проект № 13-03-00011а.

Шипунова Татьяна Владимировна — доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (shtatspb@yandex.ru)

ной, желательной и обязательной реальности, и переход к модели «общество возможностей», предполагающей движение от реального к возможному. Особое место в этой модели отводится Интернету, который дает новому человеку Homo Possible почувствовать себя полноценным в возможностном мире благодаря быстрой динамике изменений (виртуальных) жизненных ситуаций, смене ролей и имиджей, демонстрации себя (разного) другим людям, что подкрепляет его ощущение проявленной индивидуальности. Интернет развивает и усиливает поппулистский характер социальной реальности за счет предоставления все больших (в том числе — мнимых) возможностей для самореализации, приобщения к чему-то большому («глобальная сеть»), удовлетворения потребности быть увиденным всеми («шоуизация жизни»). Самозванческая самопрезентация, нацеленная в конечном счете на самоидентификацию, может распространяться от принятия на себя вымышленной роли в Интернете до поиска идентичности на материале девиантной субкультуры (Тульчинский 2003: 96). В результате Интернет становится институтом неформального контроля поведения людей. Будучи более эффективным, чем формальный, неформальный контроль непосредственно влияет на социальный контроль девиантности, протекающий в реальности, усиливая или уменьшая его действенность.

Блоги, форумы, социальные сети становятся публичными аренами для обсуждения девиантных явлений*. Они играют важную роль в формировании представлений о нормальном/ девиантном, определяя тем самым семантику социальной реальности вне Интернета. Можно предположить, что для продвижения своих идей, конструктов «норма/ девиация», ценностей и идеалов владельцы сайтов, модераторы и члены сетевых сообществ активно задействуют (иногда не осознавая этого) маркетинговые стратегии в продвижении (а)социальных проектов. Можно найти сходство этих стратегий со стратегиями социального маркетинга, понимаемого как комплекс мер, направленных на коррекцию общественного поведения в сторону, желательную для социума (Котлер 2006: 180). Различие будет состоять в направлении коррекции (поддержание/ нарушение социальных норм), а также в том, что при трансля-

* Девиантное явление здесь — это любое нарушение социальных норм. Оно может иметь как позитивную, так и негативную направленность. Под позитивной девиацией понимается нарушение социально-неадекватных норм, которые не обеспечивают (привычные) взаимодействия людей в повседневных практиках, и, следовательно, чаще всего не соблюдаются ими, а также тех норм (обычно — права), которые разрушают status quo общества и признаются большинством людей неадекватными или устаревшими. Негативная девиация — это нарушение социально-адекватных норм.

ции *девиантных* образцов поведения* будут преследоваться интересы лишь части населения — определенной социальной группы, заинтересованной (сознательно или неосознанно) в продвижении новых стандартов поведения и в изменении традиционной морали и актуальных правовых норм, которые размываются и/или теряют свою адекватность в современной динамично развивающейся действительности. Существуют также специфические особенности использования стратегий, технологий и методов социального маркетинга, таких как маркетинговая, пиаровская, брендинговая стратегии, социальное проектирование и др., однако этот вопрос остается до конца не изученным. Чем более изощренным и разнообразным будет воздействие маркетинговых стратегий, применяемых участниками виртуальной коммуникации, тем больше возрастает вероятность опривычивания (хабитуализации) (Бергер, Лукман 1995: 89–91) определенных видов нарушения (изменения, трансформации) норм и тем с большей вероятностью человек, включившись в соответствующий интернет-ресурс, интериоризирует конструкт девиантности (который не обязательно имеет разрушительный, деструктивный характер), предлагаемый в качестве ценностной установки и модели поведения.

Современному обществу свойственна плюралистичность стандартов, поэтому люди (и особенно молодое поколение) приходят в замешательство по поводу того, что же считать «нормальным», а что нет. Новая реальность Интернета дает возможность выбора девиантного для данного общества (но нормального для другого) поведения, например, посредством трансляции фактов интер- и интракультурной вариативности норм в отношении сходного поведения, интракультурной вариативности норм в форме позиционального направления адресатов норм (аспект власти и господства) и т. д. (Lamnek 2001: 42). Следует также отметить, что виртуальные коммуникации позволяют пользователям самим участвовать в создании контента и тем самым укреплять различные модификации социальных норм и девиаций. Если некие идеи находят поддержку (и иногда популярность), то участники виртуальной коммуникации легко консолидируются с идеями разработчиков (а)социальных проектов, внося вклад в продвижение этих идей в социальную реальность. Данное обстоятельство, наряду с апробированием идей на практике (в социальной реальности), является наиважнейшим услови-

* Под девиантными образцами поведения мы понимаем не только и не столько совершенные девиации (которые имеют место быть и в Интернете), сколько *идеи* и/или *описания практик* нормонарушений, которые предстают как своего рода нарративы, транслирующие новые конструкты нормы/ девиации.

ем хабиитуализации создаваемых в Интернет-пространстве норм и девиаций, влияя на уровень девиантности в обществе, организацию социального контроля девиантности и шире — поведения людей, а также саму социальную реальность.

Таким образом, научная проблема состоит в исследовании виртуальных коммуникационных ресурсов с точки зрения конструирования и продвижения ими (а)социальных проектов девиантной направленности с применением стратегий, технологий и методов (социального) маркетинга, выполняющих тем самым функции неформального (а?)социального контроля девиантности, выступающего альтернативой социального контроля, существующего в реальной действительности. Новизна поставленной проблемы заключается прежде всего в необходимости использования конструктивистского подхода при анализе содержания конструкторов, способов моделирования новой (девиантной) модели поведения и продвижения ее интернет-пользователям, а также в рассмотрении виртуальных коммуникационных ресурсов как места для реализации (а)социальных проектов, направленных на изменение представлений о хорошем/ плохом, нормальном/ девиантном и распространение девиантных образцов поведения, как позитивной, так и негативной направленности*.

Потенциал конструктивизма (Дж. Г. Мид, Г. Блумер, А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, И. Гофман, Г. Гарфинкель, Дж. Серл) в российской социологии до сих пор используется не в полной мере, что относится и к области изучения девиантных явлений. Только в нескольких исследованиях данный подход применен для анализа конструкторов некоторых видов девиантного поведения — преступности (Смирнова 2007), делинквентности (Нурутдинов 2011), девиантности (Конструирование девиантности 2011), женского алкоголизма (Жук 2009) и др. Не менее насущной остается для отечественной социологии задача исследования Интернета.

Современная наука располагает литературой, посвященной как самому феномену глобальной виртуальной сети, так и ее влиянию на жизнь общества и человека. Выполненные научные исследования часто носят экономический характер (например, рассматриваются возможности и перспективы развития электронной коммерции, интернет-рекламы, интернет-магазинов). Благодаря научным исследованиям получают правовую интерпретацию некоторые девиантные феномены использования сети: хакерство и специфика борьбы с ним, интернет-мошенни-

* Дабы избежать ошибок в оценках, мы используем условное обозначение проектов как (а)социальных, где «а» взята в кавычки, что должно сгладить нежелательные коннотации.

чество, плагиат и т. д. Среди новых направлений зарубежных исследований можно назвать следующие: особенности коммуникации, специфика существования отдельных пользователей и групп (сообществ) в Интернете (A. Benschop); динамика развития Интернета и развития общества (Brian D. Loader & William H. Dutton); современные подходы к изучению новых медиа (Leah A. Lievrouw); использование инфраструктурных теорий управления Интернетом (L. DeNardis); цифровые медиа и персонализация спорных способов в политике (W. Lance Bennett & A. Segerberg) и др. Изучение девиантности в Интернет-коммуникациях ограничивается преимущественно рассмотрением отдельных видов девиаций: онлайн-преследования (harassment) в студенческой среде (M. Lindsay & J. Krysik); различные извращения в Интернете (Jenkins R. E. & Thomas A. R.); преступность, девиация и идентичность в Интернете (Y. Jewkes); взаимосвязь между девиантностью в Интернете и поиском идентичности (Sempsey J., Turkle S.); конструирование молодежной культуры, в том числе и девиантных форм, в масс-медиа (J. Suler, S. Cohen) и др.

Российские ученые также вносят вклад в исследование Интернет-пространства. Социологи уделяют большое внимание изучению как социальной системы киберпространства, так и отдельных видов девиантного поведения (С.В. Бондаренко, С.К. Тамазян, А. Гапич, Д. Лушников, М. Риор, В.Б. Наумов, Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, Н.А. Носов и др.). Однако социологическое объяснение феномена Интернета как фактора изменения социальных норм, трансформации представлений о норме/ девиации в литературе представлено недостаточно. Мало изучены процессы конструирования девиантности и совсем нет исследований, который были бы нацелены на системное рассмотрение содержания практик виртуальных коммуникационных ресурсов как деятельности по реализации (а)социальных проектов.

Исследование стратегий, методов и технологий, используемых в продвижении (а)социальных проектов, предполагает выявление механизмов создания и продвижения новых ценностей, норм и девиаций, выявление «болевых» точек в работе маркетологов виртуальных коммуникативных ресурсов — как сознательно иницилирующих изменение представлений о норме/ девиации, так и тех, кто использует технологии маркетинга неосознанно. Направлениями такого исследования должны стать следующие:

- исследование контента девиантоориентированных сайтов как (а)социальных проектов;
- изучение процесса моделирования конструктов «норма/ девиация» и их продвижения средствами социального маркетинга в процессе виртуальной коммуникации;

- исследование особенностей (возможного) использования технологий маркетинга, пиара, брендинга, социального проектирования в процессе конструирования и продвижения девиантных образцов поведения;
- выявление способов хабиитуализации конструктов девиантности средствами социального маркетинга и влияния этого процесса на проявления/ изменения идентичности пользователей;
- изучение дискурсов посетителей сайтов и модераторов, организующих и оформляющих девиантоориентированный контент;
- исследование видов и способов осуществления социального контроля девиантности в процессе виртуальных коммуникационных практик и т. д.

Проведение такого исследования — дело трудоемкое, требующее серьезных финансовых, человеческих и временных затрат. Пилотажное исследование автора позволяет рассмотреть отдельные маркетинговые приемы или методы продвижения потребителям девиантных ценностей и образцов поведения. В рамках данной статьи остановимся лишь на двух (а)социальных проектах и маркетинговых методах, задействованных организаторами девиантоориентированных сайтов и направленных на опривычивание девиантных ценностей и образцов поведения: проекте «Интернет-мемы» и проекте «Призонизация».

Однако перед рассмотрением результатов пилотажного исследования автору следует сделать некоторые замечания.

Во-первых, целью исследования являлось изучение того, *как* (новые) идеи в виде девиаций передаются в виртуальных коммуникациях, формируя предпосылки для изменения социальных норм и (возможной) коррекции поведения людей в социальной реальности, т. е. того процесса, который получил наименование хабиитуализации и который, хотим мы того или не хотим, включает и рассмотрение социального влияния, а в своем рефлексивном варианте — социального маркетинга. Во-вторых, были изучены ресурсы, продвигающие преимущественно негативные образцы девиантности, хотя не меньший интерес представляет изучение стратегий продвижения позитивных образцов девиантного поведения. В-третьих, нужно помнить, что речь не идет о какой-то «злонамеренности»* веб-ресурсов, целенаправленно продвигающих свои идеи. Такое продвижение менее интересно с точки зрения заявленной темы, поскольку деятельность владельцев таких сайтов, чаще всего включающая противоправные нарушения (например, терроризм, мошенничество), практически недоступна для исследователя по причине

* Кстати сказать, данное исследование было задумано еще до закона о запрете некоторых сайтов.

конспирации и преследования фискальными службами. Нас интересовали сайты, контент которых сложился в процессе самоорганизации членов локального интернет-сообщества и содержание которых носит не ригористический, а достаточно многослойный и многосмысловый характер. Данные сайты организуются по принципу «не хочешь — не смотри и не читай». Поэтому можно сказать, что термин «продвижение» используется в своем первоначальном значении — как выдвижение (создание, формирование) некой идеи и некоторые действия для утверждения, закрепления в сознании участников сайтов (как реальных, так и потенциальных) этой идеи. Такое содержание понятия «продвижение» предшествует пониманию термина в маркетинге, но, с точки зрения автора, в большей степени соответствует цели авторского исследования.

Проект «Интернет-мемы»

Интернет-мем — это феномен спонтанного распространения некоторой информации или фразы, часто бессмысленной, приобретшей популярность в интернет-среде (Интернет-мемы. Что это такое? 2012). Распространение происходит всеми возможными способами: по электронной почте, в мессенджерах, на форумах, в блогах и др. Примерами мемов могут служить: так называемые фотожабы — коллажи, созданные с помощью программы Photoshop, цель которых — продемонстрировать наличие юмора у их авторов (например, различные варианты коллажей с надписью «превед!»); искаженные слова или фразы («пака», «красавчег», «аффтар жжот», «аццкий сотона», «Донки-Хот», «зачед» и др.); sms-жаргон; медиафайлы и песни (серия «Недослышанные тексты» на сайте потокового видео YouTube и т. д.); изображения («Погладь кота» — фотографии котов-манулов с разными подписями, получившие распространение осенью 2008 г., и множество подобных); порталы и страницы (например, «Последняя страница Интернета»: при переходе на эту страницу пользователю сообщается, что на данной странице заканчивается Интернет, объясняются причины данного явления и предлагаются варианты дальнейших действий) и т. д. (Подробнее см., напр.: Белкин, Амзин 2012; Интернет-мем 2012).

Некоторые мемы воспринимаются как шутки (пусть и достаточно спорные). Они соперничают с (двусмысленными) анекдотами, звучащими в реальности, и часто напоминают жанр «политических» анекдотов советского времени как выражения спонтанного творчества, имеющего определенные аллюзии. Игра в слова, искажение слов, своеобразная расстановка ударений являются своего рода вербальным тренажером и могут быть расценены как необходимый элемент познания себя и окружающего мира.

Другие мемы не так «безобидны», поскольку в них продвигаются новые правила-отрицания социальных норм. Примером здесь может служить проект «Poker face», в русском переводе звучащий как «По*ер фейс» (По*ер фейс комиксы 2012). В комиксах с таким общим названием изображаются отдельные истории. Например: «Прикольный по*ер фейс комикс о том, как бабуля зашла в троллейбус, а уступать место не особо хочется», «Комикс о том, как народ спрашивает жвачку, а ты тихонько жуешь и не палишься, а то все разгребут», «Комикс с покер лицом, который расскажет о том, как воспользоваться электробритвой друга» и т. д. Описываемые жизненные ситуации являются типичными, а комментарии к ним представляют собой нарративы или обыденное знание, отражающее *один из* образцов поведения, который встречается в реальности. Их продвижение выглядит как история, в которой в выигрыше всегда остается главный герой («Poker face»). Но истории, если они находят распространение и поддержку, позволяют, с одной стороны, «определить критерии компетентности, свойственные обществу, в котором они рассказываются, а с другой — оценить, благодаря этим критериям, результаты, которые в нем достигаются или могут быть достигнуты» (Лиотар 1998: 55). Именно это превращает обыденные истории в само собой разумеющиеся и правильные (достигающие цели выживания в социуме) вещи или, иначе, в нормы поведения. По сути дела, в этих комиксах находят отражение алгоритмы поведения и реакций на жизненную ситуацию. В названных комиксах продвигаются идеи безразличия, эгоизма, потребительского отношения к людям и т. д., которые являются нарушением норм морали и закладывают основу для формирования множества других видов девиантного поведения.

В качестве других примеров можно привести мем-образ «Социально агрессивный пингвин», истории которого вполне узнаваемы, обыденны, а правила поведения в типичной ситуации зачастую отрицают устоявшиеся социальные нормы. Продвигаемые в рамках этого проекта идеи звучат так: «Видишь лежащего без сознания парня. Его куртка отлично подошла к твоим ботинкам»; «В туалет длинная очередь. Наконец ты заходишь, сидишь, играешь на телефоне»; «Выходишь из туалета, забрал с собой бумагу». Казалось бы, здесь звучат пусть не соответствующие нравственным идеалам, но достаточно безобидные вещи. Однако они имеют совершенно определенные последствия для молодого поколения, которое постоянно пребывает в Интернете, по сути дела, воспитывается им, формирует свою идентичность и находит подкрепление своим представлениям о межличностных отношениях. Уже выросло целое поколение, главными наставниками и социальными гидами которого были герои этих и подобных им комиксов.

При продвижении интернет-мемов используются стратегии брендинга и социального проектирования. Для этого предлагается идея-название определенного мем-образа (например: «Злая училка», «Злые родители», «Типичная баба», «Нетипичные родители», «Пингвин-социофоб», «Женщина-невротик», «*uck yeah», «Are You *ucking Kidding Me, Son», «Настоящий мужик»). Эта идея создает возможность для проявления (непредсказуемой) фантазии, возникающей на основе выстраиваемого сознанием ассоциативного ряда, возникновения аллюзий, аналогий, отсылки к прошлому опыту или к когда-то услышанным фразам (при просмотре фильмов, на улице, по телевизору, от соседей, в семье). Интернет-мемы — это инструмент пробуждения творчества, и это практически беспроектный метод пленения сознания и эмоционально-чувственной сферы человека. К тому же подавляющее большинство интернет-сайтов, на которых предоставляется доступ к мемам-комиксам и шаблонам мемов, связаны с порнографическими сайтами (при поиске мемов очень часто неконтролируемо всплывает окно с порнографией). Этот факт сам по себе опасен, поскольку к порнографии получают доступ подростки и дети, однако в сочетании с последующим выходом на страницу комиксов просмотр порнографических снимков усиливает эффект воздействия комиксов, внутренне настраивая посетителя на вседозволенность, распушенность, цинизм и пошлость. Подготовленный таким образом посетитель попадает в извращенный мир, который через образы, коверканые фразы, слоганы-правила предлагает ему образцы поведения, готовые к употреблению в реальности.

Это явление до сих пор не изучено и не получило оценки своей социальной значимости, хотя некоторые исследователи рассматривают мемы как репликаторы социального поведения, которые действуют на сознание человека как аллергия или инфекция. И особую опасность они представляют для подрастающего поколения: «Недавние научные открытия поднимают глубокие и тревожные вопросы о том, как наше сознание программируется с детства. Без преувеличения, это смущает, когда мы подвергнуты этой вызывающей перспективе — большая часть нашего сознания может использоваться как система репликации мемов и вирусов сознания, которыми мы заражены с детства» (Афанасьева 2012).

Проект «Призонизация»

С середины прошлого века в связи с кризисом наказания (Кристи 1985) и неэффективностью социального контроля девиантности формируется осознание того, что традиционного подхода к пониманию социального нормирования и социального контроля явно недостаточно для анализа современной реальности. Общество как константное и не-

прерывно существующее образование, имеющее в фундаменте разделяемые всеми моральные нормы и представления о социальном контроле, перестало существовать, его сутью стало постоянное изменение (Бауман 2008), в котором каждый индивид ищет свое место, создавая и используя новые образцы поведения. В этой связи становится все более актуальным изучение социального контроля девиантности как обоюдоострого процесса распространения влияния на социальную среду так называемых просоциальных и асоциальных субъектов.

Так, давно замечено, что тюремная субкультура существенно влияет на культуру общества. Распространение влияния тюремной субкультуры получило название призонизации (от англ. prison — тюрьма). В криминологическую и пенитенциарную литературу этот термин впервые ввел американский ученый Д. Клеммер. Он обозначил этим понятием негативную социализацию осужденных, которая происходит в период заключения в тюрьму посредством влияния на заключенного тюремной культуры во всех ее негативных аспектах; проявляется в принятии нравов, морали, обычаев и основной культуры пенитенциарного учреждения (Призонизация... 2002). В настоящее время это понятие приобрело более широкое значение. Под призонизацией понимается распространение влияния тюремной субкультуры не только на заключенных, но и на более широкое окружение и на общество в целом.

Тюрьма, и шире — зона всегда играла большую роль в жизни России, которую В. Абрамкин точно охарактеризовал как «страну сирот, вдов и бывших заключенных». По его мнению, каждый четвертый взрослый мужчина в России — бывший заключенный. «Можно ли создать какую-то “рыночную экономику” в стране, где треть (или четверть) взрослых мужиков физически и нравственно покалечена, приучена к “казарменному” образу жизни? В своем большинстве бывшие заключенные не способны к предприимчивости, свободным рыночным отношениям, к роли главы семьи, решению собственных проблем... Чаще всего они сами становятся обузой для женщин и детей, для всего общества» (Абрамкин 2012).

В России 92-95 % людей интересуются тюремными проблемами. По мнению правозащитника В. Абрамкина, огромное влияние зоны на россиян связано со следующими главными факторами:

— долгое существование ГУЛАГа (в широком понимании), созданного для устрашения населения и массового истребления народов, социальных групп, людей, которые заподозрены в возможном сопротивлении диктатору или властвующей «группировке», недовольстве «общественно-политическим строем», «партией и правительством» и т. д. Так, указывает автор со ссылкой на А.И. Солженицына, в России с 1917 по 1958 г. в репрессиях было погублено 66,7 млн. человек;

- тоталитарная внутренняя политика, основанная на устрашении населения и ведущая к ощущению своей жизни как «жизни при зоне». Для русского человека «призонизация» (т. е. «отюремнивание») вольного мира — быта, жизни, языка, культуры, норм, традиций и обыкновений — явление привычное, органично встроенное в повседневные практики. Поэтому еще в 60-е годы прошлого века в обыденном языке широкое распространение получили выражения (понятия): «большая зона» (воля), «малая зона» (тюрьмы и лагеря);
- постоянно большое число тюремного народонаселения (около миллиона);
- бóльшая точность и выразительность тюремного языка по сравнению с нормативным языком (малолетние арестанты — малолетки, народные заседатели — «кивалы», торговцы на черном рынке — барыги (от слова «барыш»), активисты («капо») — козлы); эти слова принадлежат живому развивающемуся народному языку, как и слово «беспредел», которое и тюремным уже не назовешь;
- привлекательность литературы, фильмов о зоне (например, сериал «Зона»);
- чувство незащитности перед преступностью, испытываемое подавляющим большинством населения, и крайне низкая степень доверия к милиции (теперь — полиции), прокуратуре, судам (не обращаются в правоохранительные органы, даже в случае совершения против них тяжких преступлений, 40-60 % жертв). Так, в новом городском фольклоре широко представлена тема «ментов»: в Москве, в ходу поговорка «один с сошкой, семеро с автоматами», в Серпухове — «спасите нас от ментов, а с преступниками мы и сами разберемся» и т. п.; среди новых пословиц есть и такая: «В тюрьму сейчас попадает только бедный и дурак», а к ним у нас принято относиться милостиво и снисходительно (Абрамкин 2012).

Не последнее место в процессе призонизации принадлежит Интернету. Здесь можно найти любую информацию, касающуюся тюремной субкультуры: о ворах в законе (многочисленные видео на сайтах «Криминальная Россия», rutube.ru, Video@Mail.Ru, crims.ru и т.д.; список 582 «воров в законе»; их правила — «воровской закон»); рисунки и фотографии тюремных татуировок с объяснением значения; рекомендации по адаптации после освобождения из мест заключения и т. д. Эта информация привлекает подростков и молодежь, взрослое население из разных социальных групп. Особенно она привлекательна для представителей малообразованных и неблагополучных слоев населения, которые и так повсеместно слышат в быту тюремный жаргон, нецензурную брань, встречаются лицом к лицу с людьми, освободившимися из мест заключения (теми, кто «откинулся с зоны»).

На определенных сайтах, посвященных этой тематике, помимо всего прочего, продвигается представление об идеале мужественности (маскулинности) «настоящего мужика». Происходит романтизация «воровского закона», который кажется справедливым, если воспринимать его глазами подростка или молодого человека, привыкшего отстаивать свою правоту кулаками. Например, наказания вора в законе (блатные санкции) могут быть только трех видов (Правила воров в законе 2011):

1) Пощечина — ее, как правило, дают за оскорбление, к тому же публично, во время сходки. Уклоняться или бить в ответ наказанный вор не смеет. Безобидная, на первый взгляд, кара без последствий не остается: авторитет вора уже пошатнулся.

2) Удар по ушам — церемония разжалования вора в законе. Развенчивают за обман, западло, а также нарушение воровского закон, хотя разжалование может быть и почетным — по состоянию здоровья.

3) Смерть. Ею карают только за измену. Предателем считается тот, кто сдал подельников, пошел на сотрудничество с милицией (полицией), похитил общак, убил вора в законе без санкции сходки, вышел из воровского клана и, наконец, завязал.

При этом не учитывается, что криминальный мир изменился, и теперь ворами в законе часто становятся те, кто имеет много денег, но не имеет того авторитета, определенных характеристик «сильного человека», которые были у воров в законе раньше. К примеру, существенно изменились санкции: появилась четвертая блатная санкция — финансовая. Штрафы назначает воровская община. Наказывают за опоздание на сходку, за срыв сделки, за то, что наследил (сумма иногда достигает миллиона долларов). Другой пример: в былые времена убить вора-изменника мог лишь равный по титулу, то есть вор в законе. Новые законники, привыкшие все делать чужими руками, верны себе и в этом вопросе. Для казни зачастую приглашается киллер со стороны, поэтому каждый вор в законе имеет огромную охрану (Там же).

Исследовательское внимание привлекают и интернет-сайты с информацией о выживании в тюрьме. Правила выживания могут располагаться на отдельной интернет-странице или же на сайте, где даются разнообразные комментарии, инструкции, советы по выживанию в экстремальных ситуациях (например, сайт «Свалка: как выжить в кризис»). Проблема выживания в тюрьме рассматривается наряду с такими, как «Один против толпы», «Как метать ножи», «Как принять роды», «Как выжить в космосе», «Как добыть воду», «Горящие путевки», «Землетрясение» и др., усиливая впечатление, что попадание в тюрьму дело чуть ли не обыденное, и подтверждая народную мудрость «От тюрьмы и от сумы не зарекайся!». Эта обыденность идет рука об руку со вседозволенностью «до тюрьмы».

Особый интерес в плане изучения маркетинговых методов продвижения тюремной субкультуры представляет анализ тюремного творчества, названного на одном из сайтов «тюремное *народное* творчество», что, наверное, справедливо в силу приобщения к этому творчеству (в той или иной мере) большей части населения России. Существует множество интернет-сайтов, которые демонстрируют фотографии поделок сидельцев: today.ru «Татьянин день»; poxe.ru; prikol.bigmir.net; Livejournal; сайт осужденных «В капкане»; «Социальная сеть для Заключенных» — taba.ru; форум зеков и сокамерников и т. д. Экспонаты поражают разнообразием (картины на простынях, четки, фигурки людей и животных, макеты церквей, ножи, музыкальные инструменты (напр., гитара, сделанная из жеваной туалетной бумаги, на которой можно играть, и др.), мастерством, находчивостью (поделки создаются из хлебного мякиша, газетной и туалетной бумаги, спичек, дощечек, отслуживших свое зажигалок, кусков металла, тряпок, ниток и т. д.). Не случайно один предприимчивый адвокат открыл в Угличе частный музей «Запретная зона», где есть возможность не только полюбоваться творениями народного промысла безымянных авторов, но и посетить комнату с воссозданным бытом заключенных. Вот и подумаешь: не так уж и плохо в тюрьме, на досуге и прикладным искусством можно заняться, реализовать, так сказать, свою тягу к прекрасному.

Большое пространство в Интернете отведено транслированию устного творчества заключенных. Это не только «русский шансон» или, иначе, блатной фольклор, блатняк (не путать с просто шансоном — французской эстрадной песней в стилистике кабаре), который, кстати сказать, свободно и повсеместно звучит на просторах России, но и анекдоты, байки, стихи. Имеется множество сайтов, порталов, форумов (например, Арестантская поэзия — <http://algemos.clan.su/>, Информационный портал «Узник.info» и множество других), на которых заключенные могут размещать плоды своего поэтического творчества. Однако наибольшую популярность и странную привлекательность имеют сайты, на которых представлена классическая поэзия в блатном переводе (полную подборку см.: Фима Жиганец 2012). Здесь можно найти переделанные стихи М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, А.И. Крылова, Ф. Виньона, В.В. Маяковского, В. Шекспира... Например, практически ни один сайт или форум о ворах, гопниках, тюрьме не обходится без переписанного на феню стихотворения М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта»:

КРАНТЫ ЖИГАНУ

Урыли честного жигана
И форшманули пацана,
Маслина в пузо из нагана,

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб Поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,

Макитра набок — и хана!
Не вынесла душа напряжения,
Гнилых базаров и понтов.
Конкретно кипишнул бродяга,
Попер, как трактор... и готов!
Готов!.. не войте по баракам,
Нишкните и заткните пасть;
Теперь хоть боком встань, хоть раком, -
Легла ему дурная масть!
Не вы ли, гниды, беса гнали,
И по приколу, на дурняк
Всей вашей шоблюю толкали
На уркагана порожняк?
Куражьтесь, лыбьтесь, как параша, —
Не снес наездов честный вор!
Пропал козырный парень Саша,
Усох босяк, как мухомор!

Мокрушник не забздел, короста,
Как это свойственно лохам:
Он был по жизни отморозком
И зря волюной не махал.
А хуль ему?.. дешевый фраер,
Залетный, как его кенты,
Он лихо колотил понты,
Лукал за фартом в нашем крае.
Он парафинил все подряд,
Хлебалом щелкал поганым;
Грозился посшибать рога нам,
Не догонял тупым калганом,
Куда он ветки тянет, гад!
.....

Но есть еще, козлы, правилка воровская,
За все, как с гадов, спросят с вас.
Там башли и отмазы не канают,
Там вашу вшивость выкупят на раз!
Вы не отмашетесь ни боталом, ни пушкой;
Воры порвут вас по кускам,
И вы своей поганой красной юшкой
Ответите за Саню-босяка!

Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?... издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..
.....

Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

То, что это стихотворение рассчитано не только на бывших или нынешних сидельцев, подтверждает тот факт, что к каждому стихотворению приводится список комментариев к словам «на фене», что способствует быстрому усвоению тюремного языка. Во время чтения блатного перевода приходит узнавание некоторых слов, которые стали почти обычными, обиходными, пусть иногда они используются не совсем в том прямом значении, как на фене (например, «выкупить» означает

«понять», «разоблачить»). Они звучат на улицах, в печатных СМИ, с экранов телевизоров и из уст представителей разных элит. Приходит понимание, насколько далеко продвинулся процесс призонизации русского языка и повседневной реальности.

Вообще следует сказать, что этот феномен — переделка классической поэзии на разный лад — явление достаточно распространенное (для поздравлений, скетчей, тостов, реприз и т. д.). Очевидно, это связано, во-первых, с потребностью приобщиться к высокой поэзии (не имея своего таланта), во-вторых, такой способ позволяет сделать подделку узнаваемой, в-третьих, дает возможность возвысить содержание переложенного текста за счет положительных коннотаций, возникающих по ассоциации с узнаваемым текстом и позволяющих сохранить определенное (положительное) отношение к содержанию. Все это ведет к восприятию текстов если не положительно, то, по крайней мере, равнодушно или снисходительно и заставляет дочитать текст до конца, зафиксировав в памяти блатной жаргон как еще один («один из») способ передачи обыденной истории (что, в общем-то, и требуется для опривычивания жизненных ситуаций).

Заключение

Итак, мы рассмотрели в первом приближении лишь два (а)социальных проекта, направленных на конструирование и продвижение девиантных образов поведения: воспринимаемый многими как совершенно безобидный юмористический проект («Интернет-мемы»), с которым знаком практически каждый подросток (и не только), и многими неприемлемый и осуждаемый проект («Призонизация»). Пилотажный анализ контентов соответствующих интернет-сайтов показывает, что они имеют девиантогенный характер, конструируя представления о норме/ девиантности и продвигая эти конструкты в сознание потребителей интернет-продукции разными способами. Результатом этого продвижения становится хабиутализация — опривычивание девиантных образцов поведения. Очевидно, что более фундированный и широкий анализ подобных проектов даст возможность расширить наше представление о социальном контроле девиантности (ее продвижении, развитии) *в* и *через* глобальную сеть.

Литература

Абрамкин В. Зона. В натуре и в ящике: заметки о тюремном романе. [<http://www.prison.org/nravy/ponyat/zona1.shtml>] (дата обращения — 22.08.2012).

Афанасьева С.Е. Особое явление — Интернет-мемы. [<http://www.yavnauche.ru/stati/sociologicheskie-nauki/osoboe-javlenie-internet-memy.html>] (дата обращения 22.08.2012).

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Белкин И., Амзин А. Полный перевод. Интернет-сленг все чаще выходит за пределы виртуального пространства. [<http://lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/>] (дата обращения — 15.08.2012).

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

Жук А.Н. Производство женского алкоголизма в медико-психиатрическом дискурсе // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 327–348.

Интернет-мем // Сайт «Квартира № 50». [<http://chezhouse.ucoz.ru/publ/1-1-0-216>] (дата обращения — 15.08.2012).

Интернет-мемы. Что это такое? [http://ozersk.ucoz.ru/publ/internet_memy_что_это_такое/1-1-0-24] (дата обращения — 15.08.2012)

Конструирование девиантности: Монография / Сост. Я.И. Гишинский. СПб.: Деан, 2011.

Котлер Ф. 300 ключевых вопросов маркетинга / Пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2006.

Кристи Н. Пределы наказания / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.

Нурутдинов И.И. (Де-)конструирование делинквентного поведения через призму социологических теорий // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 13. С. 241–247.

Покер фейс комиксы. [<http://lifeasjoke.ru/prikolnye-kartinki/pokher-feis-komiksy>] (дата обращения — 20.08.2012).

Смирнова М.Б. Социальная проблема преступности: дискурс катастрофы и повседневности // Вестник Самарского государственного университета. 2007. №5/2 (55). С. 72–79.

Тульчинский Г.Л. Деперсонализация // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003.

Правила воров в законе. [http://www.mvd-ua.com/index.php?option=com_kune_na&func=view&catid=29&id=11358&Itemid=273] (дата обращения — 22.08.2012).

Призонизация (институционализация) осужденных за рубежом // Энциклопедия современной юридической психологии / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко, 2002. [<http://www.determiner.ru/dictionary/993/word/prizonizacija-institucionalizacija-osuzhdenyh-za-rubezhom>] (дата обращения — 22.08.2012).

Фима Жиганец. Мой дядя, честный вор в законе... (Классическая поэзия в блатных переводах) [http://lib.ru/NEWPROZA/SIDOROV_A/fima_perewody.txt_with-big-pictures.html] (дата обращения — 22.08.2012).

Lamnek S. Theorien abweichenden Verhaltens: eine Einführung für Soziologie, Psychologie, Pädagogen, Juristen, Politologen, Kommunikationwissenschaftler und Sozialarbeiter. — 7. Aufl. München: Fink, 2001.

«СТИЛИЗАЦИЯ» БИОГРАФИЧЕСКИХ ТРАЕКТОРИЙ ЧЕРЕЗ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ

В современном обществе традиционные механизмы социальной структуризации дополняются новыми «стилистическими» факторами. Эти факторы основаны на различиях в стилях потребления, порождающих новые стили жизни и новые стилевые группы.

Вопреки постоянным законодательным ужесточениям потребление наркотиков становится в России относительно «рутинизированной» практикой. Это связано как с разнообразием самого наркорынка, так и с дифференциацией функций и смыслов потребления разных видов наркотиков, с возможностью «стилизации» жизни через него. В статье рассматриваются биографии индивидов как совокупности континуумов, каждый из которых особым образом структурирован под влиянием потребления наркотиков.

Ключевые слова: социальная структуризация, стили жизни / стили потребления, потребление наркотиков.

В России и, в меньшей степени, на Западе, принято изучать скорее наркозависимость как количественно измеряемую крайнюю форму потребления наркотиков, нежели повседневные / рекреационные практики, не имеющие негативных последствий как для самих потребителей, так для окружающих. Во многом такая «однобокость» дискурса наркопотребления является следствием государственной политической контрпропаганды, делающей акценты на медицинских и криминальных последствиях крайних форм потребления, в основном, инъекционных наркотиков. В последние годы государственный дискурс в России направлен еще и на универсализацию потребления и потребителей любых видов наркотиков. Это, в свою очередь, можно связать со смещением акцентов в мировом дискурсе, распространением практик декриминализации потребления отдельных или всех видов наркотиков. Практики декриминализации признаются эффективными. Самый старый и первый пример — Нидерланды, 10-летний опыт Португалии, признанный эффективным (10 лет после легализации... 2013), пример Чехии, недавно ступившей на этот путь, распространение в США легализации употребле-

Дмитриева Александра Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник ЦНСИ (alexandra.dmitrieva.uni@gmail.com).

ния марихуаны по назначению врача. Ответом на «разлагающее» влияние Запада в России становится ужесточение законодательства, появление «молодежного антинаркотического спецназа» (Мельников 2013) и применение других универсализирующих и рестриктивных мер.

Применение качественной методологии, отказ от следования политически-ангажированным стратегиям исследования позволяют делать более широкие выводы о потреблении разных видов наркотиков. Внутри каждой из разнообразно дифференцированных групп потребителей наркотиков формируются отдельные подгруппы, в частности, возникают «компетентные» потребители — образованные профессионалы, противостоящие усилиям государственной власти в их социальном исключении. Исследованию «социально интегрированных» потребителей наркотиков, осознающих риск и контролирующих собственное потребление, серьезное внимание уделяют западноевропейские социологи (Calafat 2001; Hirst, McCamley-Finney 1994; Pape, Rossow 2004; Rødner 2005; 2006). В конце 1990-х — середине 2000-х гг. и российские исследователи обратили внимание на процессы институционализации и нормализации потребления наркотиков в молодежных кругах, вплоть до рекреационного употребления героина в российских городах (Нормальная молодежь... 2005; Пилкингтон 2006). Однако в российском научном дискурсе процессы нормализации потребления наркотиков скорее связывают с формированием маргинализированных наркотических субкультур, негативно сказывающихся на развитии общества и отрицательно воспринимающихся обществом. Попытки дифференцировать потребление разных видов наркотиков еще со времен Г. Беккера принято ограничивать противопоставлением практик потребления «тяжелых» инъекционных наркотиков практикам повседневного потребления марихуаны (Бартенев 2008; 2009; Becker 1953; Hathaway 2011; Brochu, Duff, Asbridge et al. 2011; Goode 1970).

Таким образом, многие аспекты наркопотребления довольно подробно изучены, но они касаются в основном проблемных зон, связанных с разнообразными тяжелыми последствиями зависимостей, как разрушающих потребителя, так и угрожающих обществу в целом. Довольно широко распространенное повседневное (рутинизированное) потребление наркотиков, их роль в современной жизни, как правило, остаются за рамками российских исследований, или их объектом становится только молодежь (Hawdon 1996; Osgood, Wayne, Wilson et al. 1996; Bernburg, Thorlindsson 2001; Measham, Parker, Aldridge 1998). Насколько велико влияние наркотиков на структурирование общества и, наоборот, детерминирует ли сложившаяся социальная структура определенные практики наркопотребления и биографические стратегии «взрослых» потребителей, изучено недостаточно.

Теоретическая рамка

В современном обществе процессы традиционной структуризации дополняются процессами стилевой дифференциации, которые в том числе могут быть основаны на потреблении разных видов наркотиков. Общество оказывается разделенным на тех, кто употребляет, и тех, кто не употребляет наркотиков. Среди тех, кто употребляет, выделяется как группа наркозависимых, чья жизнь целиком определяется логикой потребления наркотиков, так и группа «компетентных потребителей», для которых потребление наркотиков становится «стилем», не мешающим активно включаться в любые сферы социальной жизни. Формируется континуум, на одном полюсе которого гибкие стилевые позиции, а на другом — устойчивый наркотический образ жизни. По определению П. Бурдьё, «потребление обречено функционировать как различительный знак и, если обратиться к признанной, легитимной и подтвержденной дифференциации, — как знак отличия (в разных смыслах этого слова)» (Бурдьё 1993).

Процессы включения / исключения все чаще носят характер смены одного стиля жизни другим: исключаясь из одних отношений или деятельности, индивиды включаются в другие, уже необязательно стигматизирующие предшествующее социальное положение или негативно влияющие на него. Вместо застойной «культуры бедности» (Лыткина 2011; Ярошенко 2006) как следствие резкой смены общества производства обществом потребления возникает «стиль жизни бедных» (Веселов 2011). Стиль жизни, разобранный на детали, зачастую противоречащие друг другу, с нормативистской точки зрения, может содержать множество причин для исключения. Так, профессиональные достижения и высокий уровень образованности без соответствующего высокого стиля потребления, например, пищи или одежды, могут выдавать в индивиде не того, кем он хочет казаться, а того, кем он действительно является (Бурдьё 2008). Это вряд ли исключит его из профессионального сообщества, но может стать поводом присмотреться к нему «лучше» и содержать предпосылки для исключения на межличностном уровне.

Потребление разных наркотиков порождает разные социальные практики и механизмы включения / исключения, которые по-разному отражаются на биографии потребителей. Рассмотренные нами случаи были объединены с помощью разных измерений биографий как совокупности различных диспозиций, структурированных как наркополитикой государства, так и личным опытом информантов. Подробное описание информантами собственных биографий и повседневной жизни в сочетании с наблюдениями автора позволили выделить несколько континуумов, демонстрирующих возможности для перемещения в социальном пространстве от самых общих категорий до более частных.

Выборка

В выборку вошли названные нами «компетентными» «взрослые» (от 30 лет) потребители (15), имеющие длительный опыт употребления наркотиков (от 5 лет), включенные в самые разные сферы жизни, профессионально успешные, имеющие стабильный заработок и интересную работу, друзей и пр.

Для этой группы потребителей разные виды наркотиков и их сочетания задают стилистический характер жизни, который может рационализироваться и меняться, а может переходить в устойчивое состояние образа жизни. При поиске информантов использовался метод «снежного кома», основными критериями выбора информантов были: возраст старше 30 лет, опыт употребления от 5 лет и высокая включенность в основные сферы социальной жизни. Каждому предшествующему информанту предлагалось «передать» автору контакты будущих информантов, соответствующим этим критериям.

Методология

Основным методом сбора данных стало глубинное биографическое интервью, в дополнение к интервью были использованы некоторые заметки по материалам включенного наблюдения из полевого дневника автора.

Мы предположили, что биография индивидов может рассматриваться в трех основных измерениях / континуумах. Континуум «нормативная часть общества / ненормативная часть общества» представляется процессом переопределения практик, осуществление которых само по себе не означает автоматического передвижения к исключению или включению, но отражается на смещении позиций в других системах. Совокупность этих смещений может привести к сдвигам в социальной структуре или в структуре конкретного потребительского поля. Акт потребления наркотиков, не спровоцировавший смещение социальных характеристик индивида, может повторяться на протяжении всей его биографии. Но момент спада / исключения обычно наступает при пересечении с другими полями или агентами, обнаружившими признаки потребления наркотиков. Даже случайное выявление такой потребительской практики приводит обычно к смещению социальной позиции.

Измерение «типы включения / исключения» связано с уровнями социальных отношений, в которых производятся / воспроизводятся процессы включения / исключения: межличностный, межгрупповой (между агентами разных потребительских полей), административно-правовой, медицинский, уголовно-правовой.

Континуум трансформации потребительских практик от стилевых к устойчивым (т. е. от стиля к образу жизни) демонстрирует процесс

перехода привычки к потреблению как управляемой индивидом практики к институционализации потребления, регулирующего жизнь индивида. Тут есть что-то неуловимое — переход от управляемой практики к практике пристрастия, зависимости, которая жестко регулирует жизнь индивида и переопределяется в иных институциональных рамках, чем потребление.

При перемещении от стиля к образу жизни происходит постепенное исключение из нормативных практик параллельно с включением в ненормативные. Получается, что как таковой уровень включенности не может измеряться только позицией на оси «нормативная часть общества / ненормативная часть общества». Однако именно эта позиция указывает на местоположение конкретных индивидов или потребительских полей на горизонтальной оси социального пространства. Чем больше увеличивается включенность в ненормативные практики, тем больше удаление от центра / ядра нормативной социальной жизни.

Результаты исследования

Выделив основные измерения биографии, мы переходим к основным структурирующим биографии и их восприятие факторам, в которые так или иначе «проникает» потребление наркотиков. К ним относятся следующие континуумы: социальное происхождение, включенность в социальные сети, образовательные траектории, профессиональная мобильность, идентификация, поведение, внешность, язык.

Континуум социального происхождения: от самого низкого до самого высокого происхождения, определяющего изначальный вес ресурсов, которые наследуются индивидами, указывающего на превалирование того или иного капитала (или их сочетаний) в отдельных потребительских полях. Эта ось также включает континуум географического происхождения — от столичного до провинциально-захолустного; географическое происхождение может быть особенно значимым как в огромной России, так и внутри большого города (в связи с масштабами страны в целом и крупных городов в частности).

В пространстве города различия происхождения обозначались информантами в категориях «из центра» или «на окраине». Причем факт рождения «на окраине» сам по себе не означает принадлежности к определенному «окраинному» стилю жизни, но позволяет наблюдать практики, по ряду причин более распространенные в этой части города, а не в центральной. Вот как это описывает один из информантов: *«Я рос на окраинах и наблюдал там яркие примеры, так как жил рядом с Красным селом, а оттуда в большом объеме возили героин. И вот я в третьем классе, с рюкзачком, возвращался домой и видел какого-нибудь развалившегося,*

в неадекватном состоянии, героинщика. Я уже тогда понял, что это не мое» (журналист, 30 л.).

Информанты, родившиеся «не в центре», отмечали большую «рискогенность» периферийных районов, как с точки зрения близости небольших пригородных поселений, через которые осуществляется наркотрафик, так и с точки зрения сосредоточения в этих местах представителей «депривированных» стилей жизни, ограничивающихся «функциональным проживанием» жизни. Отсутствие или малая доступность в таких районах культурной и развлекательной составляющей повседневности, в частности, толкает людей к «уходу» в потребление «тяжелых» наркотиков. Между тем другие виды наркотиков больше связаны с необходимостью расширения круга деятельности, специальной инфраструктуры и пр. Такое потребление более свойственно жителям центральных районов большого города, в которые, по словам самих информантов, они стремились / приезжали / переезжали. Один из информантов подчеркнул эту особенность так: «Когда я начал ездить в центр, у меня даже исчезли многие проблемы, например, гонимки из двора, с которыми у меня постоянно происходили стычки, стали по-другому ко мне относиться. Я стал для них совсем другим, недостижимым человеком из другого мира, который тусовался в “Сайгоне”, дружил с музыкантами, пробовал разные наркотики» (рг-директор, 38 л.).

Социальное происхождение определяет первичную позицию индивида в социальном пространстве, но в современном обществе оно оказывается гибким, изменчивым. Как показатель принадлежности к определенному социальному слою, переходящий по наследству, и показатель количества благ, которые в соответствии с этой позицией передаются из поколения в поколение, происхождение все больше утрачивает свой первоначальный смысл. На передний план как следствие «прививки» социального происхождения все чаще выходят вкусовые пристрастия, формирующие стилистические особенности жизни и потребления.

Континуум включенности в социальные сети — общий показатель включенности в разные типы социальных отношений в рамках нормативной и ненормативной частей социального пространства. Следовательно, позиционирование на этой оси указывает на доступность / недоступность ресурсов других полей.

По словам информантов, потребление наркотиков почти всегда подразумевает включение в новые социальные сети либо новые формы участия в тех сетях, в которых информанты уже состояли. Основным механизмом включения в социальную сеть «продажа — потребление наркотиков» являются дружеские связи. Поскольку потребление наркотиков изначально осознавалось большинством как опасная, рискованная

практика, первая проба рационализировалась через факт доверия к опытному другу-проводнику: *«Добрые друзья помогли мне это сделать, долго уговаривая, а потом, контролируя процесс, который происходил непосредственно в этот день»* (архитектор, 42 г.).

В качестве причины повторного приобщения к наркотикам (например, после неудачного или не удовлетворившего ожидания употребления) информантами выделялся фактор появления в дружеской социальной сети новых участников-дилеров, рекомендованных кем-то из друзей: *«Появился хороший, регулярный канал, и мне захотелось понять, что к чему»* (журналист, 30 л.). Довольно часто наркотики становятся фактором пересечения совершенно разных социальных сетей: так, один из информантов, рассказывая о времени обучения в Финансово-экономическом университете, упомянул о том, что *«мне первый раз дал попробовать один художник. А ему пересылал другой художник — шарики пейотля и марки. И тогда это было круто, это было модно, это была реальная возможность заглянуть в другой мир»* (рг-директор, 38 л.).

Обычно потребление наркотиков связывается с досуговыми практиками, такими как походы в ночные клубы, посещение концертов, выезды на природу и пр. Следовательно, досуг также может быть распространенным способом включения в разные сети потребления наркотиков. Причем разные виды наркотиков могут определять разные способы проведения свободного времени, и наоборот, разные способы проведения досуга определяют выбор конкретных наркотических веществ. Как отмечает один из информантов, подчеркивая различия и наркотиков, и досуговых практик: *«Для меня кокаин — это не танцы, а дискуссия»* (архитектор, 42 л.).

Включение в потребление наркотиков через дружеские социальные сети чаще воспринимается как позитивный опыт, поскольку контролируется и сопровождается «инструктажем». Существуют и другие механизмы включения, например, характерные для конкретного исторического периода. Один из информантов, чья молодость пришлась на 1990-е гг., когда были распространены практики «фарцевания»*, отмечает, что *«в том месте, где мы тусовались, одновременно продавали дудку (марихуану) человек 15. С учетом того, что каждый вечер там собиралось, ну скажем, порядка 100 человек, а люди приходящие в основном спрашивали у нас, мы подумали, а почему самим не продавать? Тогда... тогда мы не только продавали дудку. Мы продавали газеты, пиво, да, в общем, все что угодно и как угодно»* (рг-директор, 38 л.). Продажа наркотиков в данном

* «Фарцевание» — распространенные в эпоху «дефицита» практики продажи / перепродажи (спекуляции) вещей (чаще фирменных), выменянных или перекупленных у иностранцев.

случае была одним из способов включения в приемлемые большинством на тот момент отношения. Поскольку торговля в постперестроечный период в основном являлась государственной монополией, все другие практики продажи чего бы то ни было, в том числе и наркотиков, считались и нелегальными, и нормальными одновременно, поскольку были очень широко распространены. А если в спектр продаваемых вещей входили наркотики, это могло придать статусу продавца большую значимость и означало доступ к еще более недоступным для большинства социальным сетям. Кроме того, это подразумевало прибавочную стоимость за издержки, связанные с физически ограниченным доступом к наркотикам. Именно в это время продажа наркотиков в большей степени была синонимом доступа к их потреблению. В условиях ограниченной доступности многие предпочитали сами продавать, чтобы обеспечивать собственное потребление, а не усложнять путь к наркотикам через хитросплетение сетей производителей и продавцов.

Большинство информантов указало на то, что социальные сети периодически проходят «проверку на прочность». Степень включенности в ту или иную сеть определяет количество социальных ресурсов, которые в случае необходимости могут «капитализироваться», т. е. принести доход или снизить расходы. Такая «проверка» может осуществляться в экстремальных случаях, когда происходят столкновения с полицией и потребителям необходимо «сотрудничать» с ней, т. е. соглашаться на условия, которые предлагают коррумпированные сотрудники полиции. Информанты отмечали, что при отсутствии нужной суммы всегда обращались к друзьям, а не к родственникам, например. Полицейские также соглашались, что почти всегда задержанным необходимо время, чтобы «собрать» нужную сумму. Обращение за помощью к родственникам происходило лишь в случаях, когда те работали в правоохранительных органах, однако этот социальный канал имеет ограничения и при частом обращении закрывается.

Континуум образовательных траекторий включает в себя традиционные способы получения образования в предназначенных для этого институциях, а также неформальное образование, которое индивиды получают в процессе накопления жизненного опыта, включения в разные социальные сети, неформальные образовательные организации и пр.

Для большинства информантов процесс получения высшего образования был связан с процессами приобщения к потреблению наркотиков. Особенно часто это отмечали информанты, которые либо жили в общежитии, либо проводили там значительное время. Безусловно, потребление наркотиков в данном случае рассматривается как практика,

осуществляемая в свободное от учебы время. Более того, один из информантов отметил, что был настолько увлечен учебой, что ему было не до наркотиков, — впечатлений хватало и без них: *«учась 5 лет на режиссуре, только на последних курсах позволял себе чего-нибудь там покурить или понюхать каких-нибудь порошков... Очень все интересно, насыщено и разнообразно, и ты при этом делаешь искусство, ты творишь, получаешь массу позитивных эмоций, никаких наркотиков не нужно»* (рг-директор, 38 л.). В некотором смысле это высказывание объясняет и одну из причин приобщения к потреблению наркотиков как способа реализации эмоций, творческого потенциала и пр. В этом существенен и социальный подтекст, жесткость социальной структуры, ограничивающей разные виды мобильности, что приводит слабoresурсных индивидов и целые группы к поиску «другого мира» через потребление наркотиков. Однако и это лишь один из «срезов» объяснения социальной реальности.

Помимо досугового потребления, информанты выделяли функциональный смысл потребления психостимуляторов — при подготовке к экзаменам во время сессии, для ускоренной усвояемости материалов и непосредственно на самих экзаменах для красоты ответа. Один из информантов ярко описал, как потребление наркотиков способствует, в первую очередь, уверенности в себе, что, несомненно, является важным фактором успеха, в том числе и в образовательном процессе: *«Ты царь, ты бог, твоя речь льется плавно и свободно, ты можешь разговаривать практически на всех языках мира, шутить, быть искрометным, очаровать любого прохожего... Все что угодно!»* (рг-директор, 38 л.).

Информанты, выделявшие галлюциногены в качестве «любимого» наркотика, отмечали как важный этап биографии знакомство с эзотерической литературой, которая, с одной стороны, вызывала желание «расширить сознание», а с другой — меняла их представление не только о наркотиках, но и о том, как «надо жить», чем интересоваться, какую музыку слушать и т. д.: *«Я ходил в кислотно-зеленой футболке с Буддой, с томиком Кастанеды, начинал слушать регги и рагга-джангл»* (журналист, 30 л.). Для таких потребителей тексты Кастанеды и других авторов стали своеобразной «второй школой», в которой они получали «ненормативное», но важное для них образование, расширяя горизонты восприятия и накапливая культурный капитал.

Важной функцией потребления наркотиков информанты называли возможность в процессе употребления «посмотреть с другой стороны». Эта функция позитивно оценивалась и с точки зрения возможности смены образовательных траекторий. Информанты отмечали, что во многом благодаря эпизодическому «потреблению-встряске» сумели преодолеть страх перед получением нового образования, расставания с неудавшейся карьерой или нелюбимой работой.

Континуум профессиональной мобильности обозначает специфику профессиональных траекторий, которая определяется не только очевидным характером труда (грубое разделение на физический / интеллектуальный), но и особенностями организации трудовой деятельности (от офисной до фриланса), нормативностью / ненормативностью профессий (с точки зрения работников или окружающих).

Профессиональная мобильность всех информантов отличалась гибкостью и пластичностью как в смысле радикальной смены деятельности, так и в отношении перехода в новый режим работы. Важно подчеркнуть, что, как отмечали все информанты, употребление наркотиков в процессе рабочего дня практически недопустимо, особенно если речь идет об офисной работе или работе, связанной с общением с людьми. В этом проявляется рационализация потребления, которая происходит через разделение рабочего времени и свободного, демонстрацию потребления в одних ситуациях и сокрытие в других.

Информанты подтвердили распространенную точку зрения о том, что потребление наркотиков чаще свойственно представителям творческих профессий: *«Это для людей, которые продают продукты своего воображения. Для людей с аналитическим складом ума, продающих не продукты своего воображения, а способность анализировать и собирать из кубиков всякие вещи, не имеет никакого смысла, только в качестве отдыха»* (программист, 43 г.). Для представителей других профессий потребление наркотиков скорее является способом отвлечься от работы, расслабиться и отдохнуть, получить удовольствие.

Примечательно, что в восприятии человека, не сталкивавшегося с потребителями героина, портрет потребителя определяется через приписывание ему неспособности к деятельности: *«Человек сидя спал и о чем-то говорил, т. е. он отвечал невнятно и путано на все вопросы. Было непонятно, что с ним происходит. Потому что вроде и выпил не так много, и я не понимала, что происходит. Ну, была усталость у человека, я на это все списала»* (архитектор, 42 г.). В то же время представители бизнеса, имеющие очень высокий доход, обозначаются как «гипервключенные» в «нетворческую» деятельность — *«ребята занимались бизнесом и им, честно говоря, было не до пустяков. И они не увлекались ничем, тем более что бизнес серьезный и не сильно творческий»* (программист, 43 г.). Они хотя и приобщаются к потреблению наркотиков, но чаще после окончания рабочей недели — на weekend'ах. Такой тип потребления можно обозначить как «синдром выходного дня», известный и распространяющийся и среди российских представителей бизнеса и медийных профессий. Гипервключенность в работу, постоянные переработки, стрессы и пр. приводят к необходимости резкой смены ситуации, полного снятия контроля и ответственности, что довольно часто приводит

к передозировкам, нервным и психическим расстройствам, вызванным не столько чрезмерным потреблением наркотиков, сколько образом жизни в целом.

Многие информанты отметили стимулирующую и концентрирующую функции потребления некоторых наркотиков (амфетамин и марихуана, соответственно). С этой целью наркотики употребляются вне офисной работы, особенно в проектной деятельности, например, перед сдачей отчетов: *«Когда мне нужно было иной раз чертить, вот я работала день, потом ночь и мне еще нужен следующий день, и вечером мне нужно отчитаться о проделанной работе, то, в принципе, это неплохой стимулятор. Но выматывает, после этого надо хорошо выспаться»* (архитектор, 42 г.).

Рационализация потребления наркотиков, которой ежедневно занимаются потребители, через практики соответствия нормативным представлениям об исполнении нормативных ролей позволяет им в основном не выделяться из большинства, не привлекая тем самым внимания к процессам формирования стилистических особенностей их жизни. Информанты отводят потреблению наркотиков вполне конкретную сферу своей жизни, скрытую от глаз и понимания общественности и открытую только для представителей сообщества. Однако в повседневности некоторые отпечатки стиля могут считываться другими людьми (чаще, конечно, представителями сообщества потребителей) через, казалось бы, малозаметные детали. Стиль становится заметным, проявляясь «отпечатками» на следующих континуумах индивидуальных микропроявлений: континууме идентификации, поведения, языковом континууме.

Континуум идентификации указывает на протяженность пути от «игр идентичностями» и стилями жизни, попыток самоопределения и дистанцирования от негативных обозначений / самообозначений до принятия стигмы и самостигматизации.

Первоначальным способом самоидентификации наших информантов стало определение себя как *потребителей наркотиков* и дистанцирование от «наркозависимых», к которым обычно причисляют потребителей опиатных наркотиков или тех, кто употребляет наркотики инъекционно. Группа потребителей таких наркотиков конструируется как источник зла, из-за которого стигматизируются все агенты пространства потребления наркотиков. Потребление героина ассоциируется с повышенными рисками заражения опасными заболеваниями через зачастую мифологизированные негигиеничные условия потребления. Чем выше мы поднимаемся по «потребительской лестнице», тем больше становится дистанция от героиновых потребителей, которые сегодня

конструируются как явные аутсайдеры даже в пространстве потребления наркотиков. Один из информантов так формулирует различия между богатыми и бедными, определяющие и дихотомию потребления — героина как наркотика для бедных и кокаина как наркотика для богатых: *«Люди, которые хорошо зарабатывают, начинают не то чтобы быть уверенными в том, что если вокруг них люди, зарабатывающие меньше их, — лузеры, но слегка эта мысль мелькает. Во всяком случае, те люди, которых я близко знаю, избегали общения с теми людьми, которые не добились по разным причинам успеха, измеряемого деньгами или положением, или известностью, в основном, деньгами, они привносят определенный диссонанс в компанию людей зарабатывающих»* (программист, 43 г.).

Потребители кокаина также проводят границу между собой и потребителями героина через различия в способе употребления: *«гламурность в том, чтобы вынюхать дорожку — есть своеобразная, даже в том, что нюхают через купюру. Не то что в подьезде грязном, шприцом, посреди бомжей, вколоть себе неизвестно что»* (программист, 43 г.), а также между собой и потребителями дешевого аналога кокаина — амфетамина — через сравнения качества «продукта»: *«У амфетамина — уж больно химический запах, прямо вот вдыхаешь и чувствуешь какую-то нездоровую химию, как будто порошок стиральный нюхаешь»* (продюсер, 37 л.), через наделение этого потребления символической ценностью: *«Кокаин — это что-то более эстетичное — на стеклянном столике со свечкой...»* (продюсер, 37 л.).

Потребителям галлюциногенов больше других свойственно наделять потребление «мистическими» и символическими знаками отличия, которые через него передаются. Идентифицируя себя с потребителями галлюциногенов, индивиды присваивают себе статус «избранных», «особенных», «познавших больше других». Потребление этих наркотиков всегда сопровождается налетом «шаманизма» или эзотерических учений, связанных с изначальными функциями потребления галлюциногенов — впадением в транс и связью с душами мертвых предков, пришедшими к нам, в основном, из сакральных практик коренных народов Севера и мексиканских шаманов.

Символическое понимание сакрального в гораздо меньшей степени выражено у курильщиков марихуаны. В большинстве случаев курение является аналогом потребления алкоголя и выполняет сходную расслабляющую функцию, но без синдрома похмелья. Но поскольку курению изначально приписывались сходные с потреблением галлюциногенов смыслы, среди потребителей до сих пор встречаются те, кто выделяет свои практики как сакральные и дистанцируется от «рутинного», «бездумного» потребления марихуаны и ее производных, «чтобы посмеяться». Один из информантов, объясняя, почему он перестал общаться

с другом детства, подчеркивает, что их «развели» смыслы употребления: *«Мы с ним иногда накуривались, но мне не очень нравилось, потому что он не понимал какой-то психоделичности, а он по-прежнему хотел посмеяться. А я все больше накуренным молчал, созерцал, думал, иногда закидывал какие-то фразы»* (журналист, 32 г.).

Потребление «экстази» репрезентируется как сугубо досуговая практика, осуществляемая для стимулирования «танцевального» настроения в ночных клубах. Необходимость принимать «экстази» в других ситуациях чрезвычайно маловероятна. Потребление «экстази» не обладает функциональностью амфетамина или престижностью потребления кокаина, сакральностью потребления галлюциногенов или марихуаны. Скорее потребление «экстази» является приятным способом времяпрепровождения, активизирует гедонистические потребности индивидов в самолюбании, признании другими людьми и т. д.: *«Рост у меня 1.62, я хрупкого телосложения, но в тот день после всего съеденного мы пошли прогуляться в магазин, вдруг через несколько минут я поняла, что я модель. Я — невероятно тонкая, высокая и очень сильно красивая. Я ходила по магазину, теребила своего друга за рукав и говорила: “Посмотри на меня, я же модель! Посмотри, как я прекрасна!”»* (дизайнер, 32 г.).

Континуум поведения наравне с континуумом внешности в повседневной жизни является основным источником информации о том или ином индивиде или поле. Незаметные для одних или очевидные для других особенности поведения и внешности указывают на стилистические и потребительские предпочтения. Отклонение от нормативной модели может быть способом выделиться и восприниматься положительно, но может становиться и сигналом об исходящей опасности. Континуум внешности включает в себя различные категории: от прямых указаний на состояние здоровья или болезни (от цвета лица, состояния тела до следов от уколов, инвалидности и пр.), до континуума проявлений того, что скрывает тело, — косметики, одежды, украшений, совокупность которых в каждой социальной ситуации может восприниматься по-разному.

Легко заметным способом конструирования стиля становится выделение себя среди других через необычные стрижки и прически. Наиболее яркими примерами являются дреды как символ причастности к расафарианству (религии, обозначающей потребление марихуаны как способ поклонению богу Джа) и ирокез, традиционно воспринимающийся как символ протеста, пришедший из панковской субкультуры. И то, и другое в глазах обывателя — признаки отклонения от нормы, а потребление наркотиков становится наиболее простым и распространенным способом объяснения таких отклонений. Любая нестандарт-

ная, ненормативная внешность может символизировать потенциальную опасность, поскольку таит в себе непонимаемое и неизведанное.

В процессе исторических изменений многие субкультуры и контркультуры, а также способы их «отпечатывания» в повседневности проявляют тенденцию к нормализации. Даже пятилистник марихуаны как очевидный символ, отсылающий к ее потреблению, размноженный на тысячах однотипных футболок, сумок или кепок, приобрел характер массового продукта, потреблять который могут даже дети. Идеология общества потребления, с одной стороны, ведет к «размножению» однотипных потребительских практик, с другой, диктует необходимость выделения из толпы потребляющих и одновременно — необходимость подчеркивания уникальности отдельных товаров и услуг на рынке однотипных товаров. Однако даже в этом обществе существуют определенные представления о норме, которые позволяют одних определять позитивно как «экстравагантных», других — негативно как «сумасшедших» или «неадекватных». Это тонкое различие на практике обычно связано с тем, насколько необычный внешний вид или поведение проявляются в процессе взаимодействий. Если они становятся органичными проводниками или «аккумуляторами», то наделяются знаком «+», если нарушают нормы, то знаком «-». Так, в полевом дневнике, отражающем процесс общения с одним из информантов, эти тонкие различия были наглядно обозначены следующим образом: *«Он почему-то был в парике, больше напоминавшем казахскую войлочную шапку, как ни странно, весьма органично на нем сидевшую»* и *«Периодически он доставал связку колокольчиков, “чтобы прочистить ауру”*. Долго звенел, после чего мы опять продолжали разговор». И первый, и второй случай могут быть описаны в терминах описания таинства, в рамках которого подобное поведение естественно. В ситуации же интервью прерывание его звоном колокольчиков скорее воспринималось как нарушение интеракции, т. е. как негативное явление.

«Отпечатки» потребления наркотиков на внешности скорее стереотипизированы, чем очевидны: одни и те же особенности могут быть как признаком употребления наркотиков, так и признаком усталости, возбуждения, болезни или других состояний организма. Полицейские, осуществляющие досмотры возле метро или на улице, чаще всего пользуются набором характеристик, которые заранее определены и указывают на «подозрительных личностей». Чаще всего злоупотребление наркотиков описывается следующим образом: *«Он тоже очень плотно употреблял, но еще больше, сильнее, он меня даже пугал. То есть в 17 лет у него уже были видны изменения его личности, изменения физического состояния, впавшие глаза, высушенная кожа»* (журналист, 30 л.).

«Компетентные» потребители много рассказывали о своих способах рационализации потребления наркотиков, важным пунктом которой является сопоставление «трезвого» состояния и состояния «после употребления». Боязнь потерять контроль и стать «заметным» для окружающих через изменения внешности или поведения описывались так: *«Я настолько контролировала свое состояние, что со мной не происходило вообще ничего, потому что, попробовав, я ждала и думала о том, какие изменения происходят со мной, пыталась, вернее, их найти. В итоге это ничем абсолютно не заканчивалась, и где-то раз в пятый произошло состояние, которое я называю состоянием “сибирской кошки”. Я стала аморфной, в голове крутились мысли, а сказать я их боялась, потому что мне казалось, что речь моя будет бессвязной, мне даже было стыдно. В итоге я поняла, что по складу своего характера я чересчур активный человек и люблю, когда я активная, и очень не люблю состояние депрессии, а тут получилось, что я искусственно себя в это состояние втянула»* (архитектор, 42 г.). В условиях жесткой стигматизации со стороны государства и общества осознание рисков и последствий потребления заставляет потребителей подтверждать свою «компетентность», осуществляя постоянный «рефлексивный мониторинг» собственных действий. Информант — представитель поля потребления галлюциногенов — описывает особенности, свойственные в большей степени этому полю (потребители галлюциногенов редко становятся пациентами наркологии, зато чаще других оказываются в психиатрических отделениях), но также и всему пространству потребления: *«Когда ты понимаешь гораздо больше, жажда этого понимания может привести к катастрофическим последствиям. Ты перестанешь понимать, где сказка, а где быль, и начинаешь вести себя... люди называют это — неадекватно. Но если есть понимание, что все хорошо в меру...»* (рг-директор, 37 л.).

Языковой континуум обозначает границы понимания между представителями нормативной и ненормативной частей общества. Процесс присвоения общеизвестным явлениям новых названий в рамках коммуникаций в конкретном поле не всегда означает принятие всеми участниками этого поля новых правил и обозначений. Крайний же переход от «языка большинства» к непонятному для него «языку меньшинства» может означать потерю понимания, отдаление и дистанцирование.

Процессам формирования языковой культуры и сленга в отдельных сообществах посвящено довольно много филологических и микросоциальных исследований. Так называемый «наркоманский сленг» часто становится объектом контрпропаганды и дидактических материалов, призванных при обнаружении сходства реальности с представленным описанием «предупредить беду». Подобно описанию внешности, сленг

становится способом выявления и определения представителей пространства потребления наркотиков: как для контролирующих органов, так и для тех, кто не употребляет.

По словам информантов, сегодня специфический язык потребления наркотиков практически растворился в повседневной жизни, за исключением специального телефонного языка, которым пользуются для того, чтобы не попасть под подозрение полиции или ФСКН при обсуждении покупки или продажи наркотиков. Чаще всего сленговым аналогом обычных обозначений становятся названия, которые косвенно указывают на разные характеристики разных наркотиков. Наиболее принятое обозначение процесса употребления каннабиноидов — «есть почитать?» или «пойдем почитаем», что указывает на эффект концентрации во время потребления. Кокаин чаще всего обозначается как «первый» или синонимами «первого», очевидно, что такое обозначение свидетельствует о высокой стоимости, престиже и пр. Таблетки «экстази» чаще всего обозначают как «круглые», указывая на форму, а не на смысловое содержание и т. д. Сегодня «компетентность» потребителей измеряется в том числе владением специфическим языком, который служит не для «разговора на одном языке», а для обеспечения безопасности.

Выводы

Различие репрезентаций наркопотребления на макро- и микроуровнях проблематизирует понимание структуры пространства потребления наркотиков и создает объективные сомнения в легитимности доминирующей на данный момент позиции государства по отношению к потреблению наркотиков. Усилия государства, направленные на борьбу с потребителями, оказываются эффективными в первую очередь в отношении потребителей опиатных наркотиков, которые и без того постоянно подвергаются стигматизации и исключению со стороны других потребителей и существенным образом самостигматизируются. Потребители остальных наркотиков в силу существующего универсального законодательства также априори находятся в рискованном положении. Однако их позиции по отношению к реальному риску определяются их позициями в пространстве распределения различных капиталов и ресурсов. А универсальное законодательство хоть и ставит всех потребителей в одинаковое положение, но не учитывает, что именно различия позиций самих потребителей позволяют разными способами избегать эффекта универсализации, социального исключения и стигматизации.

Индивидуальные, на первый взгляд, характеристики поведения индивидов существенно опосредованы интерактивными социальными смыслами и опытом. Закрепление определенной нормативной модели

существования человека в обществе, с одной стороны, структурирует поведение, с другой, создает возможности для «встраивания» собственного поведения в эту модель. Рационализация практик потребления разных видов наркотиков и их отражений, сопоставление с общепринятыми нормами и правилами позволяет «компетентным потребителям» перемещаться и балансировать между включением и исключением, «отрабатывая» стиль жизни «текущего» человека. В разнообразно дифференцированном социальном пространстве различие становится одним из основных критериев для понимания не только структурных характеристик потребления наркотиков, но и общества в целом.

Литература

- Бартенев А. Г.* Восприятие образа наркотизма и потребителя наркотиков // *Бартенев А. Г.* Восприятие образа наркотизма и потребителя наркотиков населением Республики Татарстан: результаты социологического исследования, 2008. [www.narkotiki.ru/research63_74.html].
- Бартенев А. Г.* Наркотизация российской молодежи: дифференцированность наркотических практик: социологический анализ. Канд. дисс. к.с.н. Нижний Новгород, 2009.
- Бурдые П.* Социология политики // Социальное пространство и генезис «классов». Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
- Бурдые П.* Различение: социальная критика суждения. Пер. Кирчик О.И. // Экономическая социология. 2008. № 3. Т. 6.
- Веселов Ю.В.* Бедность по русски // Аргументы и факты. 2011. № 51. [www.spb.aif.ru]
- Лыткина Т.С.* Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 4. № 1. С. 87–109.
- Мельников С.* Охота к охоте // Огонёк. 2013. № 13 (5273). 08.04.2013. [<http://www.kommersant.ru/doc/2160897>]. Режим доступа: 26.04.2013.
- Нормальная молодежь: пиво, тусовки, наркотики* / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во УГУ, 2005.
- Пилкингтон Х.* «Для нас это нормально»: исследование «рекреационного» употребления героина в культурной практике российской молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 2.
- Ярошенко С.С.* Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 34–42.
- 10 лет* после легализации всех наркотиков в Португалии // Дискуссии. Частный Корреспондент. 14.03. 2013. [http://www.chaskor.ru/news/10_let_posle_legalizatsii_vseh_narkotikov_v_portugalii_31325]. Режим доступа: 26.04.2013.
- Becker H.* Becoming a Marihuana User // American Journal of Sociology. 1953. 59. Pp. 235–242.
- Bernburg J.G., Thorlindsson T.* Routine activities in social context: A closer look at the role of opportunity in deviant behavior // Justice Quarterly. 2001. 18. Pp. 543–567.

Brochu S., Duff C., Asbridge M., Erickson P. “There’s what’s on Paper and then there’s What Happens, out on the Sidewalk”: Cannabis Users Knowledge and Opinions of Canadian Drug Laws // *Journal of Drug Issues*. 2011. 41. Pp. 95–115.

Calafat A. and others. Risk and control in the recreational drug culture / Sonar Project. Palma de Mallorca: IREFREA, 2001.

Confronting drug policy: illicit drugs in a free society. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Goode E. The Marihuana smoker. New York: Basic Books, 1970.

Hathaway A. Cannabis normalization and stigma: Contemporary practices of moral regulation // *Criminal Justice*. 2011. 11. Pp. 451–469.

Hawdon J. Deviant lifestyles: The social control of routine activities // *Youth and Society*. 1996. 28. Pp. 162–188.

Hirst J., McCamley-Finney A. The place and meaning of drugs in the lives of young people. Health Institute Report. No. 7. Sheffield Hallam University, 1994.

Measham F., Parker H., Aldridge J. The teenage transition: From adolescent recreational drug use to the young adult dance culture in Britain in the mid-1990s. // *Journal of Drug Use*. 1998. 28. Pp. 9–32.

Osgood D., Wayne J. K., Wilson M., O’Malley J., Bachman G., Johnston L. Routine activities and individual deviant behavior // *American Sociological Review*. 1996. 61. Pp. 635–655.

Pape H., Rossow I. Ordinary “People with “Normal” Lives? a Longitudinal Study of Ecstasy and other Drug use among Norwegian Youth // *Journal of Drug Issues*. 2004. 34. Pp. 389.

Rødner S. “I am not a drug abuser, I am a drug user”: A discourse analysis of 44 drug user’s construction of identity // *Addiction Research and Theory*. 2005. 13 (4). Pp. 333–346.

Rødner S. Practicing Risk Control in a Socially Disapproved Area: Swedish Socially Integrated Drug Users and Their Perception of Risks // *Journal of Drug Issues*. 2006. 36 (4). Pp. 933–952.

С.В. Мозжегоров

СТРАТЕГИИ ГОМОСЕКСУАЛЬНОГО РАСКРЫТИЯ В ЛИЧНОСТНЫХ НАРРАТИВАХ РОССИЙСКИХ ГЕЕВ И ЛЕСБИЯНОК

В фокусе исследования находятся личностные нарративы индивидов, идентифицирующих себя в качестве геев и лесбиянок и имеющих опыт совершения гомосексуального раскрытия. Мы делаем акцент на интеракционистских аспектах реализации стратегий гомосексуального камин-аута в конкретных социальных контекстах. В рамках проводимого исследования мы попытались выяснить то, как осуществляются поведенческие стратегии раскрытия гомосексуалов в трех разграниченных полях интеракции — сфере личностного бытия, институциональной среде и публичной сфере. Особое внимание уделено вопросу о том, какие мотивы и потребности движут гомосексуалами, определяя стремление «быть открытыми» в их повседневной жизни.

Ключевые слова: *геи, лесбиянки, гомосексуальное раскрытие (камин-аут), личностные нарративы, поля интеракции, личностная сфера, институциональная среда, публичная сфера, практики акционизма.*

Методологические предпосылки исследования

Концептуализация гомосексуального раскрытия изначально происходила в рамках западного научного дискурса. Актуализация данной проблематики осуществлялась в ракурсе теоретического моделирования гомосексуальной идентичности (Cass 1984; Coleman 1982; Troiden 1989),

Мозжегоров Сергей Владимирович — аспирант факультета социологии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва) (svmozjegorov@gmail.com)

где этапу раскрытия, как правило, предшествовали стадии осознания индивидом своего отличия от других людей и появления чувства сомнения в собственной гетеросексуальности. Однако производимые модели акцентировали свое внимание скорее на психологической нежели социальной проблематике совершения раскрытия в контексте выстраивания индивидуальной гомосексуальности, что существенно ограничивало само понимание положения представителей ЛГБТ-сообщества* в современном социуме.

Ключевой теоретико-методологической работой, в которой была осмыслена социальная и политическая проблематика раскрытия личностной гомосексуальности, считается труд американской исследовательницы С. Кософски «Эпистемология чулана». С данной работой связано появление в научном обиходе метафоры «выхода из чулана» (coming out of the closet). Согласно С. Кософски, категории «чулана» и «раскрытия» неотделимы друг от друга и предполагают включенность индивида в социальный контекст, связанный с возможным пересечением границ частного и публичного (Кософски 2002). Иными словами, «выход из чулана» и являет собой акт раскрытия, т. е. принятия и признания индивидом своей собственной гомосексуальной идентичности в социальном поле, по сути — преодоления выстроенной границы приватно-чуланного.

В зарубежной литературе достаточно внимания уделяется состоянию закрытости геев и лесбиянок и воспроизводимому социальному контексту, который, так или иначе, влияет на возможности совершения гомосексуального камин-аута. Центральное место в концепции «чулана» занимает проблема двойной жизни и необходимости осуществления повседневных стратегий управления гомосексуальным Я (Seidman, Meeks, Traschen 1999). На это направлена и критика самой идеи «чулана» как тотализированного пространства подчинения и социальной изоляции гомосексуалов в обществе. Для закрытых геев и лесбиянок их субъективность и воспроизводимый опыт ограничены пространством «чулана», репрессивный характер которого организует их повседневную жизнь. Соккрытие становится определяющим фактором воспроизводства маргинального социального статуса гомосексуалов в условиях существующего гетеронормативного порядка (Ryan 2003). Нахождению в пространстве «чулана» противопоставляется акт гомосексуального раскрытия, понимаемый в качестве освободительного действия и преодоления индивидами навязанного извне гомонегативистского сознания. В научно-исследовательской среде поддерживается утверждение

* ЛГБТ (от англ. LGBT) — аббревиатура, обозначающая сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров.

о том, что камин-аут для гомосексуально-ориентированных людей представляется значимым событием их повседневной жизни (Plummer 1995), которое позволяет справиться с внутренней стигмой и имеющим место социальным отчуждением в контексте взаимодействия с другими людьми (Corrigan, Matthews 2003).

Интерес исследователей к социальной проблематике камин-аута и пребывания в пространстве «чулана» находит отражение в зарубежных исследованиях повседневной жизни геев и лесбиянок. В этом отношении особое внимание заслужила работа социолога С. Сейдмана «За пределами чулана», посвященная трансформации жизненного пространства проявления открытости американскими геями и лесбиянками. По наблюдениям исследователя, «большинство представителей ЛГБТ-сообщества в своей сегодняшней повседневности все чаще находятся “вне чулана”, поэтому сам акт раскрытия является излишним» (Seidman 2004). Данное обстоятельство объясняется произошедшими в последние десятилетия изменениями в политической жизни американского общества, когда политика, направленная на поощрение практик дискриминации, в том числе поддержку сокрытия геев и лесбиянок, существенно ослабла, таким образом, были созданы благоприятные условия для социального принятия американцев, живущих «по ту сторону чулана». Вместе с тем С. Сейдман, как и прежде, признает значение «чулана» как инструмента репрессивного воздействия, закрепляя мысль о том, что нахождение в «чулане» продиктовано регулирующим действием доминирующих в обществе социальных гетеронормативов (Seidman 2004).

В свою очередь, интерес российских социологов к проблеме нахождения в пространстве «чулана» и реализации гомосексуального раскрытия в социальном контексте достаточно ограничен. Отчасти дефицит исследований по данной тематике объясняется распространенным в российском научном сообществе гомонегативизмом и восприятием гомосексуальной проблематики как маргинальной и идеологически-пропагандистской. Нам известны лишь две публикации, в которых напрямую затрагивается проблема гомосексуального камин-аута в ракурсе социологического исследования.

В исследовании, посвященном сценариям раскрытия лесбийской идентичности, социолог О. Парфенова рассматривает камин-аут в качестве «тактического действия, которое необходимо постоянно обдумывать и взвешивать в условиях гегемонии нормативной гетеросексуальности» (Парфенова 2010). На основе анализа биографических интервью выделяются четыре сценария раскрытия лесбийской идентичности — молчаливый, успешный, конфликтный и вынужденный. Особенности осуществления того или иного сценария связаны с такими сферами

жизни ЖСЖ*, как семья, профессиональная занятость, друзья и взаимодействие с гинекологом. Вывод, к которому приходит исследовательница, подтверждает известный в западном научном дискурсе тезис о том, что тактика раскрытия и утверждения идентичности предполагает возможность избирательного выстраивания моделей поведения в различных областях повседневной жизни (Persson, Richards 2006).

Не меньший интерес представляет и статья социолога А. Жабенко о проблеме совершения камин-аута в лесбийской семье с детьми. В статье актуализируются процессуальные особенности раскрытия, предполагающие реализацию определенных поведенческих стратегий в контексте факторов стигматизации лесбиянок (Жабенко 2010). Метод глубинного интервью позволил выявить преобладание стратегии камин-аута в так называемом кругу «своих», куда входит непосредственно семья, а также родители и близкие друзья. Однако в контексте институциональных взаимодействий в обществе осуществление раскрытия не является приоритетной стратегией поведения лесбийской семьи. Таким образом, исследовательница обращает внимание на действие механизмов исключения, влияющих на возможности выбора стратегий раскрытия и сокрытия в конкретном социальном контексте.

Отметим, что обе работы, так или иначе, затрагивают проблему «чулана» и маргинализирующего действия социальных нормативов в отношении представителей гомосексуального сообщества. Выстроенный социосексуальный порядок, основанный на гомонегативизме и неприятии гомосексуальности, является определяющим фактором, влияющим на повседневную жизнь российских геев и лесбиянок. В этом смысле отмеченные оригинальные исследования достаточно последовательно воспроизводят логику зарубежного антигомофобного научного дискурса, сфокусированного на проблематике осуществления гомосексуального камин-аута в социальном поле. Кроме того, результаты представленных изысканий, несмотря на свои существенные тематические ограничения (в обоих случаях речь идет исключительно о раскрытии лесбиянок), имеют очевидную эмпирическую ценность в научно-исследовательской перспективе для понимания возможностей и ограничений раскрытия гомосексуальности в той или иной российской социальной среде.

Теоретико-методологическая рамка исследования и ключевые понятия

Рассмотрение стратегий раскрытия в контексте выстраивания гомосексуального Я будет происходить в теоретических рамках парадигмы социального интеракционизма. Методологические возможности дан-

* ЖСЖ — сообщество женщин, практикующих секс с женщинами.

ного подхода наглядно продемонстрированы в работах Дж. Мида, И. Гофмана, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, Р. Фогельсона. Авторы объединяет метапозиция, в соответствии с которой становление идентичности происходит в контексте погружения индивида в заданный социальный контекст. По мысли одного из основоположников интеракционизма Д. Мида, понятие самости (self) включает в себя активное переживающее «Я» и соответствующее восприятие себя как объекта, или «мое Я» (Абельс 2000). Характер повседневного социального взаимодействия с другими людьми оказывает прямое влияние на то, как субъект начинает осмыслять и выстраивать собственное гомосексуальное Я, воспроизводя конкретную модель поведения (Giddens 1991). В этом смысле именно производимые практики социальной интеракции представляются средством, позволяющим геям и лесбиянкам осуществлять стратегии раскрытия своей ненормативной сексуальности перед другими людьми.

В соответствии с интеракционистским подходом камин-аут следует понимать в качестве постепенного и избирательного процесса, в ракурсе которого индивид может открыто признавать свою гомосексуальность для одних людей, но при этом оставаться нераскрытым для других. Определяющее значение в данном случае будет иметь нахождение субъекта в заданной социальной среде. Мы полагаем, что самовыражение индивидами собственного гомосексуального Я посредством конкретной стратегии камин-аута будет зависеть от того, какой будет предполагаемая самим раскрывающимся субъектом реакция конкретного социального окружения на инициированное им действие.

Опираясь на опыт исследований российских социологов О. Парфеновой и А. Жабенко, мы также станем выделять отдельные сферы повседневной жизни, в ракурсе которых реализуются стратегии гомосексуального раскрытия/сокрытия. Действуя в русле интеракционистской парадигмы, мы введем такое ключевое понятие, как «поле интеракции». Данная категория во многом имеет заимствованный контекстуальный характер и по своему смыслу достаточно близка к определению «социального поля» П. Бурдьё. Различие определений заключается в том, что понятие «поле интеракции» акцентируется именно на коммуникативной составляющей взаимодействия, а не на выделении неких устойчивых позиций, которые занимают индивиды в конкретных рамках социального подпространства. Таким образом, под полем интеракции следует понимать определенную социальную среду, в пределах которой осуществляются различные формы взаимодействий гомосексуального индивида с другими людьми. Очерчивание границ полей интеракции позволит нам, во-первых, структурировать общее социальное пространство повседневной жизни геев и лесбиянок; во-вторых, выявить

и обозначить индивидуальные позиционные стратегии самовыражения, направленные на раскрытие и/ или сокрытие гомосексуальности в конкретном поле интеракции.

В теоретической модели исследования мы выделим три основных поля интеракции: личностную сферу, включающую в себя семейно-родственные и дружеские отношения; институциональную среду, определенную рамками трудовой и профессиональной деятельности; а также публичную сферу, под которой мы станем понимать реализацию практик акционизма и политико-активистской ЛГБТ-деятельности. На наш взгляд, такое разграничение логически разделяет отдельные поля взаимодействия повседневного жизненного пространства раскрывающихся гомосексуалов.

Вместе с тем стоит отметить, что выделенные поля не равноценны. Если личностная сфера и институциональная среда выступают в качестве автономных коммуникативных полей, то публичная сфера производит формы интеракции, которые могут воздействовать на оба обозначенных поля. Гомосексуальный камин-аут в публичной сфере рассматривается нами в контексте реализуемых практик акционизма, которые могут выступать средством раскрытия в личностной и институциональной среде. Кроме того, необходимо понимание того, что каждое обозначенное поле предполагает свои регламентации выстраивания взаимодействия с другими людьми.

Методика эмпирического исследования

В качестве методического инструмента реализации исследования и одновременно предмета анализа и интерпретации полученных данных был использован личностный нарратив. Таким образом, дискурсивное производство гомосексуального Я для нас будет воплощаться в личностном повествовании о раскрытии ненормативной сексуальности.

В основу выделения личностных стратегий раскрытия информантов положен критерий индивидуального самовыражения геев и лесбиянок в контексте повседневного взаимодействия с социальным окружением. Основным стоящим перед нами исследовательским вопросом является то, как индивидом проявляется открытость собственного гомосексуального Я в том или ином поле социальной интеракции. В перспективе воспроизводимые посредством личностного нарратива стратегии камин-аута позволят нам найти объяснение тому, чем обусловлена реализуемая модель поведения в определенной социальной среде.

Эмпирический этап исследования заключался в проведении серии нарративных интервью с участниками и активистами российского ЛГБТ-движения. Несмотря на заданный нами методический формат, охватывающий множество производимых тематических сюжетов вы-

страивания гомосексуальной биографии, в данной работе мы сфокусировали внимание лишь на проблематике камин-аута. На наш взгляд, сам по себе опыт гомосексуального раскрытия следует рассматривать в процессуальном измерении, которое может быть воспринято исключительно через автобиографическое повествование. Между тем, исследуя нарратив о гомосексуальном камин-ауте, мы опирались на заранее составленный интервью-гайд, структура которого предполагала вопросы о реализуемом раскрытии в различных социальных средах. В самом начале мы просили рассказать о своем камин-ауте, и, как правило, информанты произвольно воспроизводили опыт раскрытия в личной сфере (семья, близкие друзья, родственники). После достаточно подробных вопросов о контексте семейных и дружеских отношений по подобному сценарию нами задавались направления повествования и последующие вопросы о камин-ауте в сфере трудовой деятельности, а также в ракурсе практик публичного акционизма. Нужно заметить, что задаваемые нарративные установки принимались информантами.

Основанием для рекрутинга участников исследования стали два критерия: во-первых, идентификация индивидом себя в качестве гомосексуала (гей и лесбиянка), во-вторых, наличие опыта совершения гомосексуального раскрытия. В период с февраля по сентябрь 2012 г. было проведено 17 нарративных интервью в двух городах — Москве и Санкт-Петербурге. В качестве базы информантов использовались такие российские ЛГБТ-организации, как «Радужная ассоциация» (г. Москва) и «Выход» (г. Санкт-Петербург). Возрастной диапазон информантов составил от 21 до 38 лет; гендерное соотношение — 11 геев и 6 лесбиянок.

Нахождение информантов не представляло особой трудности, что обусловлено персональной вовлеченностью исследователя в деятельность российских ЛГБТ-организаций. В этом смысле исследователь не был «человеком со стороны», а изначально воспринимался информантами как представитель «своего» сообщества. Это способствовало формированию достаточно доверительных отношений между субъектами интеракции, и как следствие, высокому уровню открытости, а в отдельных случаях — откровенности информантов. Отсутствие зримой дистанции позволило нам на этапе интервьюирования проявлять эмпатию и эмоциональную близость по отношению к информантам, драматургически вживаясь в воспроизводимый ими личностный опыт. Последующий же анализ и интерпретация нарративов сопровождалась принятием позиции, в соответствии с которой мы намеренно абстрагировались от контекста воспроизводимой прежде межличностной коммуникации.

Материалы представленных интервью были предварительно анонимизированы: в тексте отсутствует информация, по которой можно было бы персонифицировать информантов.

Личностная сфера: семейно-родственные и дружеские отношения

Сфера личного жизненного пространства геев и лесбиянок представляется одной из наиболее важных, если не главных составляющих в контексте раскрытия индивидами своей гомосексуальности. Мы фокусируем внимание на семейно-родственных и дружеских отношениях, предполагающих достаточно тесный и статичный слой выстроенной межличностной коммуникации. Будь то семейные узы или близкие отношения с другими людьми — все это подчинено некому сформированному приватному бэкграунду, который определяется временем нахождения рядом, получением совместного жизненного опыта, производимой эмоциональной близости.

Раскрыть ненормативную сексуальность в семье — значит изменить восприятие себя родственно-близкими людьми, перестать соответствовать их ожиданиям и представлениям. Поэтому гомосексуальный камин-аут в семейном контексте зачастую связан с воспроизводством эмоций и психоэмоциональных реакций как со стороны раскрывающихся, так и воспринимающих. Эмоции играют ключевую роль в выборе информантами личностной стратегии раскрытия. Как правило, установка на камин-аут в семье связывается с необходимостью удовлетворения собственных экзистенциальных потребностей и попыткой установления положительных внутрисемейных отношений.

Как показывают воспроизводимые нарративы, гомосексуальное раскрытие в семье преимущественно совершается перед родителями, т. е. матерью и/ или отцом, значительно реже — перед другими родственниками. Крайними полюсами стратегий камин-аута в семейном контексте являются, с одной стороны — ориентация на полное раскрытие, с другой — полное сокрытие и нереализованный камин-аут. В обоих случаях могут действовать как контрастные, так и достаточно схожие мотивационные установки, которые, в конечном счете, учитывают вероятные внешние реакции родителей на восприятие раскрывающегося гомосексуального Я.

Стратегия на сознательный камин-аут связывается с необходимостью нахождения взаимопонимания и преодоления отчуждения в отношениях с родителями. Это, в свою очередь, обусловлено желанием информантов создать комфортную коммуникативную среду для возможностей проявления гомосексуальной открытости. Показательно, что стратегия на полное раскрытие принимается информантами в качестве необходимой и вполне оправданной:

«Шагом вперед было для меня сказать маме; я это сказал, и это стало правдой... и тогда мне стало как-то так легче, хотя это и мама трудно воспринимала, для нее это был шок; но она меня все равно приняла, сказала,

что “да, я тебя все равно люблю, по-прежнему”, ничего не изменилось... мне нужна была ее поддержка (Глеб, 28 лет).

«Какое-то время я готовился, настраивал себя... мама как бы принимала все по умолчанию; потом отец как-то пришел с работы, видимо, они поговорили; после он подходит и спрашивает так “ты, что ли, педераст?”... я ответил, что да, не хотелось ничего скрывать; я рассказал ему все... с отцом полная открытость в этом плане» (Роман, 27 лет).

Данные нарративы, так или иначе, подчеркивают важность гомосексуального камин-аута и связанных с ним возможностей проявления информантами собственной открытости в контексте семейных отношений. Обратным вариантом отмеченной стратегии является ориентация на сознательное сокрытие гомосексуальности. В этих случаях семья остается полем интеракции, где реализуется стратегия на полную сокрытость. Приведем фрагмент интервью, проясняющий подобную стратегическую позицию информантки:

[И ты никогда не хотела раскрыться перед родителями?]

«Нет, потому что я знала, что маму это расстроит, я этого не хочу.

[Ну, наверное, всех родителей это может расстроить...]

Ну да... я просто не хочу ее расстраивать.

[Но разве не комфортнее для тебя открыться однажды, а отношения, так или иначе, потом нормализуются. Ты так не думаешь?]

Комфортнее, но... я не считаю, что это того сейчас стоит» (Евгения, 27 лет).

В соответствии с позицией информантки, осуществляемая стратегия на избежание гомосексуального камин-аута имеет свои оправдательные мотивы в заданном социальном контексте. Вместе с тем принятие подобной стратегии во многом носит ситуативный характер и определено настоящим временем, т. е. «здесь и сейчас», что дает нам основания говорить о возможной перспективе раскрытия в будущем времени.

Нельзя не отметить, что мотивационная составляющая обозначенных выше стратегий различается. Если в стратегии гомосексуального раскрытия информантами движет желание «быть открытыми», обусловленное личностным проявлением, то в стратегии на сокрытие информанты чаще всего ориентируются на социальное окружение, таким образом, усваивая и принимая приемлемую для семейных отношений модель поведения и правила коммуникации «чуланного» пространства.

Промежуточное положение между двумя обозначенными стратегиями камин-аута в контексте семейных отношений занимает стратегия незавершенного раскрытия, в котором личностное желание на совершение раскрытия наталкивается на избежание возможных негативных реакций со стороны родителей. Поскольку граница между говорением

и умолчанием не очерчивается, то и гомосексуальный камин-аут находится как бы в стадии своего незавершения. Ситуация недосказанности или полураскрытия проявляется в создании двусмысленного для самих информантов положения, которое выражается в формуле «не спрашивай — не говори». Гей или лесбиянка могут вполне осознавать, что родителям известно об их гомосексуальности, но при этом не стремятся придать камин-ауту актуально-фактический характер:

«Камин-аут был, но он не совсем такой, полный; наверное, полукрытый, как бы наполовину... может даже процентов на 40, но не на 100... то есть, например, если я иду в клуб, она об этом узнает, я ей говорю; если мне звонит какая-то девушка, мама потом спрашивает, что “это лесби?”; я отвечаю, что “да”... она как-то чувствует, как-то понимает это... и, просто я вижу, что она к этому негативно относится, и я не вижу смысла ей что-то большее говорить» (Дина, 24 года).

Заметим, что такая стратегия достаточно типична для тех российских геев и лесбиянок, которым только предстоит сделать выбор — в пользу полного раскрытия и принятия на себя вероятных внешних реакций на камин-аут, либо так и остаться в законсервированной стадии незавершенного камин-аута.

Если совершение раскрытия в семье представляется неизбежным и оправданным шагом для большинства гомосексуалов, то камин-аут в контексте дружеских отношений таковым не является. Мы акцентируем внимание на дружеских связях, имеющих место в жизни информантов до момента восприятия и принятия собственного гомосексуального Я. Таким образом, раскрытие становится осознаваемой проблемой в контексте дальнейшей коммуникации со сформированным прежде кругом общения.

Анализ личностных нарративов позволяет говорить о стратегии раскрытия, которая ограничена узким кругом близких друзей. Такая стратегия на открытость обусловлена личностной потребностью информантов, которая к тому же подкрепляется ожиданием положительной реакцией со стороны друзей:

«У меня есть один хороший, наверное, лучший друг; мы дружим раньше, чем со школьных времен, еще живем рядом... ну и в лет пятнадцать я просто сказал ему, что гей, как-то так; он абсолютно нормально к этому отнесся, вообще сказал, что это круто, серьезно» (Макс, 28 лет).

«Она [подруга] меня понимала; узнала, когда я ей сказал, что гей; ну, нормально реагировала... она знала обо мне все, и я про нее тоже; то есть абсолютно все, поэтому у нас могли быть отношения, очень хорошие отношения...» (Роман, 27 лет).

В воспроизводимых историях поведенческая стратегия на раскрытие выстраивается в контексте стремления геев и лесбиянок к открытости. Это

вполне естественное желание гомосексуалов способствует формированию таких форм отношений между людьми разной сексуальной идентичности, где сама по себе дружба воспринимается ценным ресурсом межличностной коммуникации. Заметим, что потребность в дружбе у раскрывающихся гомосексуалов особенно сильна в условиях общества социальной нетерпимости и стигматизации сексуальных меньшинств. Подобного рода дружеские связи формируют немногочисленные, а порой и единичные поля комфортной и безопасной интеракции геев и лесбиянок. В этом отношении достаточно показательно, что первые попытки гомосексуального камин-аута делаются не в семье, а именно в среде близкого, дружеского окружения. Зачастую подобные дружеские связи бывают особенно крепкими и устойчивыми во времени.

Впрочем, если понимать проблему дружеских отношений несколько шире, то область общения гомосексуалов предполагает многообразие коммуникативных связей, в которых граница открытости геев и лесбиянок может различаться. Реализация стратегии на раскрытие или сокрытие определяется информантами в контексте конкретной среды своего общения:

«Есть среди близких людей те, кто знают обо мне и нормально относятся; есть те, кто не знает, но подозревает, с кем мне комфортно общаться; есть контингент, которым я как бы не говорю, потому что общаюсь редко, и им знать это не обязательно... есть люди, которым я никогда не скажу, потому что, в какой-то степени, либо мне нужны взаимоотношения с ними, и возможен тот самый отрицательный фактор — ненужные слухи; я веду с ними себя довольно закрыто» (Борис, 26 лет).

Данный нарратив обрисовывает общую картину круга общения раскрывающихся гомосексуалов. Выбор и осуществление стратегии на раскрытие/ сокрытие определяется потребностью в поддержании и сохранении положительных связей с окружением. При этом, как и в двух предыдущих случаях, ключевым лейтмотивом, предопределяющим гомосексуальный камин-аут в контексте дружбы, является наличие у геев и лесбиянок по отношению к своему окружению таких установок, как доверие, эмоциональная близость, проявление заботы и поддержки.

Таким образом, как показывают личностные нарративы, в контексте семейных и дружеских отношений стратегия на гомосексуальное раскрытие достаточно распространена. Это обусловлено личностными потребностями и ожиданиями информантов положительной либо нейтральной реакции на камин-аут со стороны родителей и дружеского круга общения. В других случаях реализуется стратегия полураскрытия, когда со стороны гомосексуалов проявляется недосказанность, а со стороны родителей и близких друзей — прочитываемое нежелание исполнять роль адресата раскрытия.

Гомосексуальный камин-аут в институциональной среде

Вовлеченность индивидов в заданную институциональную среду определяет необходимость принятия и усвоения ими заданных социальных нормативов. Российская институциональная среда, действуя в рамках сложившегося гомонегативистского социосексуального порядка, изначально ориентирует геев и лесбиянок на осуществление стратегии сокрытия и формируют соответствующую установку на предотвращение раскрытия. В массовом общественном сознании распространено суждение о том, что жизнь гомосексуальных индивидов должна находиться исключительно в рамках личностной сферы (приватного), не выходя в пространство социального. Репрессивно-дисциплинарные рамки «чуланного» пространства посредством социальных нормативов пытаются контролировать повседневную жизнь людей ненормативной сексуальности.

Расспрашивая о проблеме совершения камин-аута в ракурсе институциональной среды, мы главным образом фокусировали внимание на социальном поле профессиональной, трудовой деятельности информантов. Сфера трудовой деятельности как важная часть повседневности жизни выстраивает определенное поле интеракции, в условиях которого гомосексуал вынужден осуществлять собственное статусно-ролевое позиционирование, утверждая себя в том или ином принимаемом социальном качестве. В частности, с этим связан и выбор реализуемой поведенческой стратегии.

Предсказуемо, что значительная часть воспроизводимых нарративов имеет установку на предотвращение гомосексуального раскрытия в условиях институциональной среды. Информанты сознательно разграничивают социальное поле своей профессиональной, трудовой деятельности, и личностное пространство. Если гомосексуальная открытость в сфере частной жизни воспринимается ими как естественная необходимость, то трудовые отношения выносят эту проблему за собственные рамки:

«Я не прихожу на работу и не говорю — “здравствуйте, меня зовут Марат, я — гей”... вообще я считаю, что сексуальная ориентация — это такая вещь, которая сама по себе не должна кого-то интересовать; для меня было бы странно общаться с коллегами о чем-то, кроме работы» (Марат, 26 лет).

«На работе я об этом не говорю... работа действительно не имеет отношения к моей ориентации; хотя это конечно тоже относится и к ценностям каким-то, но... в общем, я разделяю работу и личные отношения» (Вера, 32 года).

Принимая стратегию сокрытия, геи и лесбиянки вынуждены мимикрировать в конкретную социальную среду своего нахождения, избегая

возможных негативных рисков и издержек от раскрытия. В этом смысле принимаемые эмоциональные ориентиры на открытое проявление гомосексуального Я, прочитываемые нами в контексте семейных и дружеских отношений, просто перестают действовать. Стратегия поведения начинает подчиняться дисциплинарным правилам «чулана».

Среди воспроизводимых нарративов встречались исключительные случаи, когда стратегия камин-аута была реализована в сфере трудовых отношений. Это стратегия постоянного раскрытия, которая была обусловлена принимаемой позицией на открытое проявление информантами гомосексуального Я:

«Не знаю, кто что про меня знает на работе; я хожу на работу в радужном шарфике, я не знаю, кто там это понимает... с кем близко общаюсь, те знают; с кем формальное общение, может, знают, а может, и нет... вообще я не против того, чтобы знали; народ у нас цивилизованный, образованный, то есть там нет быдла, от которого бы можно было ждать какого-то подвоха... конечно, я бы, наверное, не стал делать камин-аут, если бы я там где-нибудь сидел на зоне или пахал где-нибудь, в каком-нибудь стройбате, все же зависит от того, кто тебя окружает» (Олег, 36 лет).

«Я открыт, и меня внешне легко распознать, и на работе все знают; если кто-то спрашивает, то я отвечаю; наверное, мне просто повезло и все с этим как бы нормально» (Артем, 28 лет).

Возможность реализации стратегии постоянного раскрытия на работе объясняется комфортной и толерантной институциональной средой, в которой находятся информанты. Данная стратегия поведения способствует расширению индивидуальной открытости гомосексуалов в поле профессиональной интеракции. Выделенные случаи представляются уникальными, не вписывающимися в общий социальный контекст институциональной среды, и вместе с тем подтверждают тезис о влиянии социального окружения на осуществление гомосексуального камин-аута.

Можно сказать, что воспроизведенные личностные нарративы в контексте институциональной среды чаще всего выявляют стратегию поведения, направленную на сокрытие гомосексуальности. Внешние социальные факторы начинают играть более важную роль, нежели индивидуальные потребности информантов в открытом проявлении гомосексуального Я.

Гомосексуальное раскрытие и публичные практики акционизма

Участие информантов в практиках акционизма позволяет рассмотреть стратегии гомосексуального камин-аута в ракурсе публичной сферы. Под публичной сферой мы будем понимать поле интеракции, включающее в себя часть повседневной жизни гомосексуалов, которая,

во-первых, выходит за рамки привычного частного, чуланного пространства, а во-вторых, посредством проявляемой гражданской и политической активности, выражаемой в манифестациях, проникает в информационно-коммуникативную область социальных отношений, которые противопоставляются межличностным формам взаимодействия институциональной среды. Данная сфера понимается в качестве отдельного, хотя и не всегда автономного поля интеракции, расширяющего границы открытости геев и лесбиянок. Таким образом, стратегии раскрытия в публичной сфере следует рассматривать через практики акционизма, в которых, по сути, и воплощен гомосексуальный каминг-аут. Поэтому фокус нашего внимания будет обращен на личностные нарративы, воспроизводящие опыт участия гомосексуалов в публичных акциях.

Выступая в качестве участников публичных акций, гомосексуалы сознательно реализуют стратегию, направленную на совершение гомосексуального раскрытия. Нужно заметить, что принятие подобной стратегии в условиях российских гомофобных реалий представляется экстремальным решением и в этом контексте противопоставляется принимаемому сокрытию в институциональной среде. Реализуемое раскрытие совершается вопреки осознаваемым негативным издержкам и последствиям для самих активистов. Отнюдь не создание приватной «зоны комфорта» или потребность в предельно-терпимых и безопасных условиях социальной среды выступают импульсами к осуществлению стратегии раскрытия «для всех». Таким образом, участие в публичных акциях для наших информантов имеет гражданско-ценностное измерение. Действующими силами в принятии стратегии раскрытия геев и лесбиянок становятся разделяемые ими ценностные ориентиры, и в частности, их стремление к самовыражению:

«Была ситуация, когда я публично заявляла, “да, я — лесбиянка”, где-то в микрофон, где-то на выступлениях; это было почему-то важно; я чувствовала, что я не могу не сделать этого... помню один случай на митинге 8 марта в прошлом году [2011], это было волнительно, но я почувствовала, что могу выйти, и сказала это себе» (Вера, 32 года).

«Мне важно показывать на своем примере, перестать прятаться, показывать, что я есть, у меня такая позиция, и я никуда не исчезну; немного бывает страшно, но я в некотором смысле камикадзе... просто, понимаешь, другого выхода у меня нет» (Егор, 21 год).

Очевидно, что стратегия гомосексуального раскрытия в публичной сфере понимается информантами не только в качестве политического акта, но и как момент личностного позиционирования, которое определяется потребностью «быть открытыми» и признаваемыми обществом:

«Не может активист быть закрытым, и это именно сознательно выбранная стратегия — я реальный человек, я не фейк, я существую, вот он я!» (Роман, 27 лет).

Как мы уже сказали, публичные практики акционизма представляют собой отдельное поле интеракции, но их действенный эффект находит свое отображение во множестве практик социального взаимодействия индивидов. Камин-аут как публичное акционистское действие как бы расширяет границу открытости. Реализуемая в публичной сфере стратегия раскрытия «для всех» делает гомосексуалов видимыми не только в контексте реализуемых ими гражданских практик, но и в контексте иных областей повседневной жизни, не связанных напрямую с активистской деятельностью.

Важно подчеркнуть и то, что сознательная вовлеченность геев и лесбиянок в публичные практики акционизма ставит их в положение, когда вероятность раскрытия в ином поле интеракции во многом будет зависеть от инициативы тех, кто раскрывает. Как показывают нарративы, информанты, участвующие в публичных акциях, готовы к тому, чтобы «быть раскрытыми» другими людьми. Главным здесь является их личная стратегическая установка на постоянное и неизбежное расширение пространства собственной открытости посредством публичной сферы. В конечном счете стратегии гомосексуального раскрытия перерастают во множество постоянно осуществляемых практик, которые со временем становятся неотъемлемой частью повседневной жизни российских гомосексуалов.

Заключение

Как показал анализ личностных нарративов, гомосексуалами могут осуществляться различные стратегии собственного раскрытия. Каждое обозначенное нами поле интеракции (личностная сфера, институциональная среда, публичная сфера) предполагает свои регламентации и правила выстраивания взаимодействия геев и лесбиянок с другими людьми. В соответствии с нахождением в конкретном поле интеракции, осуществляемые стратегии на раскрытие или сокрытие гомосексуальности могут различаться, а зачастую сознательно противопоставляться. Так, стратегия, направленная на раскрытие в частной сфере, вовсе не означает реализации аналогичной модели в институциональной среде. В то же время манифестации геев и лесбиянок в публичной сфере могут влиять на раскрытие в приватной и институциональной среде.

Осуществляемые стратегии камин-аута, так или иначе, выстраивают определенные границы гомосексуальной открытости индивидов. Со временем эти границы приобретают подвижный характер и видоизменяются. В частности, этому процессу способствует «выход» геев и лес-

биянок за рамки приватной и институциональной среды и их вовлечение в публичные практики акционизма, в контексте которых гомосексуальное раскрытие приобретает всеобщий или тотальный характер. Сознательное вовлечение гомосексуалов в публичную сферу делает их видимыми и социально-распознаваемыми в самых различных областях их повседневной жизни.

Литература

- Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. СПб.: Алетейя, 2000.
- Жабенко А.* Камин-аут в лесбийской семье с детьми // Возможен ли квин по-русски? / Сб. статей под ред. В. Созаева. СПб.: Выход, 2010. С. 107–115.
- Кософски С.* Эпистемология чулана. М.: Идея-пресс, 2002.
- Парфенова О.* Возможен ли камин-аут в России? Сценарии раскрытия лесбийской идентичности // Практики и идентичности: гендерное устройство / Сб. статей под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой и др. СПб.: ЕУ в Санкт-Петербурге, 2010. С. 296–325.
- Парфенова О.* «Тактик под маской стратега», или выход из «чулана» по-русски // Гендерные исследования. 2010. № 20–21. С. 127–133.
- Cass V.* Homosexual Identity Formation: Testing a Theoretical Model // The Journal of Sex Research. 1984. 20 (2).
- Coleman E.* Developmental Stages in the Coming-Out Process // American Behavioral Scientist. 1982. 25 (4). Pp. 469–482.
- Corrigan P., Matthews A.* Stigma and disclosure: Implications for coming out of the closet // Journal of Mental Health. 2003. 12 (3) Pp. 235–248.
- Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Persson A., Richards W.* Men and Women Living Heterosexually with HIV: The Straightpoz Study. Volume 1. Monograph 2/2006. Sydney: National Centre in HIV Social Research. The University of New South Wales. 2006.
- Plummer K.* Telling sexual stories: Power, change and social worlds. London: Routledge, 1995.
- Ryan P.* Coming Out, Staying / The Personal Narratives of some Irish Gay Men // The Irish Journal of Sociology. 2003. 12 (2). Pp. 68–85.
- Seidman S.* Beyond the Closet: The Transformations of Gay and Lesbian Life. New York: Routledge, 2004.
- Seidman S., Meeks C., Traschen F.* Beyond the Closet? The Changing Social Meaning of Homosexuality in the United States // Sexualities. 1999. 2 (1). Pp. 9–34.
- Troiden R.* The Formation of sexual identities // Psychological Perspectives on Lesbian and Gay Male Experiences. Ed. by L. Garnets and D. Kimmel. New York: Columbia University Press, 1993. Pp. 191–217.

О РЕАЛЬНЫХ И ВООБРАЖАЕМЫХ ЖЕНСКИХ ТЕЛАХ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТЕЛА И ГЕНДЕРА

В статье ставится вопрос о значимости телесности и телесных практик в конструировании социального представления о женщине, анализируется проблема соотношения тела, пола и гендера, приводится обзор критики характерного для ранней феминистской и гендерной теории отождествления пола с телесностью. Рассматриваются основания для постулирования неудовлетворительности бинарной классификации полов. Переформулируется социально-конструктивистская концепция К. Уэст и Д. Циммерман с учетом телесного измерения. Делается вывод о необходимости различения трех инстанций: телесности, пола как результата категоризации тела и гендера как поведенческого коррелята категории пола. Данный подход рассматривается как ресурс для интерпретации телесных практик в качестве способов вписывания гендера в тело в условиях современной гендерной напряженности.

Ключевые слова: женская телесность, пол, гендерная напряженность, социология тела, теория гендера.

Вопрос о том, какими смыслами наделяется категория «женщина», каким образом производится знание о женском, фемининном, а также какие агенты участвуют в этом производстве, является актуальным с момента становления академического феминизма и гендерной теории до сих пор. Множество теоретических традиций, а также не утихающие дискуссии по данному вопросу свидетельствуют, с одной стороны, о значимости данной проблематики, а с другой, о ее неоднозначности.

Что же делает женщину женщиной? Дискуссия на данную тему, как и специализированные тесты на половую принадлежность, не часто становятся достоянием общественности, однако за последние несколько лет широкий резонанс получили случаи гермафродитизма и «сбоев» в определении пола участников международных спортивных состязаний, где проблема отнесения человека к одной из категорий бинарной классификации полов проявилась особенно остро. Согласно некоторым авторам, тестирование на половую принадлежность в спорте проводилось с незапамятных времен. Так, некоторым прообразом теста было

требование выступать на первых Олимпийских играх в обнаженном виде, чтобы не допустить к соревнованиям женщин (Wackwitz 2003: 553). Как только женщины были допущены для участия в современных Олимпийских играх, назначением тестов стало исключение возможной подмены участницы на участника (что само по себе — проявление эссенциалистских допущений о приоритете мужской силы и выносливости над женской), в то время как способом проверки был утвержден гинекологический осмотр участниц (Vannini, Fornssler 2011: 245). Лишь в 1967 г. осмотр был заменен на тестирование набора хромосом посредством мазка соскоба щеки, который через два десятилетия был подвергнут критике за нечувствительность к атипичным хромосомным наборам и расстройствам людей, принадлежность которых к женскому полу на основании других характеристик «не вызывает сомнений» (Ibid: 245), что привело к утверждению «комплексных обследований», которые в настоящий момент проводятся по запросу спортивных ассоциаций и комитетов. При этом на протяжении истории не раз были выявлены случаи несоответствия участниц спортивных соревнований представлению о женщине ввиду «атипичного» набора хромосом, строения эндокринной системы, реже, ввиду наличия обоих половых органов. Иногда эти открытия становились абсолютной неожиданностью для самих участниц, и им приходилось доказывать обратное — что они все-таки женщины. В подобных ситуациях в разное время находились такие спортсменки, как Ева Клобуковска, Мария Патино, Санти Сундаражан, Кастер Семеня и др.

Так, относительно недавний случай Кастер Семеня продемонстрировал, как несоответствие внешности общепринятым стандартам феминности вкупе с таким выдающимся спортивным достижением, как победа на чемпионате мира по легкой атлетике с высокими показателями (на 2 секунды отстающими от мирового рекорда на момент соревнования), могут стать основанием для проверки принадлежности к женскому полу. Как отмечают исследователи данного случая, сразу же после победы Семеня на дистанции в 800 метров в 2009 г. в СМИ стали появляться комментарии как других участниц соревнований, так и зрителей, в которых ставилась под сомнение половая принадлежность спортсменки из-за ее низкого голоса и мускулистого телосложения. Еще до широкого освещения случая в прессе Международная ассоциация легкоатлетических федераций уже инициировала тестирования под предлогом «неоднозначности» пола участницы также из-за слишком выдающихся результатов на предварительных этапах и строения тела (Cooley, Ducus, Dworkin 2013: 39). Тем не менее, после ряда тестов спортсменка была признана женщиной, а Международная ассоциация легкоатлетических федераций выпустила документ, согласно которому женщины с диагно-

зом гиперандрогения (повышенная выработка гормонов андрогенов, считающихся «мужскими»), могут участвовать в соревнованиях на определенных условиях (Ibid: 49).

Как показал этот и другие яркие случаи в спорте, социальные представления о женщине носят комплексный характер, а при отнесении человека к тому или иному полу имеет значение ряд факторов. Категория «женщины», на наш взгляд, включает как минимум три составляющие: тело как набор признаков, интерпретируемых в рамках бинарной классификации «мужчина / женщина», пол как присвоение места в бинарной классификации и гендер как социальные ожидания соответствующего полу поведения. В настоящей статье нас, в первую очередь, будет интересовать следующий вопрос: каково место телесности и, как следствие, телесных практик, в конструировании и воспроизводстве социального представления о женщине? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к дискуссии вокруг теоретической проблемы соотношения телесности, пола и гендера.

Как отметил британский социолог К. Шиллинг, «в настоящее время западные общества изобилия обладают знаниями и технологиями, достаточными для того, чтобы вмешаться в тело и значительным образом изменить его, и все большее число людей озаботилось своим телом как объектом незаконченным, который формируется и отчасти находит свое “завершение” в результате выбора между стилями жизни» (Shilling 2003: 174). Вместе с социальными изменениями возникло и осознание того, что телесность представляет собой не только биологический факт, но и социальный — в каждом обществе существуют телесные нормативы самопрезентации и выражения, а телесные образцы усваиваются в процессе социализации.

Женская телесность стала объектом исследования еще с момента возникновения феминизма второй волны, представителей которого волновали не только вопросы правовой дискриминации женщин, но и распространенные в культуре представления и стереотипы о «женской природе». Несмотря на то, что социология тела развивалась примерно в одно время с академическим феминизмом второй и третьей волны и гендерной теорией, наладить диалог между ними получилось не сразу в силу методологической проблемы различения тела и гендера, о которой пойдет речь чуть ниже. Однако в настоящее время «для теории гендера отношение между телом и социальной практикой является решающим вопросом» (Коннел 2000: 278), следовательно, прежде чем исследовать женскую телесность, а также интерпретировать роль телесных практик в воспроизводстве гендерных норм, необходимо прийти к некому методологическому консенсусу относительно взаимосвязи тела и гендера.

Критика классического деления «пол / гендер»

Если обратиться к классической работе Симоны де Бовуар «Второй пол», которая дала толчок развитию феминизма второй волны, то в ней отождествляемое с полом тело впервые постулировалось в качестве источника подчинения женщины, как в связи с контролем ее репродуктивной функции со стороны семьи и мужа, так и в результате осуществляемой в обществе интерпретации биологических особенностей и поверхности женского тела. В концепции де Бовуар тело предстает одним из главных элементов, определяющих место, которое женщина занимает в мире: изначально подчиненное положение женщины, ее социальная репрезентация в качестве пассивного и принимающего субъекта, не имеющего активного начала, кроется в восприятии строения половых органов и самого полового акта, поскольку тело женщины рассматривается во время коитуса как сопротивление, которое мужчина должен сломить, применив активную силу. Но делая упор на критике социальной интерпретации женской телесности, С. де Бовуар не подвергала сомнению само существование бинарной классификации полов и статичность тела. В своем письме П. Демени, вошедшем в книгу, автор подчеркивает, что «представление о женственности формируется искусственным образом с помощью обычаев и моды, оно навязывается женщине извне» (Бовуар 1997: 762), но в то же время де Бовуар отмечает, что «отказ от особенностей своего пола — тоже увечье» (Там же). Несмотря на проблематизацию взаимосвязи женского тела и его социальных интерпретаций — представлений о женственности, «Второй пол» послужил укреплению академической традиции различения тела как фиксированной данности и гендера как социального «наполнения» пола, укорененного в теле (Chambers 2007: 54).

Многие последующие феминистские теории, концентрируя внимание на гендере как социальном конструкте, обходили стороной вопросы тела и его роли в конструировании социальных представлений о женщине и фемининном. Отчасти причиной данной тенденции было то, что задачей исследователей-феминистов было подчеркнуть социальную природу гендера — однажды возникшие и в дальнейшем воспроизводимые представления о женственном и мужественном и основанные на них предписания нормативного поведения. Как подчеркивает американский историк и специалист по женским исследованиям Л. Никольсон, термин «гендер», сконцентрированный вокруг поведения и черт характера, маркируемых как фемининные или маскулинные, четко отграничивался от пола, который изначально понимался гендерными теоретиками в русле биологического детерминизма. Во-первых, такая позиция воспроизводила классические представления о делении тел на сугубо мужские и женские, во-вторых, она игнорировала, что тела также

находятся под влиянием социально-нормативных представлений о них, в том числе в категориях женственности и мужественности (Nicholson 1994: 79).

В результате, несмотря на то, что один из исходных критических постулатов академического феминизма заключался в том, что гендерная оппозиция отражает известную оппозицию тела и разума, природы и культуры, в силу чего женщина объективируется и отождествляется с телом, и, как следствие, этим в официальном дискурсе легитимируется локализация ее опыта в приватной и домашней сфере, в значительной части публикаций феминистов второй волны, по сути, завуалированно воспроизводились эссенциалистские взгляды на женщину и ее телесность.

Даже несмотря на то, что предметом феминистских исследований были и остаются такие телесно воплощенные феномены социальной жизни, как порнография, домашнее насилие, модификации тела, беременность, исследовательский интерес многих авторов был сконцентрирован на материальном аспекте опыта женщины («the materiality of experience»), а не на материальности тела как такового («the body's materiality»), которое оставалось за скобками данных теорий в качестве универсальной и фиксированной биологической данности (Howson 2005: 54).

Французский социолог и феминистка, совместно с С. де Бовуар стоявшая у истоков издания «Nouvelles questions féministes», К. Дельфи, интерпретирует пол в классических гендерных теориях в качестве *сосуда*, который заполняется гендером, — варьирующимся в зависимости от культуры *содержанием*. Согласно данной латентной позиции, пол предшествует гендеру, он первичен. Пытаясь объяснить истоки данного методологического допущения, автор выделяет две логических предпосылки, лежащих в основе него. Согласно первой, разделение труда рассматривается в гендерных теориях как следствие различий в реализации репродуктивной функции, способности к деторождению, мужских и женских тел. Согласно второй, которую автор назвала когнитивистской, деление на два пола рассматривается как следствие присущей человеку потребности в классификации явлений в процессе своего развития и познания мира (Delphy 1996: 34–35).

В качестве примера воспроизводства эссенциалистских взглядов на телесность академическим феминизмом, Л. Никольсон приводит классическую работу американского феминистского антрополога Г. Рубин «Обмен женщинами», в которой вводится понятие «система “пол / гендер”» («the sex / gender system»), определяемое как ряд конвенций, с помощью которых общество трансформирует биологический пол и сексуальность в плоды человеческой деятельности (Рубин 2000: 91). Таким

образом, в концепте «системы «пол / гендер» пол и тело используются в качестве синонимов, а телесность принимается за фиксированный биологический факт. Для описания классических теорий гендера в противовес метафорам Дельфи о сосуде и содержании, Л. Никольсон предлагает метафору «вешалки»: тело рассматривается как каркас, на который в процессе социализации навешиваются поведение и характер. В результате проводится четкое различие природы и культуры в человеке и, как следствие, тела, понимаемого как пол, и гендера (Nicholson 1994: 82).

Тем не менее, было бы неверно утверждать, что представители гендерной теории и академического феминизма не уделяли внимания телесности в ее соотношении с гендером, поскольку данная область исследования на протяжении истории отличалась множеством теоретических подходов, отчасти поскольку формировалась как область междисциплинарная. Поэтому различные концепции можно условно расположить на континууме, в зависимости от того, насколько в них учитывается влияние телесного на социальные отношения и конструирование гендера, от «слабого» социального конструкционизма, признающего влияние биологической природы на социальные отношения, до «радикального», по сути, отрицающего материальность тела путем утверждения, что любой феномен возникает в результате социальных процессов (Turner 1992: 48; Friedman 2011: 195).

Пожалуй, одним из теоретических истоков, подтолкнувших феминистов-теоретиков к переосмыслению деления «пол / гендер», выступило творческое наследие М. Фуко. Следуя за фуколдианской идеей о дисциплинарной власти и дискурсивном производстве различных социальных феноменов, в том числе телесности и пола (Фуко 1999: 199; Фуко 1996), такие исследователи, как С. Бордо (Bordo 1998), М. Гатенс (Gatens 1991), Э. Гросс (Grosz 1987), Дж. Батлер (Butler 1993; Батлер 2000; 2011) и многие другие, подвергли сомнению натурализованную концепцию пола, т. е. пола как естественного, природного феномена. При этом исследовательский фокус сместился от пола и телесности как таковой к дискурсивному аппарату производства бинарной классификации полов, в то время как связь между полом и гендером подверглась проблематизации в обратном порядке — от гендера к полу: «производство пола в качестве додискурсивного должно быть рассмотрено как следствие действия культурного механизма, обозначаемого как гендер» (Батлер 2000: 307). Теоретический поиск, таким образом, сместился преимущественно в сторону обличения отношений власти и подчинения, заложенных в культурно принятом знании о телесном как двухполом. Пол же перестал, в противовес теоретической позиции С. де Бовуар, выступать в качестве природного, телесного и внеисторического

(Chambers 2007: 57), что послужило аналитическому разделению телесности и пола: «гендер не следовало бы понимать просто как культурное наслоение значения на биологически предзаданный пол (юридическое толкование); он должен также указывать на аппарат производства, посредством которого были созданы оба пола» (Батлер 2000: 307). Однако, как уже было отмечено, степень оценки природной составляющей этих феноменов, как и их влияния на социальные отношения, различалась. И, если, например, в социологической теории С. Бордо основной фокус сделан на преодолении дихотомии «пол / гендер» как дихотомии «тело / разум» при общем признании конечной материальности телесного (Bordo 1995: 5), то философия Дж. Батлер стремится к радикальной оценке телесного как сугубо дискурсивного, лишённого материальности как таковой, а рассуждения о теле заканчиваются анализом дискурсов и языковых структур (Butler 2004: 198; Chambers 2007: 48). Соответственно, ответ на вопрос о значимости телесного в конструировании социальных представлений о женщине будет зависеть от того, какую теоретическую позицию мы примем за исходную.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XX в. случился поворот к проблематизации соотношения тела, пола и гендера, при этом гендер стал отправной точкой в анализе представления о бинарной классификации полов и теле как средоточии пола. Однако разнообразие теоретических подходов не даёт однозначного ответа на вопрос о значимости телесного в конструировании гендера, а возможные ответы варьируются от признания значения биологических фактов в конструировании фактов социальных до практически полного отрицания существования природных явлений и сведения всех феноменов к дискурсивному производству. При всем различии подходов их объединяет исследовательский фокус на анализе властных отношений и стратегий натурализации пола и тела. Поэтому, чтобы ответить на поставленный ранее теоретический вопрос, необходимо обратиться к данным современных естественных наук, по сути, ответственных за производство знания человеку и его теле.

Неудовлетворительность бинарной классификации полов

Причины эссенциалистских взглядов первых феминисток и теоретиков гендера на тело и пол многие авторы призывают искать в недостатке проблематизации современной гендерной теорией науки, процесса производства научного знания о телах и роли этого знания в осуществлении социального контроля. Рассмотрение пола в качестве социального конструкта подразумевает, что представления о биологии и физиологии человека также являются социальными репрезентациями. Принятие данного утверждения отнюдь не означает, что мы анали-

тически лишаем тело его реальности, материальной воплощенности, конечных биологических черт. Оно означает лишь то, что необходимо признавать социальную природу процесса производства научных фактов о теле и поле — знание о них есть всегда социальное знание.

Так, например, по мнению американского историка Т. Лакёра, пол, в том понимании, в каком он существует в настоящий момент, был изобретен в XIX в., до этого существовала модель одного пола: женское тело проблематизировалось как «вывернутое наизнанку» тело мужское, что подтверждается изображениями анатомии тел, представленными в медицинской литературе того времени. В то же время не существовало и лингвистического разделения репродуктивных органов на мужские и женские, как и специфических наименований составных частей женской половой системы, например, яичники рассматривались как женский вариант яичек (Laqueur 1990: 96). Постепенное различие женского и мужского тела началось с поиска отличий в строении скелета, а к концу XIX в. половое различие уже затрагивало все возможные части тела, разве что за исключением глаз (Oudshoorn 1994: 7). При этом медицинский поиск не ограничился констатацией базовых различий. Ученые начали поиск того органа, который бы стал «вместилищем» «женской природы», определял бы основные черты характера и поведения, предписываемые женщинам. Таковым «вместилищем» в разное время становились матка, затем яичники, пока не была разработана модель гормонального тела — женского тела, находящегося всецело под управлением гормональных процессов, в отличие от тела мужского (Ibid: 8). При этом научные исследования и открытия были всегда в тесной связи с гендерной политикой — эксперименты с органотерапией, пересадкой мужских и женских половых органов животным с последующим наблюдением за их поведением, массовые лечения женщин с отклоняющимся поведением хирургическим удалением яичников — все это происходило на фоне движения за права женщин, трансформации гендерных ролей и постепенной ломки патриархатных устоев. В результате в научной сфере развернулась «битва» за обоснование или же опровержение старого гендерного порядка (Fausto-Sterling 2000: 151).

Проводя реконструкцию истории эндокринологии на основании различных исследований, британский специалист по гендерным исследованиям и критическому изучению науки С. Робертс отмечает, что до 1920-х гг. ученые в данной области отказывались признавать схожесть химического состава эстрогена и тестостерона, веря в то, что половые гормоны являются химическими «посыльными» маскулинности и фемининности. Переворотом стало открытие наличия «женских» и «мужских» гормонов у особей обоих полов, а также феномена, при

котором тестостерон в определенных условиях может трансформироваться в эстроген и наоборот (Roberts 2002: 14). В настоящее время гормональная терапия включает в себя лечение «мужским» тестостероном женщин во время менопаузы. В то же время эстроген оказывается необходим для развития самых различных органов у мужчин (Fausto-Sterling 2000: 147). Таким образом, постепенно было установлено, что различия между полами — всего лишь результат сравнительного количества конкретных химических элементов, что говорит о том, что пол, по сути, есть континуум между мужским и женским полюсами, но не два взаимоисключающих полюса (Roberts 2002: 14). В связи с этим А. Фаусто-Стерлинг, будучи биологом и специалистом в области гендерных исследований, на основании изучения различных форм гермафродитизма говорит о возможности различать как минимум пять полов, каждому из которых характерен отличный набор репродуктивных органов и специфика функционирования гормональной системы (Fausto-Sterling 1993: 21).

Тем не менее, современная западная культура находится во власти идеи существования всего лишь двух полов, несмотря на то, что ряд последних исследований в области физиологии и эндокринологии поставил под сомнение четкое разделение тел на мужские и женские. Фактически, как отмечает американский социолог Р. Доzier, до сих пор определение пола основано на визуальном осмотре гениталий новорожденного; при этом биологический пол включает в себя не только их, но сочетание таких факторов, как набор хромосом, гормональный фон, наличие репродуктивных органов и специфика их функционирования (способность к деторождению) (Dozier 2005: 298). Помимо случаев очевидного гермафродитизма, зафиксированных при рождении, нередко встречаются и такие, когда один из биологических факторов определения положения человека в бинарной классификации полов «дает сбой», что наглядно демонстрируют упомянутые в начале работы примеры из спорта. Более того, поскольку медицина оперирует преимущественно идеальными типами, нередко не принимаются в расчет «отклонения» от моделей в различных странах и среди разных этнических групп — так называемые «локальные биологии», специфические для определенной местности и среды (Jonvallen 2010: 380). В частности, одной из тем для обсуждения после истории со спортсменкой Кастер Семеня стала информация о том, что среди африканок уровень тестостерона может быть выше планки, разрешенной спортивными комитетами (Бурмакова 2012). Однако, как уже было отмечено ранее, подобные случаи не часто являются предметом достояния публики, т. к. специфические тестирования на принадлежность к женщине или мужчине не являются общепринятой практикой.

Вместе с тем главный вывод, который интересен при аналитическом углублении в вопросы пола, заключается в том, что бинарная классификация полов, существующая в обществе, обладает принудительной силой по отношению к телесно воплощенным индивидам. На основании упомянутых ранее исследований становится возможным констатировать обратную связь от гендера к полу, от социальных представлений о женщине и фемининности к телесности и биологическим процессам: «в той мере, в какой гендерные нормы воспроизводятся, они активизируются и воплощаются в телесных практиках» (Батлер 2011: 25) Данный вывод вполне синонимичен фуколдианскому подходу к рассмотрению пола как нормативной категории и регулятивного идеала (Butler 1993: XI). Тело предстает «политическим объектом» (Grosz 1987: 2), интерпретируемым и конструируемым в интересах власти. Для обозначения принудительности натурализованной концепции двух полов Дж. Батлер вводит понятие «гетеросексуальная матрица» в значении «сетки культурной интеллигентности, в которой тела, гендеры и желания приобретают статус естественных» (Батлер 2000: 341). Назначением данной матрицы выступает редукция всех возможных проявлений сексуальности с одновременным закреплением за индивидом конкретного пола: идентифицируемый гендер приписывает место в бинарной классификации полов, предписывающее и нормативное сексуальное желание, — желание по отношению к человеку противоположного пола (Butler 1993: 183).

Несмотря на то, что физиология и биохимические процессы, протекающие в организме, неоднозначны, культура навязывает биполярную модель как в отношении интерпретации наукой фактов о телах, так и в отношении моделей взаимодействия и паттернов поведения, маркируемых как фемининные и маскулинные. Транссексуальность и гермафродитизм именно потому так интересны представителям гендерной теории, что они позволяют, с одной стороны, бросить вызов существующему положению вещей, а с другой, «вскрыть» принудительный характер бинарной классификации. Случаи гермафродитизма и анализ интерпретаций данных явлений в медицинской литературе показывают их медиализацию в официальном дискурсе, попытки навязать представление о невозможности достижения ни личного счастья, ни сексуального удовлетворения, принуждение к хирургическому и медикаментозному исправлению «мутаций». Однако биографии некоторых гермафродитов доказывают, что они могут жить полноценной жизнью, не ставя перед собой необходимости делать выбор, и получать удовольствие попеременно живя сексуальной жизнью то женщины, то мужчины (Fausto-Sterling 1993: 23). Исследования транссексуалов, сменивших пол с мужского на женский, доказывают, что прохождения всех меди-

цинских процедур (от приема гормональных препаратов до хирургических вмешательств) недостаточно для того, чтобы «стать женщиной», в любой момент транссексуал может испытывать страх быть принятым за транссвестита. В результате чего особое внимание уделяется манере вести себя, а также соответствию общепринятым ожиданиям по отношению к женщине (Eyre, Guzman, Donovan et al. 2004: 162). Бросая вызов полу, приписанному от рождения, многие трансженщины, при следовании стереотипам фемининности в поведении и внешнем виде после завершения трансформации, одновременно меняют свою сексуальную ориентацию с гетеросексуального мужчины на гомосексуальную трансженщину, и наоборот (Dozier 2005: 303; Hines 2006: 357–358). Такие случаи, с одной стороны, подтверждают пластичность и независимость друг от друга пола и сексуальной ориентации (в противовес тому, что диктует гетеросексуальная матрица), с другой же, противоречивы в своем смешении ненормативных элементов с элементами патриархатного представления о женщине.

Критический подход к научным исследованиям демонстрирует, как отношения власти вторгаются в производство знания о телах и конструирование различий между женщинами и мужчинами, однако его не достаточно для того, чтобы выяснить, какое значение телесность и телесные практики занимают в воспроизводстве представления о женщине здесь и сейчас. Анализ дискурсов и гендера как регулятивной нормы, предписывающей интерпретацию телесных различий, нередко уходит собственно от тела и от телесного опыта, специфического для женщин, такого, как менструация, беременность и роды. Действительно, культурная подача и интерпретация данных феноменов в обществе может быть пропущена через фильтр той или иной гендерной политики — констатация, которая, однако, не должна лишать тела конечной материальности. В то же время подобный подход к телу как к результату интерпретации биологической природы на основе гендера ведет к оценке первого в качестве пассивного объекта, иллюзии, рожденной благодаря структурам дискурса. Чтобы проследить соотношение телесности, пола и гендера, не лишая ни один из этих элементов значимости, необходимо обратиться к ситуации взаимодействия, перформативному аспекту.

Тело, пол и гендер как элементы взаимодействия

Случаи транссексуальности и гермафродитизма выявили проблему принудительной силы гендерного различия по отношению к телу — то, что не вписывается ни в одну из двух категорий, должно быть приведено в соответствие с одной из них. И поскольку деление полов не столь очевидно с точки зрения биохимических и физиологических процессов в организме, устоявшаяся бинарная схема оказывает «давление»

на телесность, вынуждая подгонять ее под стандарты женского и мужского тел. В противовес идее о том, что пол предшествует гендеру, гендер становится первичным по отношению к полу, а точнее, по отношению к дефиниции тела в категориях пола. Однако тело и телесные практики способны бросать вызов гендерным нормам в ходе взаимодействия (Батлер 2011: 25). Проследить, как телесность, будучи материально воплощенной, включается в производство знания о женщине / мужчине, возможно, если обратиться не столько к дискурсам и регулятивным нормам, но и к тому, как они воспроизводятся и конструируются в повседневном взаимодействии. Значимость такого подхода подтверждает то, что телесность представляет собой универсальный гендерный дисплей для считывания информации участниками взаимодействия (Goffman 1977: 323; Уэст, Зиммерманн 2000: 194; Здравомыслова, Темкина 2002: 10–11).

Как справедливо отмечают американские социологи С.Л. Кроули и К.Л. Бруд, перформативный подход к изучению пола и гендера в социально-конструкционистских социологических теориях был распространен задолго до появления концепции Дж. Батлер (Кроули, Бруд 2010: 15). Символический интеракционизм и этнометодология становятся релевантными социологическими перспективами для изучения роли телесности в производстве и поддержании категории «женщина», т. к. фокусируются на материальном, т. е. телесном как равноправном компоненте взаимодействия. В то же время философский подход Дж. Батлер к перформативности тесно связан с анализом языка и дискурсов, а сама перформативность трактуется в качестве цитирования (Butler 1993: XII). В результате ситуация взаимодействия и телесность исчезают из поля зрения. Для того чтобы вернуть телесность в поле социологического анализа и ответить на вопрос о ее месте в поддержании социальных представлений о женщине, будет релевантным обратиться к классической социально-конструктивистской концепции К. Уэст и Д. Циммерман.

Телесность как материальность не существует вне восприятия — она постоянно подвергается интерпретации и классификации, если говорить о поле, то в рамках бинарной системы. В межличностном взаимодействии содержится как потенциал для воспроизводства гендера, так и вызовы доминирующим гендерным стандартам. Препятствием для такого вызова может стать гендерный конфликт и «подстройка» говорящего под ожидание слушающего с целью представить себя в лучшем свете. Будучи основанной на отмеченных ранее социологических традициях, концепция К. Уэст и Д. Циммерман не обходит вниманием обратное влияние гендера на поведение. Говоря о возникновении гендерного конфликта в ряде ситуаций взаимодействия (в частности, когда поведе-

ние, а то и положение, роль, исполняемая женщиной, не соответствует фемининному паттерну), авторы отмечают, что для его разрешения осуществляется замещение вносящего «помехи» в гендерное различие исполнения другим исполнением, соответствующим фемининным образцам действия. По сути, это явление говорит о принудительности коррекции поведения, когда принадлежность к одному из полюсов оказывается под сомнением. Подобная ситуация характерна и для транс-сексуалов, желающих быть всецело воспринимаемыми в качестве женщины, — перед ними стоит задача скорректировать не только свои внешние характеристики, в том числе и тело, но и поведение. Для того чтобы объяснить отношения между полом и гендером, К. Уэст и Д. Циммерман предложили аналитически различать пол, категорию пола и гендер. В данной трактовке пол предстает как презумпция определенности, основанная на классификации людей в соответствии с бинарной системой. Одновременно категория пола отсылает к ситуации его приписывания как на основании биологических критериев пола, так и на основании социально фиксированных дисплеев — средств его выражения и проявления. Гендер же становится эмерджентной характеристикой, образцом организации поведения в конкретных ситуациях взаимодействия в соответствии со стереотипами, приписываемыми тому или иному полу (Уэст, Зиммерманн 2000: 195).

Однако в работе К. Уэст и Д. Циммерман недостаточно внимания уделено проблеме того, как гендерное различие влияет не только на взаимодействие, но и на практики самопрезентации и «преподнесения» телесности в категориях бинарной классификации полов. Если авторская теория фокусирует внимание на создании гендера в ситуациях взаимодействия, в первую очередь лицом-к-лицу, то в контексте обозначенной ранее темы фокус закономерно переносится на вопрос, каким образом поверхность тела включается в «создание гендера», и, как следствие, возможно ли «создание гендера» путем его закрепления на поверхности тела.

В качестве исходного постулата примем, что отношения «гендер / пол / тело» характеризуются не односторонней связью (от пола к гендеру или от гендера к полу), а отношением взаимообмена значений и символов. Однако тогда понятие тела представляется шире понятий пола и гендера. Тело и его физиологические и биохимические процессы представляют собой спектр, континуум для интерпретаций, задаваемых культурой. В результате социальных интерпретаций происходит категоризация тела по отношению к полу — в условиях бинарной классификации приписывание телу мужского или женского пола. А уже категоризации по полу соответствует социально конструируемое гендерное различие.

Таким образом, телесное воплощение, с одной стороны, выступает ресурсом поддержания представлений о женщине, с другой, социальные представления о женском, фемининном, выступая неким нормативом, накладывают отпечаток на преподнесение тела. Случай с Кастер Семеня продемонстрировал, как в совокупности несоответствие внешности, тела и поведения (спортивные достижения) стереотипизированным ожиданиям публики стало источником сомнения в половой принадлежности спортсменки.

В таком контексте особую значимость приобретают телесные практики, модификации и работа над телом, поскольку они становятся одним из источников закрепления гендера на поверхности тела, что демонстрируют и случаи транссексуализма. Ситуация взаимообмена и обратной связи означает, что гендерное различие через категоризацию по полу обладает принудительной силой по отношению к телу. Любые «помехи», гендерный конфликт, на всех уровнях взаимосвязи «гендер / пол / тело» требуют их устранения. Практики работы над телом, таким образом, могут стать ответом на возникающие «помехи». В таком случае становится возможным рассматривать их как способы вписывания гендера («engendering») в тело.

Данная теоретическая позиция, основывающаяся на признании высокой роли телесности в конструировании категории «женщина», может служить объяснению гендерных различий в практиках работы над телом и гендерной асимметрии обращения к новейшим технологиям вмешательства в тело*. Одной из возможных интерпретаций растущего числа обращений женщин, приученных культурой объективировать себя и определять себя в категориях тела, к косметической хирургии, становится гендерный конфликт, а телесные практики выступают способом его разрешения, закрепления гендера на поверхности тела, приведение себя в соответствие с культурными представлениями о женственности и красоте. Меняющиеся социальные позиции женщины, ее вхождение в публичную сферу, в которой установлены маскулинные

* Статистика различных международных ассоциаций пластических хирургов подтверждает ежегодный рост количества пластических операций и косметических процедур (ISAPS International Survey... 2010; ISAPS International Survey... 2011), причем, по данным Американской ассоциации пластических хирургов (ASPS), представляющим гендерную картину, из всех выполненных в США процедур 91 % пришелся на женщин. Гендерная асимметрия проявляется не только в числе процедур, но и в их специфике — наиболее часто проводимая операция среди женщин (да и в целом, как можно наблюдать на данных ISAPS, среди всех операций в силу гендерного перевеса потребителей этого вида услуг) — увеличение груди.

образцы взаимодействия, порождают конфликт между представлением о фемининных образцах поведения, женственности (укорененной в теле), и практикой деятельности. Современный мир бросает множество вызовов гендерной идентичности, среди которых — гендерная лиминальность, т. е. размывание границ между мужской и женской сферами деятельности, способами общения, моделями сексуальности, телесными практиками. С одной стороны, конфликт ведет к стремлению достичь определенности путем закрепления приписываемой гендерной идентичности в теле, с другой стороны, современные технологии предоставляют возможность полной смены пола и, как следствие, предписываемого гендера, путем преобразования телесности. Таким образом, гендер превращается из аскриптивной роли в роль, достигаемую путем систематической работы на телом.

Резюмируем сказанное. В ряде классических гендерных теорий, наследовавших биологический детерминизм предшествовавших концепций в отношении тела, не принимались во внимание искусственность и неоднозначность деления полов на два, как и влияние культуры на интерпретацию, репрезентацию и модификацию тел. В противовес исходному постулату о первичности пола (определяемого синонимично телу) по отношению к гендеру, в конце XX в. было предложено принять обратную схему взаимосвязи пола и гендера, согласно которой второй первичен по отношению к первому. В такой интерпретации гендерные нормы подкрепляются стратегией натурализации различий по полу. Современные работы в области эндокринологии, физиологии и биохимии тела показали, что пол следует представлять в виде континуума между двумя полюсами, но не как два взаимоисключающих полюса. Оказалось, что распространенная в современной западной культуре вера в два пола есть результат культурных интерпретаций, но не фактических биологических процессов и физиологического развития организма. На основании данных исследований становится возможным пересмотреть связь между гендером и полом не как одностороннюю (пол-гендер или гендер-пол), но как двустороннюю, постоянный символический взаимообмен. Используя понятие гендерного конфликта, возникающего во взаимодействиях лицом-к-лицу, возможно проанализировать высокий уровень вовлеченности женщин в телесные практики в качестве способа устранения рассогласованности между телом, категорией пола и гендером в условиях современной лиминальности.

Таким образом, возвращаясь к изначальному теоретическому вопросу, можем констатировать, что телесность играет существенную роль в конструировании социальных представлений о женщине в двух аспектах. Во-первых, в результате интерпретации тела и биологических про-

цессов проводится культурное различие по полу в соответствии с бинарной классификацией. При этом данное различие укоренено в текущей гендерной политике, в результате чего научное знание может становиться источником легитимации не только существующего неравенства между мужчиной и женщиной, но и «пресечения» любых отклонений от бинарной классификации полов. Во-вторых, управление телом, как и телесные практики, могут выступать способом закрепления гендера на поверхности тела, но и обладают потенциалом сопротивления гендерным нормам.

Литература

Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–346.

Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. 2 (76). С. 11–29.

Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц. / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.

Бурмакова О. Самый простой способ быть олимпийским атлетом — это не быть при этом женщиной. Обзор американских феминистских блогов // Неприкосновенный запас. 2012. 5 (85). [<http://www.nlobooks.ru/node/2814>].

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования. 2002. [<http://ecsocman.hse.ru/text/19169912>].

Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 251–280.

Кроули С.Л., Брод К.Л. Конструирование пола и сексуальностей // Гендерные исследования. 2010. № 20–21. С. 12–50.

Пулькинен Т. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б.В. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 167–181.

Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–139.

Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 193–218.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999.

ASPS Quick Facts // Plastic Surgery Statistics Report 2011 [http://www.plasticsurgery.org/Documents/news-resources/statistics/2011-statistics/2011_Stats_Quick_Facts.pdf].

Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. University of California Press, Ltd. 1995.

- Bordo S.* Bringing body to theory // *Body and Flesh: A Philosophical Reader*. Oxford: Blackwell, 1998. Pp. 84–97.
- Butler J.* *Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex”*. New York and London: Routledge, 1993.
- Butler J.* *Undoing Gender*. New York and London: Routledge, 2004.
- Chambers S.A.* «Sex» and the Problem of the Body: Reconstructing Judith Butler’s Theory of Sex/Gender // *Body & Society*. 2007. 13. Pp. 47–75.
- Cooky C., Dycus R., Dworkin S.L.* «What Makes a Woman a Woman?» Versus «Our First Lady of Sport»: A Comparative Analysis of the United States and the South African Media Coverage of Caster Semenya // *Journal of Sport and Social Issues*. 2013. 37 (1). Pp. 31–56.
- Delphy C.* Rethinking Sex and Gender // *Sex in Question: French materialist feminism* / Ed. by Diana Leonard and Lisa Adkins. London, Bristol: Taylor & Francis, 1996. Pp. 31–42.
- Dozier R.* Beards, breasts, and bodies: Doing sex in a gendered world // *Gender & Society*. 2005. 19. (3). Pp. 297–316.
- Eyre S.L., Guzman R., Donovan A.A., Boissiere C.* «Hormones is not magic wands» Ethnography of a transgender scene in Oakland, California // *Ethnography*. 2004. 5. (2). Pp. 147–172.
- Fausto-Sterling A.* *Myths of gender: biological theories about women and men*. New York: Basic Books, 1992.
- Fausto-Sterling A.* The Five Sexes: Why Male and Female Are Not Enough // *The Sciences*. 1993. March/April. Pp. 20–24.
- Fausto-Sterling A.* *Sexing the body: gender politics and the construction of sexuality*. New York: Basic Books, 2000.
- Friedman A.* Toward a Sociology of Perception: Sight, Sex, and Gender // *Cultural Sociology*. 2011. 5 (2). Pp. 187–206.
- Gatens M.* A critique of the sex/gender distinction // *A Reader in Feminist Knowledge*. London: Routledge. 1991. Pp. 139–157.
- Goffman E.* The Arrangement between the Sexes // *Theory and Society*. 1977. 4 (3). Pp. 301–331.
- Grosz E.* Notes Towards a Corporeal Feminism // *Australian Feminist Studies*. 1987. 2. (5). Pp. 1–16.
- Heggie V.* Testing sex and gender in sports; reinventing, reimagining and reconstructing histories // *Endeavour*. 2010. 34. (4). Pp. 157–163.
- Hines S.* *Intimate Transitions: Transgender Practices of Partnering and Parenting* // *Sociology*. 2006. 40. (2). Pp. 353–371.
- Howson A.* *Embodying gender*. London: Sage Publications Ltd, 2005.
- ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2010* // [<http://www.isaps.org/files/html-contents/Downloads/ISAPS%20Results%20-%20Procedures%20in%202010.pdf>].
- ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2011* // [<http://www.isaps.org/files/html-contents/Downloads/ISAPS%20Results%20-%20Procedures%20in%202011.pdf>].
- Jonvallen P.* Sex differentiation and body fat: Local biologies and gender transgressions // *European Journal of Women’s Studies*. 2010. 17. (4). Pp. 379–391.
- Laqueur T.* *Making Sex: Body and Gender From the Greeks to Freud*. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
- Nicholson L.* Interpreting gender // *Signs*. 1994. 20. (1). Pp. 79–105.

Oudshoorn N. Beyond the Natural Body: An Archaeology of Sex Hormones. London: Routledge, 1994.

Roberts C. A matter of embodied fact: sex hormones and the history of bodies // Feminist Theory. 2002. 3. (1). Pp. 7–26.

Roberts C. Messengers of Sex. Hormones, Biomedicine and Feminism. Cambridge University Press, 2007.

Shilling C. The Body and Social Theory. Second edition. London: Sage Publications, 2003.

Turner B.S. Regulating bodies. Essays in medical sociology. New York and London: Routledge, 1992.

Vannini A., Fornssler B. Girl, Interrupted: Interpreting Semenya's Body, Gender Verification Testing, and Public Discourse // Cultural Studies Critical Methodologies. 2011. 11 (3). Pp. 243–257.

Wackwitz L.A. Verifying the myth: Olympic sex testing and the category «woman» // Women's Studies International Forum. 2003. 26. (6). Pp. 553–560.

Wittig M. The category of sex // Sex in Question: French materialist feminism / Ed. by Diana Leonard and Lisa Adkins. London, Bristol: Taylor & Francis, 1996. Pp. 25–30.

Witz A. Whose Body Matters? Feminist Sociology and the Corporeal Turn in Sociology and Feminism // Body & Society. 2000. 6. (2). Pp. 1–24.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОНИМАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК»

28–29 июня 2013 г. на базе Социологического института Российской академии наук состоялась международная научная конференция «Понимание общественно-исторического развития и современности: методология социальных наук», посвященная российскому историку и социальному ученому академику А.С. Лаппо-Данилевскому (1863–1919). Мероприятие было организовано сектором истории российской социологии Социологического института РАН. В работе конференции приняли участие 49 человек, в том числе ученые из Мексики, Испании, Индии, Филиппин, Беларуси; 2 докладчика приняли участие в виртуальной форме.

Пленарная сессия открылась докладом *И.Ф. Девятко* (Москва) «*Стадии эволюции и проблема классификации исторических типов общества: можно ли вернуть социологический дискурс в “междисциплинарный синтез”?*». Автором были рассмотрены наиболее популярные в неозоологической теории социологические классификации эволюционных стадий и исторических типов общества в соотнесении с иными влиятельными классификациями в других социальных науках (истории, антропологии, археологии). В докладе были затронуты вопросы о пригодности и продуктивности этих классификаций, а также о критериях их оценки и возможности создания «всеобъемлющей» таксономии, полезной для макросоциологических и междисциплинарных исследований.

М.Б. Хомяков (Екатеринбург) продолжил работу сессии докладом на тему «*Как воспитать свободу: образовательные модели модерности*». Автор начал с утверждения о центральности вопросов образования для модерности, основанной на принципах автономии и рационального овладения миром. Первым классическим выражением этих принципов явился гумбольдтовский университет, представляющий собой принципиальное соединение образовательной и научной деятельности. Университет поздней модерности, однако, далеко уходит от этой модели и строится по образцу крупной корпорации. В разных моделях такого университета продуктами считаются образовательные программы или выпускники, а клиентами — студенты или работодатели. Автор проана-

лизировал эти две модели, указав на противоречивость тенденций развития современного образования.

Р.Г. Браславский (С.-Петербург) в докладе *«Трансдисциплинарные стратегии анализа в современных социальных науках»* показал, что при всех различиях наиболее распространенные подходы к пониманию общественно-исторического развития и современности (модернизационный, локально-цивилизационный, мир-системный, полиэволюционный) в своих «классических» версиях разделяют общую приверженность к построению редукционистских, детерминистских и когерентных моделей. Накапливаемые в рамках каждой из этих парадигм эмпирические аномалии и концептуальные девиации вынуждают исследователей искать новые модели. В качестве современных решений автором рассматриваются неоинституциональный анализ в экономической истории (Д. Норт) и цивилизационный анализ в исторической социологии (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон). Их общей характеристикой является критическое переосмысление концептуальных оснований соответствующих дисциплин и отказ от детерминизма в пользу принципа неопределенности и контингентности.

М.В. Масловский (С.-Петербург) выступил с докладом *«От реконструкции веберовской исторической социологии к разработке поствеберовской теории цивилизационного анализа»*. С началом «веберовского ренессанса» неоднократно предпринимались попытки реконструкции исследовательской программы М. Вебера. Иной подход к оценке теоретического наследия классика был предложен ведущими современными представителями цивилизационного анализа в социологии — Ш. Эйзенштадтом и Й. Арнасоном. Оба исследователя определяют цивилизации на основе религиозных и политических критериев. Однако если подход Эйзенштадта сосредоточен на культурных факторах, что приводит к выделению «зависимости от колеи», то Арнасон понимает культуру как «констелляцию», в рамках которой креативность социального действия и влияние случайных событий могут изменить траекторию цивилизационной динамики. В целом при сохранении определенной преемственности с веберовским подходом представители цивилизационного анализа выходят за его рамки.

Б.Н. Миронов (С.-Петербург) проанализировал вопрос *«Почему произошла Русская революция 1917 года?»*. Революция 1917 г., как любое сложное общественное явление, своим происхождением обязана совокупности факторов (психологических, политических, экономических, социальных, демографических, метеорологических и других) и совпадению множества случайностей. В докладе была предпринята попытка дать междисциплинарный ответ на вопрос о предпосылках и причинах Русской революции в сравнительной перспективе.

В.В. Козловский (С.-Петербург) в докладе *«Диффузии современности: конвертация социально-исторического опыта в текущую частную и публичную историю»* коснулся проблемы понимания современности, которое, в отличие от ее описания, означает раскрытие изменчивого характера и механизма текущей природной, социальной и культурной реальности. В центр внимания было поставлено понятие модерности, охватывающее тип устройства общества, реализуемый и проживаемый в настоящее время. Исходя из принципа множествен-

ности модерностей, автор аргументировал тезис о диффузии современности, социокультурным механизмом которой является конвертация социально-исторического опыта в повседневные практики.

После пленарной сессии работа конференции продолжилась в трех параллельных секциях.

В первой секции «**Типы понимания общественно-исторического развития и современности**» **В.В. Василькова** (С.-Петербург) проанализировала эволюцию социологического знания в границах между физикой и метафизикой и показала, что основные парадигмальные революции в развитии социологического знания происходили, главным образом, в результате перенесения на социум естественнонаучных подходов, опосредованных философской рефлексией. **Н.В. Немирова** (С.-Петербург) обратилась к особенностям теоретико-методологических построений А.С. Лаппо-Данилевского, проведя сопоставление и уточнение ключевых понятий неокантианской методологии социально-исторического познания. Данную тему продолжила **Г.А. Меньшикова** (С.-Петербург), описав предложенный Лаппо-Данилевским алгоритм изучения истории как последовательность трех исследовательских операций: обозначение сути явления — выявление отклонения реалий от идеальной модели — выяснение факторов, его обусловивших. Во второй день участники секции сосредоточились на тематике исторической памяти. **М.М. Мацкевич** (С.-Петербург) проанализировала, что влияет на представления российских социологов, исследующих социальную память. Вывод докладчицы состоял в том, что изменения в государственной политике памяти оказывают меньшее влияние на методику и интерпретацию результатов исследования по сравнению с личными ориентациями исследователя. Социальную память как фактор «инставрации» жизненного мира рассмотрела **Э.Г. Позднякова-Кирбятчева** (Харьков). **Н. Старостина-Трубицына** (США) обратилась к проблеме исторической памяти в творчестве русских писателей-эмигрантов Ивана Бунина (1870–1953) и Надежды Тэффи (1872–1952). В частности, автором был сделан вывод о том, что ностальгия зачастую приводила к отстранению, даже изоляции писателей от современной общественной и интеллектуальной жизни. **Linn Ruth** (США) задалась вопросом о том, насколько «коллективной» является коллективная память о Холокосте, рассмотрев ее на примере истории одной из жертв Холокоста — Рудольфа Врба, и истории его мемуаров.

Вторая секция «**Пересекая дисциплинарные границы: стратегии социальных исследований**» начала свою работу с доклада **Х.С. Гафарова** и **Ю.Ю. Гафаровой** (Минск) «*Социальная философия и социология: проблема дисциплинарных границ*». Авторы акцентировали внимание на проблеме дисциплинарного самоопределения социальной философии, связав ее с задержкой институционализации данной науки. **Ю.А. Прозорова** (С.-Петербург) проанализировала основания, траектории и перспективы междисциплинарных взаимодействий между антропологией, археологией и социологией в области цивилизационных исследований. **Eleni Nina-Pazarzi** и **Michail Pazarzis** (Греция) исследовали развитие социологии права в Греции в соотношении с историей правовой мысли и в социально-историческом контексте. **Julian Jr. Advincula** (Филиппины) в своем

докладе показал значение социального, политического и экономического аспектов подхода Маркса в контексте современных проблем глобализации. **Maria Perevochtchikova** (Мексика) проанализировала теоретические и методологические подходы к изучению экологических услуг с точки зрения междисциплинарного подхода. **Т.И. Сулова** (Томск) рассмотрела интегративные тенденции в современных социальных исследованиях, предположив, что в комплексе наук о человеке не социальные факторы и объекты природы, а различные стороны человеческой деятельности будут основанием для выделения направлений исследования. Возможности источниковедения для методологии социальных наук проанализировал **В.В. Коршаков** (Москва), понимая под «источниковедением» упорядочение источников информации, их ранжирование и построение научных реконструкций на основе таких источников.

На третьей секции «**Социологический дискурс и анализ модерности**» были представлены доклады широкой тематики. **А.Г. Эфендиев** (Москва) в своем докладе показал, что необходимо усложнение представлений о механизмах воздействия ценностей на поведение личности и осмысление решающей роли институциональной практики в регуляции реального поведения акторов. Теоретико-методологические проблемы исследования «современности» проанализировала **В.И. Бочкарева** (С.-Петербург), сопоставив позицию А.С. Лаппо-Данилевского с взглядами таких современных социологов, как З. Бауман и М. Кастельс. **Д. Мельников** (С.-Петербург) обратился к теме региональных особенностей модерна постсоветской России, рассматривая их через призму заимствованной у И. Валлерстайна модели «центр — полупериферия — периферия». **И. Ситнова** (Москва) провела сравнительный анализ «цветных» революций в странах постсоветского пространства, отметив основные факторы и последствия трансформации политических режимов Грузии, Киргизии и Украины. **В.И. Ильин** (С.-Петербург) обратился к теме методологического поворота к повседневности. Поворот к повседневности означает методологический сдвиг от социальной архитектуры к «социальному сопромату», включающему в себя жизненный мир индивидов, повседневные практики взаимодействия и ситуационный анализ. Проект Санкт-Петербурга в современном публичном дискурсе региональной властной элиты проанализировала **А. Даугавет** (С.-Петербург). **Д.К. Тихазе** и **А.С. Курилова** (Москва) посвятили свой доклад актуальности высказанных около полувека назад социологических идей Г. Маркузе, Э. Фромма и У. Уайта в контексте современных реалий «общества потребления».

В конференции приняли участие специалисты из различных областей социогуманитарного знания. Пленарные доклады, доклады на секциях и дискуссии послужили хорошей базой для продолжения междисциплинарных исследований. В заключение конференции все участники совершили прогулку по рекам и каналам Санкт-Петербурга.

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

Н.В. Сорокина, Д.В. Алипов

СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И СТАТУСНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: МАШИНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Кононенко Р.В. Автомобильность в России. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. — 156 с. ISBN 978-5-903360-41-3

Изучение автомобиля и его влияния на сферы социальной жизни общества — одно из интригующих направлений социальных исследований современности. Рассмотрение автомобиля как технологического средства, вклинившегося в специфику социокультурных взаимодействий, изначально складывалось в аспекте производственно-потребительской взаимозависимости. В последние годы активно выходят в свет работы или публикуются переводы авторов, так или иначе затрагивающие проблемы автомобильности (напр.: Siegelbaum 2008; Сигельбаум 2011; Трубина 2011; Урри 2012 и др.). Современные ученые солидарны, отводя автомобилю куда более значительную роль, чем средству передвижения: материальный объект вышел за рамки технологической культуры, активно включившись в преобразование социального порядка, культуры и общества в целом. Степень значения автомобильного транспорта становится очевидной при взгляде на стабильный процесс автомобилизации, влекущий за собой ряд социальных изменений и оформляющийся в специфическую автомобильную культуру. Сложный комплекс из практик автомобильных перемещений, пространственных траекторий движения, возможностей и ограничений мобильности, набора потребительских стратегий и статусных позиций автовладельцев является неотъемлемым ценностно-смысловым алгоритмом, регламентирующим повседневную жизнь людей.

Социально-экономическое развитие общества способствует росту потребностей населения, одной из которых является спрос на автомобили. Автомобильный транспорт, как грузовой, так и пассажирский, сегодня широко используется во всех странах и применяется во всех видах экономической деятельности.

Сорокина Наталья Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета (natalya.sorokina@socpolicy.ru)

Алипов Дмитрий Вадимович — студент факультета социологии Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (dv_alipov_hse@mail.ru)

Основываясь на идеях современных социологов, доступной статистике и собственных эмпирических исследованиях, Р. Кононенко в своей книге «Автомобильность в России» выявляет особенности автомобильного потребления с точки зрения социальной практики, рассматривает процесс появления и распространения автомобилей в контексте и взаимосвязи с социальными конфликтами и политическими коллизиями, серьезными изменениями гендерного порядка социальной жизни, подчеркивает социокультурную направленность автомобилизации, которая способствовала возникновению новых смыслов в жизни людей, привнесла новые ценности, ощущение личной свободы, способствовала эмансипации.

Автомобиль, становящийся одним из участников межличностных отношений, показан в работе как маркер социального статуса владельца, средство его самовыражения, который одновременно выступает фактором свободы и чертой ограничения физических движений, являясь источником риска и для человека, и для окружающей среды в целом. Еще в первой половине XX в. наблюдались противоречивые последствия внедрения автомобиля в массы: с одной стороны — повышение мобильности, с другой — сокращение жизненного пространства, расширение потребительского выбора с одновременным расширением социального неравенства. Одной из ключевых фигур в современной социологии автомобильности, на которых ссылается автор монографии, является Дж. Урри, развивающий тему свободы и ограничений, предоставляемых автомобилем (Урри 2005; Урри 2012). В автомобиле человек становится властителем пространства и времени, к чему так стремился столетиями, однако его мобильность ограничивается структурой транспортных развязок и сопряжена с рисками для здоровья и жизни. Анри Лефевр справедливо отметил, что автомобиль оброс тотализирующей системой, созданной вокруг него, используемой в целях господства в ущерб целого общества (Лефевр 2010). Автомобильность реструктурировала повседневную жизнь и социальные связи, полагаясь на новые ритмы рабочего и свободного времени, навязывая водителю воображение, замкнутое на регламентированном движении.

Одним из важных поворотов авторских рассуждений служит ориентация на идею Дж. Урри о взгляде на культуру автомобильности как систему из шести компонентов (с. 14–16). Во-первых, автомобили производятся передовыми компаниями в развитом секторе промышленности. Во-вторых, это один из важнейших предметов индивидуального потребления, подтверждающий статусность владельца. В-третьих, автомобиль порождает комплекс социальных отношений: развитие сопутствующих видов деятельности — запчасти, топливо, дороги, гостиницы, сервисы, авторынки. В-четвертых, автомобиль подчиняет себе все существующие виды передвижений и влияет на способы принятия решений человеком. В-пятых, он становится идеалом счастливой жизни. В-шестых, выступает серьезнейшей причиной экологической катастрофы, т. к. порождает проблемы здоровья (гиподинамия), загрязнения среды и истощения природных ресурсов. Именно автомобили отвечают за треть всех выбросов углекислого газа и большие человеческие потери на дорогах. Перечисленные системные компоненты служат для автора отправной стратегической точкой

для построения программы собственного исследования, приоритетным направлением которого является сфокусированность на фактах, наиболее приближенных к социокультурной реальности российского общества. Автор уверенно соглашается с мнением М. Шеллер и Дж. Урри о том, что «доминирование автомобиля в мире сегодня является даже более системным, чем власть кино, телевидения и компьютера, которые рассматриваются обычно как глобальные технологии» (с. 16).

Автомобилизация влияет на все сферы жизни современного общества — производство, политику, культуру, которые в свою очередь провоцируют социальные изменения. Автор рассматривает сущность социальных трансформаций, опираясь на различные социальные теории, охватывающие феноменологические идеи, взгляды понимающей социологии и социологии культуры, критику символического потребления и роль пространства-времени в процессе социальных изменений. В современной социологии под социальными изменениями прежде всего подразумевается социально-исторический процесс, где главным преобразователем выступает «социальный агент». Согласно исследованиям П. Штомпки (Штомпка 1996), одной из трех форм независимой динамики структур является принцип последовательности, где фазы следуют друг за другом и ни одна не может быть пропущена (так, модернизация экономики невозможна без профессиональной подготовки рабочих кадров, а к изменению модели потребления можно прийти через производство или импорт новых продуктов). Если провести параллель с процессом автомобилизации, напрашивается вывод о том, что на уровне социума этот процесс связан с жизненными приоритетами и потенциальными возможностями индивидов, с демографической ситуацией, материальными ресурсами и дизайнерскими предпочтениями. На уровне структур этот процесс зависит от уровня развития промышленности, рынков, логистики и жизненного уровня населения. Таким образом, автомобилизация в глобальном масштабе модифицирует формы занятости населения. Особенно отчетливо, как показано в книге Р. Кононенко, это проявляется в регионах на градообразующих предприятиях.

Далее автор переходит к анализу автомобиля как идеологического конструкта, используемого властью для формирования представлений о специфике государственного и общественного развития страны. Здесь Р. Кононенко уместно опирается на подход социальной истории к «практикам автомобилистов в СССР и России в аспектах покупки, эксплуатации автомобилей, их ремонта и продажи» (с. 23), прослеживает социальные изменения, обусловленные развитием автомобильной техники, возникающие новые социальные связи, трансформирующиеся социальные структуры. Историю советского автопрома он связывает с гендерной политикой советского государства. Женщина за рулем на плакатах и экранах в пору расцвета социализма должна была символизировать высокий уровень жизни, урбанизацию, равноправие полов и другие «достижения» советского государства. Количество и качество произведенных товаров не отвечало спросу, потребностям и пристрастиям людей. В такой ситуации автомобиль рассматривался как приз, редкая награда, а появление женщины в роли владелицы недоступного, дорогого и весьма высокостатусного объекта было тем более сим-

волично. Женщина в автомобиле символизировала самодостаточность, образованность, благополучие, т. е. все те качества, которые свидетельствовали о модернизации, прогрессе и гендерном равенстве.

Дефицит автотранспорта в России существовал всегда, и хотя массовый выпуск автомобилей увеличивался, число их было невелико, поэтому владельцы машин, в основном мужчины, воспринимались как особая каста. А женщина-автовладелец, большая редкость в те времена, символизировала независимость, высокий социальный статус, успешность. Обладание автомобилем вело к тому, что время и внимание автолюбителя перераспределялось в ущерб другим социальным функциям. И в условиях тотального дефицита под большим вопросом оказывались свобода и автономия как главные ценности идеологии автомобильности. Недостаток элементарных для западных автоводителей удобств (отсутствие скоростных трасс, мотелей, запчастей, топлива, плохое качество дорог) формировал особую автомобильную культуру в нашей стране, полностью отвечающую особенностям хозяйственного уклада населения, неоднородным условиям жизни различных групп населения (Siegelbaum 2008; Сигельбаум 2011). Таким образом, приходит к выводу автор, гендерная система советского периода демонстрировала противоречия создаваемого образа «женщины за рулем»: с одной стороны превосходные характеристики — эмансипация, равенство и т. п., с другой — негативные — менее компетентный водитель, занимающий зависимое, ученическое место.

Исследуя культурную биографию автомобиля, автор рассматривает существование и функционирование автомобиля в контексте разных жизненных стилей, приоритетов и возможностей. Р. Кононенко представляет историческую ретроспективу совершенно особой культуры использования вещей, характерной для советской и современной России. Жизнь советского автомобиля была долгой, сопровождалась планомерным ремонтом, специфической культурой хранения и заботы. Советская автомобильная повседневность в корне отличалась от сегодняшней, поэтому, в отличие от других стран, и была мало популярна практика антикваризации автомобилей. Раньше если человек приобретал автомобиль, то, как правило, пользовался им всю жизнь, да еще и оставлял в наследство детям. Сегодня же автопарк стремительно вырос, автомобиль из роскоши стал для многих предметом острой необходимости для ежедневного использования, но остался и символом социального статуса.

В XXI в. потребление становится инструментом конструирования социальной идентичности, для чего необходимы ресурсы, большей частью материальные. Е. Трубина отмечает, что «в стиле вождения, в спаянности статуса владельца и дороговизны автомашины, в поедании парковками зеленых мест проявляются социальные отношения капитализма» (Трубина 2011: 189). Автомобиль, по сути, выступает не только предметом, способным отразить материальный достаток, но и средством самовыражения, в том числе национальной идентичности. В автомобильной культуре актуализируются такие элементы, как патриотизм, национальная гордость и связь поколений. Исследуя культурную биографию автомобилей, автор фокусируется на тактиках их владельцев, сопряженных с эксплуатацией и обслуживанием авто. Анализируя специфику

владения как подержанными (еще «советскими»), так и новыми автомобилями, Р. Кононенко реконструирует сложные взаимосвязи индивидов, оформляющиеся в сообществах, которые «все активнее участвуют в культурной и политической организации жизни горожан» (с. 76). Опираясь на идеи социологов Чикагской школы и качественные интервью, автор рассматривает ценности, разделяемые участниками нескольких автомобильных клубов, и функции сообществ автолюбителей. Среди таких функций — коммуникативная, экономическая, информационная, накопления социального капитала и получения статусного признания, аффилиация, идентификация, самопрезентация.

Еще одной авторской находкой стало исследование культурных практик на отечественном рынке подержанных автомобилей, приобретшем форму социального и культурного (а уже не чисто экономического) пространства, «местом для общения людей из одного круга» (с. 81) автолюбителей, коммуницирующих между собой посредством устных и письменных символов, фольклорных форм коммуникации.

От рассуждений об автомобиле как предмете потребления автор переходит к размышлениям о субъективном благополучии автовладельцев. Углубляясь в аналитическую проработку данного аспекта культуры автомобильного потребления, а именно, фокусируясь на самооценках удовлетворенности жизнью среди автовладельцев, автор производит анализ результатов массовых опросов, привлекая данные панельного обследования РМЭЗ с 1994 по 2007 г., общероссийского опроса ФОМ 2008 г. и опросов Eurobarometer 2007 и 2009 гг. и ряда других массивов качественных и количественных данных. Интересные наблюдения касаются динамики автомобильного потребления в городе и на селе, в возрастном и гендерном измерениях, среди групп с различным доходом. Помимо такой «жесткой» классификации объекта исследования автор приводит и психотипы автолюбителей, реконструированные при помощи фокус-групп. Привлекает автор и некоторые визуальные материалы, подвергая разбору образы и слоганы автомобильной рекламы. Проработка материала позволяет социологу утвердиться во мнении о смысловой многоаспектности автомобиля как в значении элемента материального производства-потребления, так и в роли механизма, преобразующего гражданскую жизнь (с. 122).

Автомобиль влияет на стиль жизни — появляются новые возможности, изменяется структура и содержательное наполнение времени автолюбителя, появляется ощущение безопасности и надежности. Одновременно с расширением авторынка происходят и существенные социальные изменения в жизни людей. Таким образом автор переходит к описанию особенностей «культуры автомобильного потребления в динамике социальных изменений» (с. 89). Автомобиль не просто является элементом системы материального производства и потребления, он преобразует форму гражданской жизни, жилья, путешествия и социализации. Покупка и владение автомобилем позволяют человеку обосноваться в статусе собственника, а использование авто формирует новый жизненный стиль, новое ощущение пространства и времени. В капиталистическом обществе обладание автомобилем является составной частью статуса в либеральных ценностных координатах, поскольку скорость передвижения дает свободу, а благополучие — независимость.

Таким образом, автор сумел осветить сложность и противоречивость развития отечественной автомобильности, показав данный процесс в контексте слияния макро- и микросистем: представил как идеологический проект специфические стратегии, реализуемые политической и экономической властью, и вычленил субъективные практики автовладельцев. Одним из важных авторских заключений является вывод о специфической характеристике автомобильной культуры, «которая подразумевает как автономию, так и солидарность» (с. 137), уравнивающую экономические категории автовладения с ценностно-символическим содержанием коллективного действия. В итоге тип культуры автомобильности определяется как объективными условиями, включая особенности национальной экономики, характер доминантной ценностно-нормативной системы и социальной структуры, так и субъективными социальными мотивами, определяемыми на уровне индивидуальных биографий и общественных объединений (с. 137).

Несмотря на многоаспектность затрагиваемой в книге Кононенко проблемы, целый ряд вопросов ждет своего освещения, например, связанных с профессиями и занятостью, городским планированием, политическими функциями автомобильных сообществ, трансформацией современных форм материального обмена, виртуализацией авторынка, автомобильностью инвалидов и многие другие. Критического пересмотра заслуживает и распространенный сегодня подход к автомобилизации, в котором преобладают акценты на прогрессе, удовольствии, консьюмеризме и власти. Ведь высокая скорость вовсе не тождественна прогрессу и счастью (см. Вирильо 2004). Вместе с тем очевидно, что сам по себе данный научный труд вызовет интерес у широкого круга читателей, интересующихся вопросами автомобильности, культуры повседневности, символического потребления, антропологии вещей, городских сообществ и критики массового потребления. Эта книга способна послужить стимулом для построения дальнейших гипотез и реализации новых исследовательских программ в самых разных направлениях социальных наук.

Литература

- Вирильо П.* Машина зрения. СПб.: Наука, 2004.
- Лефевр А.* Повседневное и повседневность // Прогнозис. 2010. № 1. С. 185–189.
- Сигельбаум Л.* Машина для товарищей. Биография советского автомобиля. М.: Издательство РОССПЭН, 2011.
- Трубина Е.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXIII столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Siegelbaum L.* Cars for comrades. The life of the Soviet automobile. Cornell University Press, 2008.
- Urry J.* Global complexity and the car-system // Automobilities / Ed. by M. Featherstone, N. Thrift, J. Urry. London: Sage Publications, 2005.

ABSTRACTS

HISTORY OF RUSSIAN SOCIOLOGY: A. LAPPO-DANILEVSKY

Kozlovskiy V. From a Methodology of History to a Historical Metasociology:

A. Lappo-Danilevsky's Lessons

This article introduces the work of Alexander Lappo-Danilevsky (1863–1919), an academician of the Russian Academy of Sciences, who combined the creative intuition of a historian, social philosopher, and sociologist. His contribution to the development of social sciences and humanities in Russia in the early twentieth century consisted primarily in the elaboration of archeography, methodology of history and historical sociology. He was an initiator and the first chairman of Maxim Kovalevsky's Russian Sociological Society (1916), and an active supporter of the establishment of the Institute of Social Sciences (1918).

Keywords: methodology of history, historical metasociology, A. Lappo-Danilevsky, nomothetic and idiographic approaches.

Malinov A. A. Lappo-Danilevsky, the First Chairman of M. Kovalevsky Russian Sociological Society

The article explores the foundation of M. Kovalevsky Russian Sociological Society and traces the first two years of its existence, when the chairman of the Society was an academician A. Lappo-Danilevsky. On the basis of A. Lappo-Danilevsky's archive the author investigates the programs of the first public meetings and correspondence between the society's chairman and the members of its presidium.

Keywords: Russian Sociological Society, A. Lappo-Danilevsky, history of Russian sociology.

Malinov A. «A Disseminator of Vital Knowledge» (A. Lappo-Danilevsky's activities for the organization of the Institute of Social Sciences)

The article covers the activities of Academician Alexander Lappo-Danilevsky for the organization of the Institute of Social Sciences in Petrograd in 1918. The author cites the archival notes by A. Lappo-Danilevsky, as well as extracts from the protocol of the committee meeting of the Academy of Sciences where the need for a sociological institution was discussed.

Keywords: sociology, institutionalization of science, Academy of Sciences, A. Lappo-Danilevsky.

Rostovtsev E. A. Lappo-Danilevsky in St. Petersburg University Corporation

The article is dedicated to the analysis of A. Lappo-Danilevsky's role in the life of academic scholarly corporation of Saint-Petersburg University at the turn of the XIX–XX centuries. The author investigates the reasons of his isolated position in his professorial environment and reconstructs the development of his main scientific projects appealing not only to his own scientific ideas but also to corporative mode of the Department of History and Philology. The author argues that A. Lappo-Danilevsky has succeeded in forming a new academic space (parallel to the official one) to develop his own research program.

Keywords: A. Lappo-Danilevsky, St. Petersburg University, Russian historiography, anthropology of science.

Lappo-Danilevsky A. Methodology of History

Excerpts from: Lappo-Danilevsky A. The methodology of history. First Issue. Posthumous publication. Petrograd: Russian State Academic Printing House, 1923. 278 p.

Lappo-Danilevsky A. On the Institute of Social Sciences. A Note by the Commission of the Russian Academy of Sciences

This is a III Attachment to the minutes of the IX extraordinary meeting of the General Assembly of the Russian Academy of Sciences, 18 (5) June 1918 (§ 138). Pp. 108-110.

SOCIOLOGY OF SOCIAL PROBLEMS

Golbraykh V. Environmental Conflicts in the Local Media

The media determine to a great extent our understanding of social problems, including environmental ones. The media are “public arenas” where a struggle among different groups happens around the fact whether a particular situation is a problem to be solved or not. A fact that media give an interpretation of some actor in a conflict situation influences seriously a success of the actor. This article deals with a conflict around a project of a highway from Moscow to St. Petersburg in the local media. What began as a local environmental conflict initiated by Khimki forest defenders have become known far beyond the city of Khimki. The author uses analysis of frames (diagnostic and prognostic) for an investigation of the local newspapers as “public arena” where different actors give their interpretations of the controversial situation.

Keywords: local media, environmental conflict, “public arena”, diagnostic frame, prognostic frame.

Koltsova O., Yasaveyev I. Constructing the Police Violence Problem in the Russian Blogosphere: Rhetoric, Motifs and Claims-Making Styles

The article attempts to apply the Ibarra-Kitsuse constructionist model of rhetorical idioms, counterrhetorics, motifs and claims-making styles to the LiveJournal posts about police brutality in Russia. The analysis of the blog posts evoked by the death of detainee Sergei Nazarov after rape tortures in Dalny police station (city of Kazan) in March, 2012 reveals that Nazarov's case is considered by bloggers in the context of violence by the Russian police as a whole, that police brutality is interpreted by the blogosphere as a wide-spread phenomenon and that Nazarov's death was the catalyst for the mainstreaming of latent tension. The main rhetorical idioms used by bloggers are the rhetoric of endangerment (danger to citizens by the police), the rhetoric of entitlement (concerning ex-prisoners) and the rhetoric of calamity (concerning Vladimir Putin's presidency).

Keywords: social problems, claims-making, blog, blogosphere, rhetoric, rhetorical idioms, counterrhetorics, motifs, claims-making style.

URBAN STUDIES

Pryamikova E., Vandyshev M., Veselkova N. Les Lieux de Mémoire and Symbolic Capital of Territories in Mental Maps of Town-Dwellers

This article describes how to use mental maps in the study of contemporary urban space. 122 maps of various territories of Sverdlovsk region were collected in 2011. The research strategy developed for the analysis of elements of the industrial urban space is based on both the concept of mental maps (Kevin Lynch) and the definition of places of memory (Pierre Nora). Basic elements of the city image are identified. The authors come to the conclusion that particular construction of the image of industrial cities under research — focus on symbolically important elements — encourages attachment of the population to the territory and the construction of local identity.

Keywords: mental maps, places of memory, symbolic capital, local identity.

Tykanova E. The Influence of Urban Political Regimes on City Space Contestation (the Case of St. Petersburg and Paris)

This paper considers two cases of local urban communities in St. Petersburg and Paris struggling against the transformations of urban space: namely against the demolition of buildings that are of no architectural value but bear considerable historical and commemorative significance for the citizens. Having compared the contestation of these urban territories by local communities representatives, the author concludes that the course and outcomes of struggle depend on the existence or lack of coalitions constituted

by construction business and city administration in the structure of urban political regimes.

Keywords: contestation of urban space, local communities, urban political regime, legitimations.

Karpov Yu. The Capitalist Reconstruction of Saratov's Historic Center: Evolution of the Power Discourse

This article identifies the characteristic features of contemporary building process in one of the big cities in Russia (Saratov). The content analysis of the two periodicals (“New Times in Saratov” and “Our version” (2008-2013)) allowed the author to identify various discourses that exist in the urban community on the prospects and models of urban development. The socio-cultural study of urban planning involves the investigation of values underlining the transformation of the former socialist city into the capitalist one. The discourse analysis of regional media helped to reconstruct the value basis of urban policy, and to identify the specificity of its perception by the expert community in the region.

Keywords: sociology of architecture, urban culture, discourse analysis, urban studies.

SOCIOLOGY OF GENDER AND SEXUALITY

Mozzhegorov S. Strategies of Homosexual Coming out in Personal Narratives of Russian Sexual Minorities

The focus of our study are the personal narratives of individuals who identify themselves as gay and lesbian, and have experience of homosexual coming out. We focus on the interactional aspects of the strategies of coming out in specific social contexts. In the framework of this study we try to figure out how the homosexuals perform disclosure in three fields of interaction — the personal sphere, the institutional environment, and the public sphere. In particular we focus on the motives and needs that determine the intention of homosexuals to “be open” in their everyday lives.

Keywords: gay, lesbian, coming out, personal narratives, fields of interaction, personal sphere, institutional environment, public sphere, actionism.

Golman E. On Real and Imaginary Female Bodies: Comparing the Body and Gender

The paper is focused on the role of the body and the body practices in construction of social conception of woman, and on the issue of distinction between the body, sex and gender. The analysis of critique of identifying sex with the body as well as binary classification of sexes is provided. Classical “doing gender” theory of C. West and D. Zimmerman is reformulated with

taking the body into account. Conclusion is made on significance of distinguishing the body, sex as the result of binary classification, and gender as behavioural prescription according to sex. Such account can be evaluated as a theoretical resource for interpreting bodily practices as means of inscribing gender on the body in contemporary social condition of gender tensions.

Keywords: female body, sex, sociology of the body, gender theory, gender tensions.

SOCIOLOGY OF DEVIANCE

Shipunova T. Promotion of Deviant Behavior Patterns as (A)Social Projects in a Virtual Communicative Environment

The author considers the Internet as a set of subjects and means of informal social control of deviance. The article raises the problem of the study of virtual communication resources which using strategies, technologies and techniques of social marketing design and promote (a)social projects with deviant orientation. The methodology of research is offered from the constructivist standpoint. The article deals with two (a)social projects in terms of their promotion through virtual communication resources and habitualization of their deviant content.

Keywords: (a)social project, habitualization, social marketing, virtual communication, internet memes, prisonisation, deviance, social control, the prison subculture.

Dmitrieva A. “Stylization” of Biographical Trajectories through Drug Consumption

As part of modern society traditional mechanisms of social structuration are complemented by new “stylistic” factors. These factors are based on the differences in styles of consumption generating new lifestyles and new stylistic groups. In Russia, in spite of the constant tightening of legislation, drug consumption becomes a relatively routinized practice. This is related both to the differentiation of the drug market and to the differentiation of functions and meanings associated with the consumption of different drugs, the possibility of «styling» life through it. The article considers the biography of an individual as a continuum which is structured in a special way under the influence of the specific drug consumption.

Keywords: social structuration, lifestyles/consumption styles, drug consumption.

NEWS / INFORMATION

International Scientific Conference “Understanding Socio-Historical Development and Modernity: A Methodology for Social Sciences”

The International Scientific Conference “Understanding Socio-Historical Development and Modernity: A Methodology for Social Sciences” was held 28-29 June 2013 on the basis of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences. It was dedicated to the Russian historian and social scientist, academician A. Lappo-Danilevsky (1863-1919). The event was organized by the sector of the history of Russian Sociology. The conference was attended by 49 people, among them participants from Mexico, Spain, India, the Philippines, and Belarus.

NEW BOOKS ON SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Sorokina N., Alipov D. The Means of Transport and Status Mobility: the Car in the Socio-Cultural Perspective

Kononenko R. *Automobility in Russia*. Moscow: Variant; CSPGS, 2011. – 156 p.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся.

Объем рукописей статей ограничен по рубрикам:

Ключевые статьи — не более 1 п. л. (40000 знаков).

Дискуссии — не более 0,5 п. л. (20000 знаков).

Эссе и публицистика — не более 0,5 п. л. (20000 знаков).

Исследования — не более 0,5 п. л. (20000 знаков).

Социологическое образование — не более 0,5 п. л. (20000 знаков).

Обсуждение и рецензирование научных публикаций — рецензия не более 0,5 п. л. (20000 знаков).

Сообщения о научных конференциях, семинарах различного уровня — не более 0,2 п. л. (8000 знаков).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена, во-первых, **информацией об авторах**, включающей фамилию, имя и отчество, год рождения, место учебы/работы, ученые степень и звание, исследовательскую тематику, основные публикации, адрес и телефон, адрес электронной почты, и, во-вторых, **ключевыми словами** и подробным **резюме на русском и английском языках** объемом 80–120 слов. Статьи принимаются в печатном виде (1 экз.) и электронной версии в редакторах Word. Также статьи можно присылать на электронный адрес: jssa@list.ru

Рукописи не возвращаются.

Ссылки на источники даются по тексту в скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с русских авторов. Библиографическое описание составляется в соответствии с действующим ГОСТом 7.1–84.

Web-страница журнала:

<http://www.sociology.net.ru>

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: 191124, С.-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд, Издательство Интерсоцис, ком. 332.

(812) 577–12–83.

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

Call for papers

The journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission. Articles should not exceed 40000 symbols (for key presentations), 20000 symbols for other papers, 8000 for book reviews and conference information.

Submissions: author should submit a file saved where possible in the Word for Windows format. References should be placed at the end of the article.

The brief information about the author including: name and surname, birth date, current position, scientific degrees, research fields, 1–2 main publications, address, telephone number, E-mail address, keywords and abstract in Russian and English (100–150 words) should be provided.

Journal Web-page:

<http://www.sociology.net.ru>

<http://www.jourssa.ru>

Contact address:

Vladimir Kozlovskiy, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, Smolnogo str., 1/3, Entrance 9, off. 332. 191124, St. Petersburg, Russia.

Telephone / Fax: +007(812) 577–12–83.

E-mail: jssa@list.ru

ПОДПИСКА

НА «ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

в любом отделении связи по каталогу Агентства «Роспечать».

Подписной индекс — 80427.

Подписаться на журнал на 2013 г. можно также в редакции.

Адрес: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.
Издательство Интерсоцис, ком. 332.

Реквизиты:

ИНН 7825423948 КПП 784001001

Р/с 40703810300000000197 в БАЛТИНВЕСТБАНК г. Санкт-Петербург

К/с 30101810500000000705; БИК 044030705

Тел/факс: (812) 577-12-83.

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.sociology.net.ru>, <http://www.jourssa.ru>

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ
2013. Том XVI. № 3 (68)

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ)
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Социологический институт Российской академии наук (СИ РАН)
Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ “Интерсоцис”»

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-370030 от 30 июля 2009 г.

Адрес редакции: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного,
д. 1/3, 9-й подъезд.

Редактор *Е.В. Пурицкая*
Компьютерная верстка *Н.И. Пашковская*

Подписано в печать 16.09.2013. Формат 70×100 $\frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 19,88.
Тираж 500 экз. Заказ № . Цена свободная.

Издательство «Интерсоцис».
191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд

Отпечатано с диапозитивов в типографии «Ренومه».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40